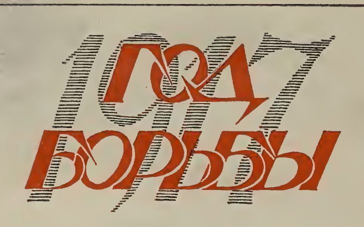

Милютина
ГОД
БОРЬБЫ

Д. Литко

„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ"

Московский ИСТПАРТ

ГОД БОРЬБЫ

СБОРНИК

составила Н. П. МИЛЮТИНА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Мосгублит № 37542. Тираж 2.500 экз.

Тип. и Слов. „Красная Пресня“ (Мосполиграф) М. Груз. ул., Столярный п., 5/7.

ОТ ИСТПАРТА

Уже не раз нами освещались вопросы Великой революции 1917 г. в Москве и губернии. Московским Истпартом за 5 лет своего существования выпущено несколько сборников, посвященных 1917 г., и напечатано немало статей в исторических журналах, и все же, несмотря на, казалось бы, большое количество изданного, Московский Истпарт считает полезным выпустить настоящий сборник.

Революция 1917 г. — событие исключительной исторической важности. Изучить всесторонне, учесть ее опыт необходимо не только в наших интересах, но и в интересах международного пролетариата, которому еще предстоят решающие бои.

Все, что до сих пор было выпущено и что выпускается в настоящий момент, далеко не исчерпывает всего материала по истории Февральской и Октябрьской революций в Москве и губернии. Еще не изжит в Московском Истпарте период накопления исторических материалов и документов революции 1917 г., еще много пробелов, требующих своего заполнения.

Материалом для сборника «Год борьбы и победы» послужила часть статей-воспоминаний активных работников московской организации большевиков в феврале—октябре 1917 г., накопившихся в Московском Истпарте. Сборник разбит на 2 части: I часть—«До Октября», II часть—«Октябрь в центре и районах».

В сборнике не соблюдена надлежащая архитектоника, нет пропорциональности между отдельными его частями, но такое распределение материала диктовалось соображениями переживаемого периода режима экономии. Вопросам, уже неоднократно освещавшимся в литературе, уделено очень мало места.

I часть—«До Октября» (в которую входят: стенограмма одной из речей В. П. Ногина, статьи-воспоминания В. Попова, В. Обуха и исследовательская работа тов. Игнатова)—характеризует состояние московской организации большеви-

ков накануне Февральской революции и августовское московское совещание.

В этой части сборника почти нет освещения событий Февральской революции: весь имеющийся по этому вопросу материал, в виду того, что в 1923 г. Истпартом был выпущен специальный сборник «От Февраля к Октябрю», пока не печатается.

II часть—«Октябрь в центре и районах»—в свою очередь представляет два отдела. В первом—статьи Аросева (некоторые из этих отрывков в разное время печатались в газетах), дающие яркую картину Октября в Москве, и статья тов. Страхова—рабочего, участника разыгравшейся трагедии в Кремле. Второй отдел этой части посвящен исследованию, каково было положение и как шли бои в Октябрьские дни в отдельных районах. К сожалению, не удалось представить картины Октября во всех районах Москвы; из крупных районов не выявлен Рогожско-Симоновский.

Наконец, в этом же отделе помещена статья тов. Розенштейна—Благуше-Лефортовский район. Она охватывает деятельность совета и представляет как бы заключительную часть его работ, ранее печатавшихся в сборниках, изданных Московским Истпартом.

★

В. П. Ногин

СРЕДИ МОСКОВСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ

Из стенограммы речи В. П. Ногина на собрании в Московском Истпарте в 1923 г.

Я расскажу о том, в каком виде я встретил партийных товарищей, когда вернулся из ссылки. Это было как раз в июле 1914 г. Я приехал в Москву за несколько дней до об'явления войны. У меня имелась резолюция по вопросу о войне и отношению к войне, которую мы приняли 1 мая 1914 г. в г. Якутске на собрании партийных товарищей. Там участвовал, помимо меня, тов. Ярославский. Эту резолюцию мы и хотели провести через собрание всех ссыльных в г. Якутске, но со стороны эсеров и некоторых меньшевиков, в том числе тов. Виленского, встретили решительный отпор. По приезде сюда в Москву эту резолюцию, которая в мае предвидела возможность войны и намечала некоторую линию поведения, понятно, линию отрицательного отношения к войне, которую мы впоследствии и заняли, я передал Петру Гермогеновичу Смидовичу, который работал на электрической станции с 1886 г. И тут у нас начались любопытные разговоры. В Москве определилось, что некоторые товарищи из большевиков как бы приемлют войну, но уже чувствовалось, что безусловно мы отыщем общую формулировку, которая нас об'единит, и которая нас резко отмежует от всех товарищей, которые явно поддались впечатлению общего национального угара и сплачивались под, в сущности, либерально-национальным флагом, который увлек не только либеральные, но и революционные круги. Оформлению наших взглядов отчасти способствовало следующее обстоятельство. В Саратове у нас была группа товарищей в составе Ольминского, Ломова, Милютина, Лебедева Петра, Владимира Павловича Антонова. Мы стали издавать газету, которая называлась «Наша газета» и издавали сборник «Под старым знаменем» [1]). Этот сборник определенно зафиксировал

[1]) Сборник „Под старым знаменем" вышел в г. Саратове, издан типографией Авербах в 1916 г. В него вошли статьи М. С. Ольминского, В. П. Ногина, В. П. Милютина, И. И. Скворцова, Г. Ломова.

позицию, на которую мы встали впоследствии[1]). Позже мы узнали, что сборник этот был встречен нашими товарищами с большим удовольствием, так как платформа, которую мы заняли, определенно совпадала с их платформой. Когда я появился в Москве, вернее, не в самой Москве, а под Москвой, так как, будучи только-что вернувшимся из ссылки, я не мог нигде получить никакой работы и жил по месту службы своей жены в одном из сел сначала Московского уезда, потом Серпуховского, а затем и других уездов,—в это время стала группироваться старая наша публика, которая занимала нашу позицию. Когда в Москву перебрались еще некоторые товарищи, в том числе Ольминский, общая линия оформилась, и позиция была занята совершенно ясная. Стали подготавливать второй сборник, который мы назвали «Призыв»[2]); он испытал много мытарств и вышел как раз в день Февральской революции. В тот день, когда произошла революция, нам надо было спасать его из типографии, но спасла его сама революция. В конце 1916 г. наша группа пополнилась присоединением к ней В. А. Обуха, потом, через некоторое время, тов. Голенко. Позднее появилась Марья Ильинична Ульянова, которая уже в самом конце 1916 г. иногда посещала нас. К этой же группе присоединилась Варвара Николаевна Яковлева. Помимо перечисленных, определенную активную роль играл тов. Попов, Вениамин Серафимович. Приблизительно в конце 1916 г. нас посетил тов. Шляпников, как представитель Центрального Комитета. Собрания у нас происходили на квартире И. И. Скворцова, где мы определенно установили, что позиция, занятая нами, действительно совершенно совпадает с позицией наших заграничных товарищей, и таким образом установилась более тесная идейная связь с ЦК, которая нами чувствовалась и раньше, но которая получила здесь официальное подтверждение. В это время, главным образом через П. Г. Смидовича и отчасти через В. П. Милютина между группой, состав которой я перечислил, и действующими отдельными рабочими группами, имевшимися в то время в Москве, была установлена связь[3]). Наша группа

[1]) Еще до выпуска в свет сборника, в августе 1914 г., в Москву приехал В. П. Милютин с разработанной платформой об отношении к войне—платформой, определенно направленной против войны. Она была согласована с В. П. Ногиным и И. И. Скворцовым в виде напечатанного на гектографе доклада об отношении к войне и распространена в московском подполье.

[2]) Сборник „Призыв“ вышел в Саратове. Накануне дня Февральской революции на сборник в типографии был наложен арест. Вечером в день победы Февральской революции в Саратове были арестованы члены жандармского управления и сборник выпустили *(Прим. ред).*

[3]) По словам В. П. Милютина, он имел связь с районами через Станислава Косспора, Кизильштейна и Соколова С. И. (металлист, оказавшийся провокатором). *Прим. ред.*

выполняла общие поручения, которые давали ей рабочие группы. Связь поддерживалась в последнее время, насколько я помню, через тов. Владимирова. Писались различные листовки и обсуждались те общие вопросы, которые выдвигала тогдашняя жизнь. Само собой разумеется, работа, которая проводилась таким образом на собраниях, бывших до известной степени регулярными, но, я бы сказал, не очень частыми, не могла быть названа яркой, как наша нелегальная работа, к которой мы раньше привыкли. Это об'яснялось прошлым большинства перечисленных мною лиц, которые были слишком известны полиции и, естественно, в самую гущу рабочих масс продвигаться не могли. Отчасти подспорьем в работе этой группы было использование легальных возможностей, которые тогда имелись. Одну из таких представляло существовавшее в последний год общество «Кооперация», в совет которого входил И. И. Скворцов, а я был секретарем так называемого торгового отдела. Работали мы вместе с Варварой Николаевной Яковлевой, там же работали А. А. Сольц и тов. Зеленский в качестве одного из счетоводов. Кроме них работал Усагин. Собралась нас небольшая, но теплая компания, которая до известной степени создавала определенную революционную атмосферу среди служащих и отчасти среди членов общества. Мы вместе с В. Н. Яковлевой надумали такое разделение труда: я использовал для пропаганды наших идей, во-первых, курсы, организованные нами, на которых читал П. Г. Смидович, во-вторых, те собрания, которые происходили в районах. Мне приходилось много раз выступать, мы всегда пытались провести свою точку зрения при обсуждении вопросов о дороговизне. На эту тему писали соответствующие статьи и читали доклады, на которых бывало много народа, иногда по несколько сот человек. Варвара Николаевна поставила себе задачей работу среди женщин, но, к сожалению, ее болезнь помешала ей провести в жизнь намеченные планы.

Теперь, что касается самых последних месяцев перед революцией, то я считаю необходимым отметить следующий факт. Прежде всего, несколько слов о демонстрации, которая была организована нашими московскими товарищами 9 января. Демонстрация разразилась на Театральной площади, как удар грома средь ясной погоды; она представляла собой очень небольшую кучку рабочих, развернувших красное знамя с надписями «Долой войну», «Мы требуем хлеба и свободы». На площади появился околодочный надзиратель, покрутил вокруг своей головы резко шашкой, несколько городовых побежали к знамени,—демонстрация разбежалась, знамя закрутили. Я видел это собственными глазами. На публику эта демонстрация произвела ошеломляющее впечатление,—уж слишком была неожиданна; на Театральной

площади сказано было слово, которое, с одной стороны, возмущало национальное чувство, с другой,—словами «дайте хлеба» выражало уже то, что остро чувствовалось: хвосты за хлебом всюду были громадные и озлобляли население. Демонстрация послужила резким толчком к перелому настроения населения. Это очень сильно сказывалось на тех легальных собраниях, о которых я говорил. Вокруг группы «Кооперация» началось группирование всевозможных сортов интеллигенции, которая и начала вырабатывать различные требования. Все это создало ту атмосферу, которая ярко чувствовалась после Февральских дней. Наша группа при первых известиях о событиях в Петрограде, начала обсуждать образ действий, и в середине февраля, после первого выступления в Петрограде, мы решили выпустить несколько воззваний. Я должен еще сказать, что последнее собрание у нас происходило на квартире В. А. Обуха и потом у тов. Малиновской. Я помню, мы постоянно кочевали с одной квартиры на другую, помню дальше следующее обстоятельство, которое, по-моему, необходимо отметить. Когда пришло извести о выступлениях петроградских рабочих, то в нашей группе стал вопрос: что это такое? Было поручено написать Ивану Ивановичу Скворцову листовку, которую он начал словами: «Революция приближается». Это после того как уже народ выступил на улицу. Я внес поправку: «Революция началась». Большинство оказалось на стороне этой поправки, и было поручено эту резолюцию отпечатать. В это время мне через служащих «Кооперации», в том числе через тов. Знаменского, удалось эту листовку отдать напечатать в ту типографию, с которой тов. Знаменский был связан. К утру он заказ выполнил, и, когда я утром шел из Сокольников, эта листовка красовалась уже на некоторых углах Покровской и Елоховской улиц. Дальше события потекли приблизительно так: было уже совершенно ясно, что мы правильно сказали, что революция началась. Известия о Питере, несмотря на то, что листовка была напечатана в очень небольшом количестве экземпляров, проникли в рабочие массы, забастовка фактически была начата в тот же день. Начались разговоры о дальнейших действиях, и я должен отметить один интересный факт, как предполагали организовать в ближайшее время массы. Было два плана. Один план исходил от Колокольникова (Дмитриева), Юсуфа и других меньшевиков, главным образом от Колокольникова. План сводился к тому, что повторять ошибки 1905 г. не следует, что советы рабочих депутатов не нужны: надо начинать сразу с организации районных собраний, в которые нужно вовлечь рабочих; кроме того, организовывать также и остальные слои населения,—таким образом создать необходимое самоуправление. Этот вопрос

обсуждался в меньшевистских кругах и проник в среду тех рабочих масс, с которыми мне приходилось сталкиваться в то время, с рабочими и работницами рабочей кооперации. Между тем работа этой кооперации не была такой, как нужно, и я решил уйти из кооперации, видя, что она идет по неправильному пути. Я обратился к Ивану Ивановичу Егорову, стоявшему во главе рабочего об'единения; правда, от этого никаких результатов не последовало, но через него я завязал связь с остальными представителями рабочей кооперации, и в тот день, о котором я говорю, когда появились наши листовки, мы решили устроить собрание всех рабочих кооперативов, которое произошло в одном из домов, в старой мастерской на Покровской улице. Присутствовало довольно много народу, человек 50—60, если я не ошибаюсь. Помню, что комната была темная. На этом собрании обсуждался вопрос—итти ли по пути, указанному Колокольниковым, или, наоборот, организовать совет рабочих депутатов, и что для этого нужно сделать. Нам было известно, что и другая группа работников пытается разрешить вопрос об организации совета рабочих депутатов. Этот вопрос был поставлен на обсуждение, и единогласно план Колокольникова был отвергнут, и было решено принять меры к организации совета рабочих депутатов. Вместе с тем обсуждался вопрос, какой лозунг мы сразу должны выкинуть: должны ли мы говорить о республике, или мы должны замалчивать этот вопрос. Единодушно было решено, что нам нечего скрываться, нечего бояться, если бы даже было провозглашено регентство, мы должны сразу выступить с определенным лозунгом республики и не создавать никаких иных иллюзий. Я должен подчеркнуть, что публика, которая присутствовала на этом собрании, была беспартийная, это были рядовые кооператоры, впоследствии давшие некоторых товарищей в ряды нашей партии. Собрание характеризовало очень широкие слои населения рабочего класса. В это время происходило собрание еще и в другом месте, насколько мне помнится,—в помещении Большой Московской гостиницы, под председательством одного из работников Военно-Промышленного комитета Черегородцева. Он выдвинул идею о необходимости сперва организовать революционный комитет, который должен пойти в городскую думу и там приступить к организации совета рабочих депутатов. Таким образом вопрос об организации совета рабочих депутатов был поднят в двух собраниях, и дума была занята. К ней начали стекаться массы. На первом собрании в качестве председателя совета был выбран Алексей Максимович Никитин, который очень скоро это почетное звание променял на шашку полицеймейстера и ушел в градоначальство. Вместо него фактическим председателем стал Хинчук, и был избран исполни-

тельный комитет совета. Исполком составился, по моему мнению, довольно случайно. В нем были лица, которых намечали раньше на собрании, но были лица, которые просто пришли. После избрания президиума исполкома произошла легализация Московского Комитета. Мне на другой день сообщили, что товарищи из Московского Комитета немного упираются и не хотят сразу проявить свой лик и выступить легально отчасти потому, что они считают это неконспиративным и думают, что еще могут измениться обстоятельства, а отчасти даже потому, что у них нет возможности найти соответствующее помещение. В то время мне было поручено группой вести переговоры с меньшевиками и эсерами и узнать, что они намерены делать. По этому поводу мне приходилось бывать в здании Сытина на Маросейке, где помещался раньше Всероссийский Земский союз и где одно время помещался ВСНХ, в отделении солдатских лавок. Мне было известно, что отделение заполнено исключительно эсдеками, и я думал, что мы сможем легко отобрать у них необходимое помещение для Московского Комитета. Тогда вместе с тт. Обухом, С. Н. Смидовичем и Владимировым мы отправились в здание Сытина, пришли туда и говорим: «Давайте нам помещение для нашей организации». Служащие вытаращили глаза и заявили, что без начальства они помещение дать не могут. Тогда В. А. Обух говорит: «Я вас арестую». Служащие еще более удивленно посмотрели, но все-таки оробели; через несколько минут началось какое-то движение, и нам сказали: «Хотите, занимайте это помещение, а там посмотрим, как начальство: если выгонит вас, не ругайтесь». Таким образом Московский Комитет получил помещение, и произошла его легализация. Что касается организации фракции большевиков Совета РД, то, насколько я помню, мы к этому приступили уже когда перебрались в Капцовку, в Леонтьевский пер. У нас раньше, кажется, не было заседаний фракций. У нас первое время происходили собрания так: обыкновенно по вечерам мы собирались вместе, в Московском Комитете, в одной из комнат внизу, и обсуждали злободневные вопросы. Я думаю, что не стоит подробно о них рассказывать. Я укажу только, что эти собрания скоро потребовали более обширных собраний. Тут же стали появляться разногласия в нашем поведении внутри Исполкома СРД. Наиболее спорным вопросом, сплотившим большевиков, являлся вопрос позиции по вопросу о приказе № 1. Но эти внутренние разногласия скоро были изжиты, общая позиция была занята дружно, но она не завладела всем Исполнительным комитетом. Правда, что между меньшевиками не было единодушия, и из них сам Хинчук скорее примыкал к нам, чем к меньшевикам. Скоро стало заметно, что эсеры также не прочно об'единяются вместе. В это время у нас в Капцовке, в одной из комнат

во втором этаже, в углу, было первое фракционное собрание исполкомцев. А первое фракционное собрание советов происходило в Политехническом музее, в одной из аудиторий. Я помню, что в то же самое время ко мне обратилась В. Н. Яковлева, с предложением выработать постановление Московского Комитета о разграничении функций фракции советов и фракции Исполкома, и об отношении совета к партийным организациям. В сущности, те предположения, которые были мною предложены, впоследствии были приняты всеми и легли в основу общих наших отношений между организациями. Но не сразу они были приняты всеми. И тогда уже намечалась потребность в руководящей линии, чтобы функции эти не смешивались.

★

В. С. Попов (Дубовской)

В МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В 1916 г.

Весной 1916 г. в тогдашний Петроград приехал (конечно, нелегально) тов. Шляпников и здесь, по поручению ЦК, организовал Всероссийское бюро ЦК. В мае 1916 г. я выехал в Москву, имея поручение от этого бюро поработать над восстановлением здесь нашей большевистской организации, которая, по сведениям в Петрограде, совершенно развалилась из-за хорошо поставленной охранкой провокации. Было арестовано под ряд, что называется, на корню несколько московских комитетов. Оставшиеся на свободе товарищи, как С. Н. и П. Г. Смидовичи, Обух и др., жили как в фонаре, под наблюдением и не могли ворохнуться.

Я привез с собой что-то фунтов двадцать нелегальной литературы, которая незадолго до этого была получена в Петрограде. Кстати, в то время здесь транспортным делом заведывал тов. Шведчиков и наладил его недурно. Получалась литература через Финляндию. Помню, как он нес с Финляндского вокзала два пудовых тюка на Петербургскую сторону на своих на двоих, так как на извозчика денег не было. Глаза на лоб лезли, а донес. Через границу литературу перевозили и в обыкновенных пассажирских поездах и в виде ручного багажа. Занимались этим тов. Цветницкая и другие.

Привез я тогда в Москву новинки: несколько комплектов «Социал-Демократа», тезисы Ленина и др. литературу. К слову, дня через два приехал ко мне из Екатеринослава за литературой тов. Гудима (теперь работает на Украине), взял пачку и повез к себе. По пути с вокзала его арестовали, избили и посадили в тюрьму, откуда он вышел лишь во время Февральской революции. Для этого, пожалуй, и не стоило предназначенную ему стопку литературы привозить из Финляндии.

Пошел я прежде всего к Смидовичам. Когда мы привели в ясность местные дела, то оказалось, что действительно организация развалилась, и работать во всяком случае местным большевикам очень трудно из-за провокации. Назы-

вали уже выявленного провокатора Поскребухина, но были данные думать, что остались и еще. Мы организовали Московское бюро ЦК партии. Кроме С. Н. и П. Г. Смидовичей и меня, в бюро вошли М. А. Савельев и М. С. Ольминский, и мы принялись за работу. Решено было, что я, как человек новый, буду вести работу в «низах», С. Н. Смидович держала связь с группой молодежи, и все бюро держало связь с литературной нашей группой.

Надо сказать, что в Питере мы в 1915 г. делали попытки организовать литературную группу из старых большевиков-литераторов. В то время там жили Авилов, Воровский и некоторые другие. Из этих попыток ничего не вышло. Они натыкались на скептицизм, а у некоторых и на прямое неверие в необходимость развертывания подпольной работы и в возможность близкой революции. По большей части это были большевики, в роде Авилова, отход которых от боевых лозунгов ленинской партии ясно обнаружился к 1912 г.: при размежевке внутри большевиков со времени появления «Правды» они не считали себя «правдистами». Вспоминается случай, характерный для тогдашнего настроения этих товарищей. Однажды, после жарких и бесплодных споров на маленьком собрании у Воровского, тов. Шведчиков и я собрались домой. Один из видных старых большевиков, уговаривавший нас посидеть еще, чтобы «договорить», ядовито заметил:

— Где уж тут сидеть. Они боятся опоздать к началу революции.

Словом, в Питере с литературной группой ничего не вышло. В Москве же нелегальная литературная группа организовалась, если не ошибаюсь, еще с 1914 г. В мае 1916 г. в нее входили тт. Скворцов-Степанов, Дауге, Ногин, Вл. П. Милютин (наезжал из Саратова [1]).

Эта группа имела, так сказать, три рода деятельности: вела работу по изданию легальных сборников («Под старым знаменем», «Призыв»), писала для нашего бюро ЦК листовки и, наконец, обсуждала принципиальные вопросы. Вот в этой последней линии обнаружился некоторый разнобой.

Вскоре после моего приезда наша общая группа собралась по предложению В. П. Ногина, который предложил нашему вниманию следующий проект. Так как следующие выборы в Государственную Думу должны состояться в 1918 году, то он предложил наметить подходящего кандидата, послать его в рабочий район и зачислить на фабрику,

[1]) Основное ядро литературной группы в 1914—1915 гг. составляли В. П. Ногин, П. Г. Смидович, И. И. Скворцов-Степанов, В. П. Милютин и в начале этого периода В. И. Яхонтов. К концу 1916 г. группа пополнилась новыми силами. (Прим. по словам В. П. Милютина).

дабы он там прожил смирно полтора года, получил избирательный стаж и прошел в Думу от рабочих. Далее тов. Ногин говорил, что необходимо об'единить старых большевиков, разбросанных по всей России, чтобы создать некую базу для развертывания работы в связи с реальными легальными и полулегальными возможностями (издание сборников, вообще литературы, работа в связи с Государственной Думой и пр.). Поэтому он предложил созвать нечто в роде частного совещания старых большевиков, закрепить связи между нами и организовать общую координированную работу. Я не хочу быть неточным в передаче тогдашней точки зрения Виктора Павловича. В то время он держался тех взглядов, что следует именно сюда перенести внимание. Помню, что резко возражал ему тов. Савельев, и хорошо помню, с каким нескрываемым раздражением тов. Ногин говорил о том, что от наших трескучих фраз на него пахнуло старой, затхлой кружковщиной. Это, конечно, не значит, что тов. Ногин стал сторонником только легальной работы или что он стал отрицательно относиться к нелегальной. Он, например, принимал деятельное участие по писанию листовок и пр.

В. П. Ногина на нашем собеседовании никто не поддержал.

Итак, Московское бюро ЦК приступило к работе. Решено было попытаться восстановить Московский Комитет.

У меня была явка на имя товарища (фамилии не помню) в профсоюзе строителей, который помещался где-то в районе Сретенки или Мясницкой. В комнате суетилось двое, по виду рабочие. Спрашиваю такого-то. Тщедушный, скромный товарищ говорит: «Я». Как полагалось, говорю ему пароль—какую-то забавную фразу о черносотенцах в Государственной Думе. Он встрепенулся и, как полагалось, ответил: «Я—за слободу», пожал мне руку, и мы приступили к разговору. Он сказал, что сам он не в курсе больших дел, и что он сегодня сговорится, а завтра сведет меня к одному товарищу, который как раз стоит в центре работы и все знает; я с ним и столкуюсь.

На другой день мы с ним поехали в Симоновскую страховую кассу. Она помещалась в доме как раз против Симонова монастыря, кажется, во втором этаже. Через дом был полицейский участок.

В небольшой комнате за столом сидел коренастый, с одутловатым лицом человек, из типа коротконогих. Голова с редкими волосами, точно вытертая. Не то худосочный, не то больной, но глаза живые. Эти глаза как-то перебегали с места на место, как это бывает у людей или очень занятых, или с нечистой совестью. Он нас встретил с тем уверенным спокойствием, которое говорило об опытном, никогда не теряющемся, глубоко выдержанном мастере своего

подпольного дела. Это был секретарь Симоновской страховой кассы, Николаев, типографский рабочий, последний провокатор московской охранки, державший в руках московскую организацию большевиков.

Помню, что эти глаза, которые трудно было поймать, вызвали у меня беглую, но определенную мысль, что здесь дело как будто не ладно: не провокатор ли? Но эта мысль изгладилась, когда мы повели разговор. Спокойная и уверенная манера держаться и деловой тон рассеяли опасения. Мне кажется, что устойчивость провокаторов, которая теперь часто представляется необ'яснимой, слепое доверие к ним, несмотря на явные признаки их ремесла, об'ясняются главным образом этим уверенным спокойствием в работе, которое импонировало, пожалуй, даже гипнотизировало подпольщиков. Взять, например, хотя бы Азефа. А спокойствие это об'яснялось тем, что им не надо было тратить напряженного внимания на то, что поглощало внимание подпольщика: им нечего было бояться охранки.

В дальнейшем мне пришлось, к сожалению, работать через Николаева; в районы он меня не пускал под разными предлогами по понятным теперь соображениям—не выпускать из рук главной нити по сношению с центром. Поэтому за время моей работы с ним мне не пришлось войти в связь с районными работниками московской организации. Мне приходилось часто бывать у Николаева. Один раз вечером, когда я дожидался трамвая возле страховой кассы, около меня прохаживался околодочный с портфелем в руках. Через некоторое время, когда я повернулся к электрическому фонарю, он подошел вплотную и быстро, но внимательно глянул мне в лицо, осмотрев всего с головы до ног.

Из разговоров с Николаевым выяснилось, что нельзя думать о том, чтобы сорганизовать МК в обычном порядке, путем выборов на делегатском собрании от районов. Он, Николаев, держит, дескать, с районами связь, и путем разговоров достигнуто решение организовать МК следующим образом: каждый район выберет своего представителя, как члена МК, эти представители сойдутся на организационное собрание и таким образом составят МК. Мы сговорились, что на это собрание приду я. Я не говорил Николаеву, что являюсь представителем бюро ЦК, просто—от центральной группы.

Мы с Николаевым взялись за выпуск листовок, которые стала изготовлять наша литературная группа. В первый раз мы условились встретиться на квартире в одном из переулков Самотеки. Здесь жила девица, если не ошибаюсь, портниха, знакомая Николаева. У нее я застал молодого парня, кажется, студента-петровца (по-теперешнему—тимирязевца); ему я должен был передать для размножения те

две листовки, которые мы хотели зачитать вместе с Николаевым. Но вышел странный казус. Николаева не было, и сколько мы ни ждали его, нет как нет. Мы с товарищем начали читать листовку. Входит незнакомый человек; хозяйка приветствует его с самым растерянным видом и тотчас же выскакивает из комнаты. Пока гость сидел минут 15, она поминутно шныряла то в комнату, то из комнаты. Гость заглянул в листовку, которую студент держал в руках: «Листовку обсуждаете?» Разговор не клеился, и гость, наконец, ушел. Это был рабочий, и вид у него был не плохой. Проводив его, девица с красными пятнами на лице вернулась к нам и сказала, что с этим человеком Николаеву нельзя встречаться, что у них есть какие-то скверные счеты по союзу, что ей удалось перехватить Николаева на лестнице, и он теперь гуляет по переулку, ожидая, когда гость уберется подальше. Скоро появился и Николаев, и мы занялись обсуждением листовок. Через несколько дней мы узнали, что студент арестован.

В одно из моих посещений Симоновской кассы Николаев сообщил мне, что делегаты от районов выбраны, что в воскресенье собрание их состоится в трактире на Серпуховской площади. Я должен был притти на эту площадь, в сквер, где меня будет ждать человек с газетой в руках на скамейке, чтобы провести на собрание. Но на собрание я не попал. Сейчас я точно не помню, почему Николаев не дал мне точно срока явки. Утром я послал к нему знакомого товарища (с Пресни на Симоново); товарищ за дальностью пути опоздал, и когда я, узнав срок явки, пришел на Серпуховскую площадь, там человека с газетой уже не было. Походивши по скверу, я ушел домой. Через несколько дней мы узнали, что вновь составленный МК арестован в следующую ночь.

Это обстоятельство, как и вся обстановка работы, убеждали, что здесь неблагополучно.

Я в это время работал в ревизионной комиссии Земского союза, как заведующий статистикой. Моим заместителем мы устроили Михаила Степановича Ольминского. Там же работали Елизавета Вениаминовна Ломтатидзе, Г. Крумин и др. Михаил Степанович редактировал начавший выходить журнальчик профсоюза типографщиков и писал там. Вот он, со слов товарищей типографщиков, сообщил мне, что Николаев пользуется среди них худой славой: он пьяница и вообще человек не внушающий доверия. Он либо провокатор, либо один из тех, кого охранка оставляет на разведку, чтобы вылавливать тех подпольщиков, которые с ними имеют дело. Иметь с ним дело не следует.

На одном из собраний бюро я высказал соображения, что с Николаевым дело не ладно. С. Н. Смидович со своей

стороны сказала, что та девица, у которой мы встречались с Николаевым,—истеричка, и с нею лучше не иметь дела; относительно же Николаева—слухи плохие. Решили, что лучше будет приостановить в этом направлении работу и с Николаевым дело покончить.

Последний раз я видел Николаева в дни Февральской революции, когда в городской думе организовался революционный комитет, и толпы народа с улицы непрерывно шли в думский зал. Среди них я увидел Николаева и отвернулся, но он подошел ко мне и взволнованно спросил: «Ну, как идут дела?» Я сказал, что идут хорошо, и что это можно видеть в зале и на улице. Тем разговор и кончился. Он постоял и пошел дальше. Я слышал, что потом он был арестован, но почему-то выпущен и скрылся.

Осенью в наше бюро ЦК вошла В. Н. Яковлева. Когда мы порвали с Николаевым, стал вопрос о том, что надо или бросить работу (по восстановлению МК), или подойти к этому другими путями. И вот мы, обсудив хорошенько этот вопрос, остановились на следующем: надо прежде всего бросить начисто все старые связи, чтобы избавиться от провокации. У тов. Яковлевой остались старые персональные связи с некоторыми рабочими-большевиками, и вот она взялась эти связи восстанавливать в деловом порядке и через организацию заводских групп подойти к организации групп районных, а затем и МК. При такой постановке провокация как будто бы исключалась. Взялась тов. Яковлева за работу под тем условием, что связь с нею будет держать только один человек—я. Только через меня должны были поступать литература, листовки и проч. и вестись всякие сношения с бюро. Путь этот казался нам правильным, хотя и медленным. Но и эта работа оборвалась, потому, что тов. Яковлева заболела и оправилась только после Февральской революции.

В это время начались попытки работы, с другой стороны, теми товарищами, которые группировались в кооперативе—тов. Сольц и другие. Об этой попытке поставить нелегальную типографию тов. Сольц рассказывает в своих воспоминаниях. Я вошел в эту работу от бюро. Было это, если не ошибаюсь, в декабре 1916 г. Помню, в ночь под новый год, ровно в двенадцать часов, я пришел на квартиру латыша, который брался поставить технику. Там был тов. Сольц, и мы договорились относительно доставки для типографии через меня рукописей листовок, которые должна была изготовлять наша литературная группа. Как явствует из воспоминаний тов. Сольца, и эта попытка наша оказалась в руках провокации, и от провала нас спасла лишь Февральская революция.

Так неудачно складывалась наша работа по восстановлению московской организации в продолжение 7—8 месяцев 1916—17 гг.

Теперь скажу пару слов о Февральской революции.

Я не помню, когда именно наше бюро ЦК превратилось в областной комитет партии. При первых же признаках революции в него влилось сразу много товарищей. Перечислить их трудно, потому что тогда было не до счета. Этот областной комитет и явился нашим основным партийным ядром в первые дни революции; ему пришлось организовать совет рабочих депутатов и вообще вести все дело. Когда оформился МК, то обе организации работали совместно, в полнейшем контакте.

Теперь вопрос об основании печатного органа революционного комитета, который превратился потом в «Известия Московского Совета». Организовала его тов. Костеловская.

В первые же дни, вернее, в первую же ночь, когда Москва хлынула к думской площади, а в самой думе уже сидел революционный комитет во главе с Черегородцевым, тов. Костеловская, взяв с собой несколько рабочих и молодежь, захватила городскую типографию и сдала для набора воззвание, которое было принято областным комитетом на собрании на квартире тов. Обуха. В это время в городской типографии печатались хлебные карточки, и для охраны ее стоял наряд полиции. Узнав о захвате, полицейские явились в наборную и выставили наших, но не арестовали. Тогда тов. Костеловская взяла наряд солдат и нескольких товарищей и захватила типографию Сытина, где печаталось «Русское Слово», а теперь печатаются «Правда» и «Известия». Солдаты расположились внизу, «в комендантской», установили строгую охрану, а наборщики с величайшим удовольствием стали печатать первый номер «Бюллетеня Революционного Комитета». Всего этого «Бюллетеня» вышло 4 номера, а затем он превратился в «Известия Московского Совета». В нем работали тт. Ольминский, Скворцов-Степанов, Крумин. Редактором этого органа был назначен я. Местопребывание я имел в городской думе, сношения с типографией велись организованным порядком через молодежь, которая доставляла туда материалы, а в думу—отпечатанные газеты и воззвания. Вскоре, в связи с напечатанием в «Известиях» приказа № 1 и вообще, как выразилась в своих воспоминаниях С. Н. Смидович, с стремлением «большевизировать» «Известия», я был с редакторского места смещен, тов. Костеловская с редакторской и всякой другой работы в «Известиях» снята, и редактором «Известий» был назначен тов. Скворцов-Степанов.

★

В. Обух

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ФЕВРАЛЕ

Оживление в массах началось с осени 1915 г., при чем в Питере гораздо более заметно, чем в Москве. В Москве оно ярко проявилось лишь к концу 1916 г., когда хвосты у лавок стали приводить к продовольственным бунтам. По тем мерам, которые предпринимала в связи с этим буржуазия, видно было, что это вещь серьезная. Ходили слухи, что буржуазия, именно Военно-Промышленный комитет, в связи с неудачами на фронте и начавшимся хаосом внутри страны, вступила в переговоры с английским правительством. Затем внимание буржуазии было отвлечено от действительных опасностей для нее возней в думе, министерской чехардой, историей с Распутиным и т. д.

В эти времена, начиная с осени 1916 г., начала группироваться наша старая партийная публика; мы стали регулярно собираться, обсуждали линию партии в связи с Циммервальдом и Кинталем, давших глубокий и сильный толчок идейному сплочению в наших рядах; обсуждали способы восстановления партийной организации. Были попытки у нас выпустить ряд листовок, которые писал по большей части Ольминский. Технику этого дела взялся наладить Черномазов, но из этого ничего не получилось; после мы узнали, почему: Черномазов был провокатором. Тогда же мы не понимали, в чем тут дело, и остерегались опасностей с других сторон. Я очень боялся, что шпики нас выследят из-за шляпы тов. Арона (Сольца), который только-что вышел из тюрьмы. Шляпа у него была отчаянная, вроде вороньего гнезда. Я был уверен, что она облегчит за ним слежку, и во всяком случае, обязательно бросится шпикам в глаза. Как я ни убеждал его переменить шляпу, его бюджет, повидимому, не мог считаться со вкусами филеров. Впоследствии, когда началась революция, мы за наши подпольные технические издательские неудачи с лихвой отыгрались газетой «Социал-Демократ», которая с удивительной быстротой была создана Сольцем и Ольминским и стала мощным орудием в партийном руководстве массой. То же

надо сказать и об «Известиях Советов Рабочих Депутатов», которые с редкой стойкостью и тактом руководились тов. Скворцовым, несмотря на попытки меньшевиков и эсеров окружить его своим соредакторством.

Через некоторых подпольщиков-рабочих мы налаживали связь с рабочими партийными группами и через них с рабочей массой; большинство товарищей из нашей группы не могли непосредственно повести работу в самой гуще рабочих масс, так как слишком хорошо были известны полиции. В. П. Ногин, И. И. Скворцов и некоторые другие товарищи настаивали на том, чтобы работать хотя бы в некоторых легальных организациях, которые тогда были. Они оба, а также тт. Сольц и В. Н. Яковлева работали в кооперации, а меня всадили в больничную кассу, где я довольно долго пропутался с меньшевиками—Верховским и др. Здесь же был и наш тов. Белорусов. В этот период меньшевики и эсеры организовали в Москве ряд нелегальных собраний в связи с текущими событиями, куда к ним шла главным образом интеллигенция. На одном из этих собраний был доклад Керенского, на другом—Чхенкели. Мы тоже бывали на этих собраниях, знакомились здесь с подробностями питерских событий, с настроением интеллигенции и на одном собрании (с докладом Чхенкели) решили выступить с изложением нашей позиции. Выступление это, по нашему поручению, было сделано П. Г. Смидовичем.

Некоторые вести из Питера, из-за границы и из других мест мы получали от товарищей, попадавших к нам проездом. Так, тов. Шляпников сообщил нам о разногласиях между Бухариным и Лениным по национальному вопросу. За несколько дней до Февральских событий у нас побывал Н. Д. Соколов, сообщивший нам подробности переговоров между Гучковым и К⁰ и некоторыми из Романовых (они сговаривались о замене Николая сыном с регентурой Михаила.

Наконец, в конце февраля началось известное движение в Питере. В Москве около городской думы стали собираться толпы народа. Сведения из Питера в Москву передавались моментально. К вечеру было известно все, происшедшее за день. Как только мы узнали о происходящем в Питере, мы обратились к рабочим с воззванием, оценившим эти события как начало революции, и содержавшим призыв избирать совет рабочих депутатов и присылать делегации к городской думе. Это воззвание напечатали мы через эсеров. У нас не было другой возможности его выпустить, но в результате получилась большая нелепость. Над текстом красовалось: «В борьбе обретешь ты право свое» [1]. Воззвание

[1]) Эта прокламация была выпущена московской организационной группой социалистов-революционеров и Московским Бюро Центрального Коми-

было расклеено, оставшиеся экземпляры были уничтожены из-за опасности ареста. Перед этим мы очень обстоятельно обсуждали вопрос, следует ли созывать совет рабочих депутатов. У некоторых товарищей еще долго к советам отношение было не вполне определенное, вплоть до приезда Ленина в Питер. После распространения нашего воззвания, утром, я с сыновьями пошел к думе. Туда же должны были пойти и другие товарищи. Уже из окна были видны собирающиеся толпы. Прежде всего, выйдя из дому, мы прочли приказ командующего войсками округа Мрозовского с угрозой расстреливать из пушек и пулеметов при первых попытках организовывать собрания. Дальше, на Пречистенке видим на стене наше воззвание. Всюду толпы народа. Сбоку к ним подходят городовые, но держат себя не особенно агрессивно. В конце Пречистенки навстречу несутся грузовики с вооруженными солдатами. Накануне нам еще было известно, что кадеты не то собираются устроить вооруженную демонстрацию для поддержки дворцового переворота, не то боятся ее. Идем дальше, размышляем—ограничится это дело переворотом, или революция пойдет дальше, удастся ли раскачать массы рабочих и солдат и вооружить рабочих? Смотрим—со стороны Каменного моста—лес красных знамен. Бросились к думе. Тут уже собираются рабочие. Наталкиваемся на тов. Белорусова, который с гордостью сообщает, что первым привел свой военно-промышленный завод. С частью выбранных по нашему воззванию делегатов пробрался в думу. Мне товарищи дали тогда нелегальную кличку «Олег», и я был под этим именем проведен в исполком СРД. Когда приступили к выборам президиума совета, мы сразу выставили кандидатуру Смидовича в председатели, но из этого ничего не вышло. Хотя меньшевики и не были в большинстве, но подняли такой скандал, что наша неоформившаяся фракция быстро сдала. Я считаю, что мы все же напрасно так легко уступили. После оформления исполнительного комитета, мы стали разделяться на то, что называется отделами. Мне с меньшевиком Романовым было поручено организовать военный совет; совершенно неожиданно для меня перед этим меня заставили изучать городское хозяйство. Мы с Романовым прежде всего отправились в штаб московского гарнизона, начальником которого оказался Грузинов. Штаб находился тут же в думе. Сидит несколько сот офицеров, некоторые с красными бантами. Проходим—офицеры вопросительно посматривают на нас, не понимая, кто мы такие. Ищем штаб. Проходит окруженный офицерами пол-

---

тета Российской социал-демократической рабочей партии. Напечатана в книге Е. Игнатова „Московский Совет Рабочих Депутатов в 1917 г.“ стр. 7, изд-во „Коммунистической Академии“ 1925 г. *Прим. ред.*

ковник. Спрашиваем, говорят—Грузинов. В одной из комнат наткнулись на тов. Вегера, большевика. Стали его расспрашивать, что тут делается. Из его слов выходило, что офицерство легко удастся подчинить совету. Я решил немедленно же проверить отношение Грузинова и его компании к совету. Пошел дальше по комнатам, начинаю распоряжаться, изображаю из себя большое начальство. Подходит Грузинов, спрашивает, кто я такой. Я ему вместо ответа задаю вопрос: «Подчиняетесь ли вы совету рабочих депутатов?» Он вытаращил на меня глаза. Говорит: «Пойдемте к офицерам, если угодно, я поставлю это на голосование». На голосование он вопроса так и не поставил, стараясь оттянуть время в разговорах со мной и Романовым. Вечером мы вернулись в исполком совета с докладом о наших переговорах со штабом. Романов предлагал в отношениях со штабом ограничиться поддержкой информационных связей и приходил в ужас от моих действий и предложений, которые сводились к тому, чтобы подчинить штаб, организовав солдат в совет солдатских депутатов и действуя с ним соединенными усилиями. Обсуждение этих предложений в исполкоме приняло, милостью меньшевиков, хаотический характер, и никакого определенного решения принято не было. Я опять, уже без Романова, отправился в штаб. Принялся настаивать на необходимости разгромить жандармское управление и тюрьму и силой выпустить арестованных. Там в штабе был один очень деловой офицер, который сейчас же это подхватил, побежал к Грузинову, возвратился и говорит, что Грузинов «вполне с вами согласен, но надо обойтись без столкновения» и т. д. До утра пришлось отложить. Утром при помощи нескольких товарищей из исполкома и группы военных из штаба, собрали народ и поехали на грузовиках к тюрьме, где и освободили ряд товарищей, в частности тов. Дзержинского. В ту же ночь была разгромлена охранка.

Из хода разговоров с Грузиновым и поведения меньшевиков всем нам стало ясно, что мы будем топтаться на месте, если не настоим на организации совета солдатских депутатов.

Собравшись на следующую ночь, мы почувствовали, что меньшевики предают. Они раньше стояли за совет рабочих депутатов, а тут начали вилять. Оказывается, что они сговорились о чем-то с кадетами, совет уже не созывают, а сами заседают, что-то обсуждают, голосуют, как-то тут трется между ними председатель совета и будущий меньшевистский градоначальник и министр Временного правительства, Никитин, сообщивший, что «все» заняты новостями об отречении царя, замене его Михаилом и пр. По нашему настойчивому требованию совет был созван. К этому времени появился приказ № 1, направленный против чиноподчинения,

за выборность командного состава и призывавший противиться разоружению, если будут к этому попытки. Прилетает в совет Грузинов с воплями, что приказ разлагает войска, что все погибло, идут войска с фронта, все разгромят, всех возьмут и т. д. Тут очень интересную сцену разыграл Хинчук, заменявший Никитина. После Грузинова в качестве миротворца выступил городской голова Челноков, появившийся в совете по тому же поводу. В конце своей речи он предложил Хинчуку и Грузинову, в знак того, что раздора между штабом и советом нет, подать друг другу руки. Грузинов протягивает руку. Хинчук—руку в карман, заявляет, что не подаст руки, пока Грузинов не возьмет обратно допущенных им по адресу совета каких-то выражений. Грузинов это требование выполняет, и тогда Хинчук медленно протянул ему руку. Вся эта сцена сопровождается грозным гулом всего зала. До этого нас пригласили в комитет и умоляли со слезами на глазах «не играть с огнем». В связи со всей этой историей у нас появился план под видом компромисса с офицерами по вопросу о приказе № 1. добиться согласия их и штаба па созыв совета солдатских депутатов. Это было маневром также и по отношению к меньшевикам, которые во имя «классовой чистоты» совета рабочих депутатов никак не соглашались на введение туда солдат, вызывая этой тактикой колебания среди рабочих. В штаб по этому вопросу послали меня с Смидовичем. Едем в штаб, в какой-то цирк. Там идет собрание, сидят человек 500 офицеров. Здесь же очутились почему-то и такие «кадровые» вояки, как профессора Венгловский и Д. Д. Плетнев. Входили мы не без некоторой робости, так как по настроению Грузинова предполагали, что офицеры на нас резко обрушатся. Но войдя, мы сразу заметили на ряду с крайним озлоблением, признаки некоторой растерянности. Произошел такой, например, случай: проходим с Грузиновым; в это время какой-то из мелких офицеров вводит отряд солдат. Вижу, Грузинов страшно побледнел и обращается к офицеру: «Зачем введены войска?» Тот, тоже бледный, отвечает, что ведет их куда-то кормить. Мы поняли, что Грузинов боится ареста и не совсем полагается па свои войска. Вместе с тем видно было, что и солдаты возбуждены. Все это сделал приказ № 1. Когда мы начали с ними разговоры, единственной темой был этот приказ. Офицеры, бледные, вскакивали с выкриками: «Для чего все это сделано?» Мы с Смидовичем почувствовали себя увереннее и взяли твердый тон людей, знакомых с военным делом, во всяком случае не менее чем сам Грузинов и вся его окопавшаяся в тылу компания. Грузинов начал даже расшаркиваться перед нами, но принялся нас уверят, что военные все подчиняются все-таки ему, а не нам, и для того,

чтобы нам это доказать, проделал такую демонстрацию: вызывает какого-то генерала, спрашивает: «Подчиняетесь ли вы мне?» Тот, с руками по швам, без колебаний отвечал: «Подчиняюсь». Грузинов торжествует. Мы решили прекратить эту комедию и приступить к делу. Создали согласительную комиссию и уговорились, что Смидович останется вырабатывать с ними условия соглашения, а я и Грузинов поедем по войскам. Наши обращения к солдатам во время этой поездки происходили следующим образом. Грузинов, указывая на меня, как на представителя совета рабочих депутатов, заявлял, что у совета с штабом контакт, что приказ № 1 не следует выполнять немедленно до окончательного согласования его между советом и штабом и т. д. Я же после этого обращался с речью о необходимости создать совет солдатских депутатов и призывал немедленно избирать делегатов. Грузинов тут иногда пытался ввернуть, что вопрос о солдатском совете еще не решен, что требуется согласие штаба и т. д. Перед войсками Грузинов демонстративно со мной целовался, по поводу чего надо мной после долго трунили и издевались товарищи, в особенности С. Н. Смидович и Г. К. Голенко. Как грузиновские реплики и нежности восприняли солдаты, ясно из того, что на другой же день на площади перед советом рабочих депутатов были уже толпы военных, которые стихийно напирали на совет. Мы послали на площадь сказать, что совет солдатских депутатов будет созван. Ночью, часа в 2, мы из исполкома, решавшего этот вопрос, который меньшевики запутывали деталями о взаимоотношениях, пошли в зал, где собрались будущие члены совета солдатских депутатов, сказать, что им придется обождать еще часа 2. Они заявили на это с незабываемым под'емом, что готовы не евши сидеть хоть двое суток, лишь бы дождаться созыва совета солдатских депутатов. Этим настроением, этой непреклонной волей легко удалось воодушевить исполком и преградить поток меньшевистских поправок... к революции. Наш «компромиссный» план таким образом осуществился. Но компромисс остался все же компромиссом; меньшевики добились разделения советов и тем самым дали возможность эсерам свить в совете солдатских депутатов довольно прочное гнездо, которое с образованием эсеровской городской думы превратилось к Октябрьским дням в солидную белогвардейскую базу.

Вначале в СРД у нас не было фракции. Директивы от МК получались таким образом, что мы, члены МК, работавшие в совете, забегали, по большей части порознь друг от друга, на почти непрерывные, но часто неполные заседания МК и мимоходом, прерывая обсуждение какого-нибудь вопроса, согласовывали решения неотложных задач, внезапно

вставвавших перед нами. От МК, следовательно, не было и не могло быть ни регулярных директив, ни постоянного практического руководства, так как он к тому же всецело был занят агитацией на предприятиях и организацией районов. Меньшевики как-то очень ловко использовали нашу неоформленность. Председатель совета занимал среднюю позицию между нами и меньшевиками, и попытки большевиков взять линию на превращение совета в орган власти растворялись в видимости органической работы и контакта с Комитетом общественных организаций, т.-е. кадетской думой, изображавшей собой орган Временного правительства в Москве. Я все время напрягал усилия, чтобы выбиться из этого положения, и, наконец, при помощи ряда рабочих—старых партийцев, удалось настоять на организации фракции. Я помню, что меня поддерживали тогда тт. Владимиров, Белорусов, Максимов, Игнатов, Орехов и др. Меньшевики упорно сопротивлялись, но ничего не могли поделать,—фракцию мы создали. Образование фракции давало нам возможность концентрировать в ней проведение партийной линии и организованно сноситься с МК, давая своей информацией содержание тем директивам, которые мы получали от него. Вся наша работа стала более оформленной. Мы добились представительства фракции в Комитете общественных организаций (туда входили тов. Ногин и тов. Смидович), в военном совете (я и тов. Совков, последний от нас скоро отошел и был заменен тов. Певуновым), который без нашего ведома оказался «независимым» от исполкома, состоящим под председательством П. Н. Малянтовича, назначенного Комитетом общественных организаций. В делегацию от совета рабочих депутатов в совет солдатских депутатов вошли также наши представители. Все эти товарищи отчитывались во фракции.

В нашей фракции в первое время не было единодушия по вопросу о роли советов в дальнейшем развитии революции. Некоторые товарищи поднимали даже вопрос о том, нужна ли вообще наша работа в совете, поскольку остается неопределенным вопрос о диктатуре пролетариата и нет перспективы на превращение советов в органы власти. Но после приезда в Россию Ильича, когда линия партии в этих вопросах определилась, фракция целиком сразу взяла курс на необходимость советской работы.

Вскоре нам, оперевшись на совет солдатских депутатов, войдя в соглашение с его президиумом, удалось свалить Грузинова. Этим мы хотели дезорганизовать поползновения кадетов на диктатуру через Грузинова, который уже начал раз'езжать по Москве на белом коне и с булавой, устраивая кадетские демонстрации и мешая нашим демонстрациям. Нас

в этом вопросе в военном совете и в совете СД поддерживали эсеры—Шубников и др. Они ставили вопрос не принципиально, а заострили его на личности самого Грузинова. Вместо Грузинова начальником гарнизона был назначен соглашательски настроенный Верховский, будущий министр у Керенского. Затем, по нашему требованию и по нашему плану, был реорганизован военный штаб, и туда был введен, между прочим, Харсон. Почему мы хотели его ввести, мы сами толком не знали, он вовсе не был большевиком, но против него был Грузинов, и мы его поддержали.

Вскоре к нам в Москву стали с'езжаться один за другим целый ряд новых товарищей: тт. Ведерников, Бухарин, Бубнов, Ломов, Осинский и др. Часть из них мы ввели в исполком СРД путем кооптации. Эта группа товарищей очень усилила нашу фракцию в совете, мы уже более широко и определенно проводили ту линию, которую диктовал тов. Ленин, лучше связались с массами, стали оттеснять меньшевиков и эсеров, завоевывать совет и подготовляться к вооруженному захвату власти.

Это тем легче нам удавалось, чем наглее и циничнее буржуазия толкала в наступление на военных фронтах усталую, разоренную, голодную страну. Как быстро партийная агитация открывала глаза массам на то, куда готова склониться «заря пленительного счастья» [1]), показывает неудача одной из первых гастролей Керенского на военном митинге. Он приехал на автомобиле, увитом алыми розами. Его внесли на руках. Несмолкаемые овации долго мешали ему начать. Упоенный «московским» приемом, он рекомендуется солдатам как «их старый товарищ, как социалист», и начинает обычную свою фразеологию уснащать все усиливающимися патриотическими намеками. Вдруг неожиданно его прерывает резкий возглас солдат: «А где Романовы?» Керенский ловко маскирует растерянность находчивым ответом: «Романовы в моих руках!» Его поддерживают громкие овации. Ободренный Керенский эффектно перекидывает мостик к прежней теме: «Но я не хочу быть Маратом русской революции!» Жидкие аплодисменты группы офицеров сразу

---

[1]) В первые же дни революции памятник Пушкина был задрапирован красной материей с отрывком известного стихотворения, посвященного Чаадаеву, без конца повторявшегося в те дни кадетской и соглашательской публикой и их прессой:

Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья—
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишет наши имена!

лишают оратора прежнего пыла. Он пытается запутать слушателей восторгом перед моральной силой «бескровной» революции и осторожно подходит к об'яснению «гуманности» мер правительства Львова, Гучкова и К° столетием культурного роста человечества, отбросившего узурпаторские приемы конвента. Собрание слушает все холоднее, и, наконец, во избежание контраста между встречей и проводами генерал-прокурор Временного правительства прибегает к своему излюбленному ораторскому приему: обрывает поток трескучих фраз... симуляцией обморока.

★

Е. Игнатов

МОБИЛИЗАЦИЯ КОНТР-РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ К МОСКОВСКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СОВЕЩАНИЮ И ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА МОСКОВСКИХ РАБОЧИХ

Выступление наиболее революционной части петроградского пролетариата 3—5 июля под лозунгом «Вся власть советам», так напугало мелкую буржуазию, что она широким потоком хлынула в лагерь контр-революции. Для передового отряда пролетариата—революционных социал-демократов большевиков—настали тяжелые дни. Буржуазия считала, что на ее улице наступил столь долгожданный праздник, и она спешила как можно скорее использовать создавшееся положение. Против большевиков велась отчаянная, ничем не прикрытая клеветническая травля. Не было такого порока, который бы буржуазия и ее агенты не приписали большевикам. Тактика буржуазии заключалась в том, чтобы как можно сильнее оболгать и оклеветать и тем самым дискредитировать в глазах широких народных масс передовой отряд революции. Буржуазия прекрасно понимала, что наиболее непримиримыми ее противниками являются большевики, и поэтому ее клеветнические измышления не знали предела. Следует отдать справедливость буржуазии и ее агентам: по части клеветы они достигли больших успехов. Среди рабочих они стремились изобразить большевиков как самых злейших контр-революционеров, которые своими крикливыми левыми фразами только затемняют сознание, а на самом деле открывают дорогу контр-революции, предавая интересы пролетариата. Они на каждом перекрестке вместе с меньшевиками и эсерами твердили, что открытая контр-революция революционному народу не страшна, она может получить силу только через анархическую деятельность большевиков. Солдатам контр-революционеры выставляли большевиков в виде немецких шпионов, работающих в тылу на немецкие деньги в пользу австро-германского империализма, подвергая

страданиям и смерти русских солдат, которых они сознательно оставляли без снарядов и продовольствия. Крестьянам твердили, что проводимые большевиками лозунги организованного захвата помещичьих земель, не дожидаясь санкции Учредительного собрания, есть не что иное как тоже дьявольски-задуманный план вызвать на погромы темную крестьянскую массу, которая передерется из-за дележа земли и потом будет усмирена каким-нибудь бравым генералом.

Агитацию против «анархических» выступлений большевиков вели не только открытые контр-революционеры, но к ней была приложена рука и со стороны меньшевиков и эсеров. Только тогда, когда обнаглевшая контр-революция стала сваливать в одну кучу вместе с большевиками и советы, в которых господствовали меньшевики и эсеры, соглашательский блок вынужден был несколько умерить свой пыл и отмежеваться от буржуазной «критики» большевизма. Буржуазия своей бешеной травлей и клеветнической кампанией очень скоро сама себя разоблачила, а ее готовность нести жертвы на «алтарь отечества» из тощего кошелька рабочих и крестьян довольно быстро отрезвила самые отсталые слои рабочих и солдат. Симпатии пролетариата и солдатских масс все более и более стали переходить на сторону передового отряда пролетариата, мужественно разоблачавшего всю контр-революционную паутину российского империализма. К тому же об'ективный ход событий ускорял развязку. Солдаты на фронте скоро увидели и оценили «заботу» о своей жизни со стороны буржуазии, которая, посылая их во славу союзного империализма умирать, в догонку награждала клеветнической травлей, обвиняя их в трусости. Этим путем буржуазия стремилась прикрыть боевую неподготовленность армии и тем самым оправдать отсутствие соответствующих снаряжения и обмундирования, без чего боевая сила армии, естественно, не могла стоять сколько-нибудь высоко.

Буржуазия, с одной стороны, клеветала на революцию, а с другой—требовала от революционного народа жертв для доведения войны до победного конца. Что же касается себя самой, то всякое напоминание о необходимости жертв с ее стороны встречалось ею клеветнической бранью, и она зачисляла всякого в немецкие шпионы и предатели, кто заикался о необходимости в первую очередь жертв на войну со стороны буржуазии. Саботаж буржуазии все время приводил правительство в неустойчивое положение. Соглашатели взять власть в руки советов не решались, а коалиция с буржуазией все время последней саботировалась. Буржуазия требовала, чтобы меньшевики и эсеры проводили политику буржуазии, а соглашательский блок требовал от

буржуазии, чтобы она проводила их политику. В результате Временное правительство все время топталось на месте, а разруха все увеличивалась и увеличивалась. Нужны были решительные меры, а проводить их было некому. При таких условиях экономическая разруха достигла грандиозных размеров. Положение трудящихся масс с каждым днем беспрерывно ухудшалось. Революция явно заходила в тупик. Чтобы приостановить дальнейший рост разрухи, необходимо было встать на путь решительной борьбы за мир, но соглашатели на это не были способны, а буржуазия,—так та и слышать не хотела об окончании войны без победного конца. Соглашательский блок попытался выйти из войны путем созыва социалистической конференции, но его попытка не удалась. Социал-патриоты союзных стран ставили интересы своей буржуазии выше интересов международного пролетариата и поэтому всячески тормозили ее созыв. К тому же Временное правительство, где заседали вместе с буржуазией соглашательские вожди, в свою очередь не только не проявляло никакого желания скорейшего ее созыва, но довольно недвусмысленно вело политику саботажа, а правительства «союзных великих демократий», стремившихся освободить немецкий народ от ига немецкого империализма, так усердно проводили демократию у себя, что даже своим соглашателям отказали в выдаче паспортов на поездку в Стокгольм, где предполагался созыв конференции. Соглашательский блок, не сумевший настоять на созыве социалистической конференции, поплелся в хвосте за империализмом стран согласия и попытался выйти из войны путем общего наступления. Эта попытка кончилась позорным крахом, так как армия материально не была подготовлена к такого рода операции.

Развал на фронте, разруха в тылу,—вот ближайшие результаты соглашательской политики меньшевистско-эсеровского блока. Героическая попытка петроградского пролетариата толкнуть мелкобуржуазный блок на более решительные действия потерпела неудачу, в результате чего получилось временное усиление контр-революции. Однако контр-революция не могла использовать благоприятного положения до конца, ибо кроме клеветы у нее никакой другой программы не было, и она мечтала достигнуть своих империалистических целей исключительно за счет трудящихся. Поскольку ни буржуазия, ни соглашатели в хозяйственном строительстве ничего не предпринимали, то, естественно, положение не улучшалось, а беспрерывно ухудшалось. Благодаря саботажу буржуазии коалиция с ней ни в ком уже доверия не вызывала, и Временное правительство металось из стороны в сторону в поисках выхода из создавшегося положения. Соглашатели всячески цеплялись за соглашение

с буржуазией, но фактически никакого соглашения не было, так как буржуазия хотела самостоятельно и неограниченно править, не доверяя соглашателям, которых она считала способными только на болтовню, а не на руководство государственным аппаратом власти, тем более, что, по мнению капиталистов, требовалось твердое руководство. В угоду буржуазии Временное правительство приняло целый ряд контр-революционных мер, вплоть до административной высылки, закрытия с'ездов, общественных организаций, введения смертной казни на фронте и т. д. Однако, буржуазия считала это недостаточным, а, главное, она не была уверена, что соглашатели будут проводить ее линию до конца, так как, по ее мнению, дух пораженчества имелся и среди соглашателей. Таким образом, Временное правительство, существовавшее под разными кличками и после июльских дней наделенное соглашательским блоком чрезвычайными полномочиями, не имело опоры и полной поддержки ни со стороны контр-революции, ни со стороны революции. Для контр-революции оно было слишком красным, а для революционных слоев населения оно слишком дискредитировало себя своей контр-революционной работой. В таких условиях среди министров-социалистов зародилась мысль о необходимости «общения» правительства со страной. Для этого решено было созвать на государственное совещание все живые силы страны, в общении с которыми правительство надеялось найти себе новый источник энергии и силы, при помощи которого оно думало вывести страну из тупика. Совещание, предположенное вначале на конец июля, потом было отложено, и одно время казалось, что мысль о его созыве похоронена в дебрях правительственных канцелярий. Причина этого заключалась в том отрицательном и недоверчивом отношении, с которым его созыв был встречен не только различными революционными частями пролетариата, но даже и среди многих слоев мелкобуржуазных партий, меньшевиков и эсеров, оно не встречало благоприятного отношения, тем более, что на этом совещании соглашателям отводилась довольно скромная роль, а ставка ставилась на буржуазно-помещичью контр-революцию и командные верхи армии. Однако, в конце концов Временное правительство, не чувствуя ниоткуда себе достаточно твердой поддержки, решило припасть к этому новому «всенародному» источнику и после долгих колебаний решило созвать совещание в Москве в конце первой половины августа. 31 июля Петроградским телеграфным агентством была разослана срочная телеграмма следующего содержания: «Временное правительство в виду исключительности переживаемых событий, в целях применения правительства ко всем организованным силам страны, постановило созвать в Москве с 13 по 14 августа государственное совещание. К участию

в этом совещании привлекаются представители политических, общественных, демократических, национальных, торгово-промышленных и кооперативных организаций, руководители органов демократии, высшие представители армии, научных учреждений, университетов, члены Государственной Думы четырех созывов. Особые приглашения будут посланы верховному главнокомандующему и бывшему министру-председателю князю Львову. Собрание предполагается устроить в Николаевском дворце, в Кремле. Государственное совещание откроется докладом министра-председателя, который ознакомит членов совещания с положением страны и с программой деятельности нового правительства. Затем выступят с докладами представители отдельных ведомств с речами, посвященными выяснению положения отдельных отраслей государственного управления и государственного хозяйства. Организация государственного совещания поручена министру почт и телеграфов совместно с министром торговли и промышленности и министру путей сообщения. Ожидается свыше тысячи участников».

Распределение мест предполагалось произвести следующим образом: 100 мест представителям исполнительных комитетов советов рабочих и солдатских депутатов, 100 мест представителям Совета крестьянских депутатов, 400 мест земским и городским самоуправлениям, 150 мест представителям от рабочих организаций, 75 мест от трудовой интеллигенции (учительский союз, пироговское общество и т. д.), 100 мест от научных организаций (университеты, научные общества и т. д.), 120 мест представителям от торгово-промышленного класса, 300 мест кооперативам, 100 мест представителям землевладельцев, 100 мест фронту, 80 мест представителям национальных групп и, наконец, 300 мест членам Государственной Думы всех четырех созывов. Таким образом, всего на совещании предполагалось до двух тысяч человек, при чем подавляющее большинство из них приходилось на долю цензовых элементов. Ясно было, что правительство решило взять твердый курс в сторону капитала и с этой целью производило мобилизацию всех сил контр-революции.

Поэтому, московское совещание сразу же вызывает к себе резко отрицательное отношение со стороны рабочего класса Москвы, который видел в нем не только усиление контрреволюции, но и прямую угрозу всем революционным завоеваниям. «Социал-Демократ» в передовой статье «Учредительное собрание и московское совещание» от 1 августа [1]) писал: «Учредительное собрание переносится с сентября на ноябрь, так как сейчас страна все еще не излечилась от большевизма, но зато вместо него собирается московское

1) Числа везде по старому стилю.

совещание. «Населению России дается наглядный урок по парламентаризму. Представители народа собираются только тогда, когда можно подделать его мнение, когда есть надежда, что оно покорно пойдет за господствующими классами. В противном случае всеобщее избирательное право по-боку, и правительство собирает тех, кого ему нужно. А ведь всего пять месяцев нашему революционному правительству—далеко пойдет». Газета предлагала пролетариату и крестьянству усиливать свои организации, ибо «только тогда удастся избежать фальсификации воли народа под видом московских и иных совещаний и добиться перехода власти в руки народа».

Но и мелкобуржуазные партии были настроены далеко не радостно, усматривая в созыве московского совещания себе конкурента. Московская газета эсеров «Земля и Воля» в передовице от 2 августа довольно меланхолически пишет:

«Вопрос о московском совещании решен окончательно... Московское совещание созывается Временным правительством с довольно неопределенными целями, в довольно неопределенном составе. По поводу целей сообщается одно: Временное правительство ощутило потребность говорить со страной. Потребность общения со страной была и у прежних правительств. Они этого общения достигали разными путями. Им выражали свое доверие определенные народные силы, и, главное, они опирались в своей политике на определенные классы, спаянные общностью классовых интересов. Правительство Милюкова и Гучкова опиралось на буржуазию, и трудовые классы доверяли ему «постольку—поскольку». Второе правительство—на Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Буржуазия перешла в оппозицию. Слова «постольку—поскольку» перешли на страницы буржуазных газет. Теперешнее правительство не опирается на классы. Оно пытается стать внеклассовым, всенародным. Русский народ в течение революции более резко, чем когда-либо, разделился на трудовой народ и буржуазно-обывательские части народа. Трудовой народ добивается в этой революции социальных преобразований. Первое и главное из них — социализация земли. Против этого борется всеми своими силами буржуазия. И в этих вопросах опираться на весь народ правительству будет нелегко. Само правительство не может не чувствовать этого острее чем, кто-либо другой в России. Оно слышит по своему адресу роковые слова «постольку—поскольку» с обеих сторон. Демократия доверяет ему, «поскольку оно стоит на платформе 8 июля», буржуазия доверяет ему, поскольку оно отрывается от органов демократии—советов. Правительство не чувствует ни с той, ни с другой стороны твердой надежной опоры. Оно ищет этой опоры в чем-то новом. Это новое

оно пытается создать в новой коалиции общественных сил в московском совещании. Удастся ли эта попытка правительства? Это зависит от состава совещания. Состав должен отражать действительное соотношение сил в России. Отражает ли это соотношение опубликованный правительством состав совещания? Против 150 представителей труда выступает 120 представителей торгово-промышленного класса. Против 100 крестьянских депутатов приглашаются 100 представителей землевладельцев. Против 100 представителей Совета рабочих и солдатских депутатов явится 300 членов Государственной Думы всех созывов. А 100 представителей ученых обществ и университетов... Зачем они, политически до сих не существовавшие, несомненно, поддерживающие политику буржуазии, призваны говорить о судьбах родины? Кто стоит за ними? Состав совещания не соответствует воле народа,—в о л е, выражающейся ежедневно в итогах всевозможных выборов. Мы сомневаемся, чтобы такое совещание дало правительству ту опору, которой оно ищет. Ибо оно не будет действительно голосом страны».

Орган московских меньшевиков в передовой статье от 3 августа, говоря о созыве московского совещания, писал: «Сама по себе мысль собрать вокруг правительства все организованные силы страны, облечь живой поддержкой его демократические начинания может встретить только одобрение. Но политическая обстановка, в которой совещание созывается, вряд ли обещает укрепить слабую власть и помочь ей сдвинуться с мертвой точки, на которой она остановилась и во внутренней и во внешней политике. Правительство еще не нашло той группировки «живой силы», на которую оно могло бы опереться. Оно приняло программу 8 июля, программу спасения революции, но оно не имеет смелости твердо и неуклонно осуществить соответствующие мероприятия. Программа 8 июля требует, чтобы правительство рядом радикальных экономических реформ положило предел разрухе, раз'едающей страну, устранило призрак голода, остановило рост дороговизны. Программа эта диктует энергичную внешнюю политику, способную приблизить окончание войны—этой основы наших бедствий. Чтобы осуществить все это, власть должна была бы искать поддержки в органах демократии, опереться на выросшую новую силу—городские и сельские самоуправления, провести с их помощью и при их ближайшем участии основные экономические реформы, например, все влияние общественных организаций, для того чтобы восстановить дисциплину в армии. Вместо этого правительство делает все, чтобы отдалить от себя демократию. В период политической усталости, охватившей теперь революционные элементы, оно приводит один за другим ряд репрессий, недопустимых в свободной стране,

граничащих с отменой элементарных гражданских свобод. В области внешней политики оно не только не ведет той борьбы за мир, которая легла в основу нашей революции, но, наоборот, пытается затруднить мирную работу европейской демократии. Иначе и нельзя понять последнее заявление Временного правительства о Стокгольмской конференции. Заявление это было использовано союзными империалистами против демократии, оно нанесло страшный удар престижу русской революции в глазах всего жаждущего мира пролетариата Европы. В своем ослеплении правительство не видит, что, отделяя от себя демократию, оно лишает себя настоящей опоры и силы, не видит, что демократические лозунги собирают за собой реальное большинство страны. Без поддержки этого большинства в России сейчас не может быть сильно ни одно правительство. И Московское совещание, на которое либералы возлагают такие большие надежды, едва ли сумеет помочь правительству выйти из этого тупика. Основная беда этого совещания состоит в том, что еще задолго до своего созыва оно успело породить в либеральных и полулиберальных кругах иллюзию, что оно может стать действительным «земским собором», суррогатом Учредительного собрания. Предупреждая всех демократов против этой реакционной иллюзии, мы тем не менее считаем необходимым призвать пролетариат к деятельному участию в Московском совещании».

Участие в совещании меньшевикам необходимо было для того, чтобы от имени пролетариата «встретиться лицом к лицу с цензовыми элементами на широкой политической дискуссии в обстановке, которая позволит им высказать свои взгляды на задачи революционной политики, взвесить все доводы противников, учесть своих друзей и попутчиков». Меньшевики считали, что совещание поможет им «определить, с какими классами и группами может пролетариат итти в союзе, не принижая своих революционно-демократических лозунгов». Если, по их мнению, «на совещании демократия сумеет сплотить свои разрозненные силы и проявить готовность составить единый боевой фронт против всяких попыток умалить завоевания революции,—это будет ее огромным достижением и не останется без влияния на дальнейшее направление всей политики».

Такова была позиция главнейших политических партий, имевших представительство в Совете рабочих и солдатских депутатов. В лагере контр-революции относились к совещанию также не особенно восторженно, но уже с другой стороны. Буржуазия считала, что ее обошли представительством на совещании. Она хотела главенствовать безраздельно, а, кроме того, программа совещания ее не совсем удовлетворяла. Буржуазия требовала ясности и определенности, а тут

опять расплывчатость и половинчатость. К тому же для деловой работы совещание не совсем подходило. Несмотря на это, буржуазия деятельно готовилась к совещанию, требуя ясности его программы и более длительного срока для работы, подчеркивая при этом, что теперь и демократия уже начинает заниматься спасением не революции, а России, без спасения которой немыслимо и спасение революции. По мнению газеты Рябушинского «Утро России», наши «сверхчеловеки» почувствовали в себе прежде всего душу гражданина русской земли, а не гражданина вселенной... Этот перелом пришел во-время: без него Россия могла и не преодолеть своей трагедии, а теперь, верится, преодолеет»[1]). Это преодоление может произойти только через Московское совещание, которое может «закрепить государственное единство, возвратить революции всенародный характер». Но Московское государственное совещание «может возродить и в стране, и во власти энтузиазм... живой, творческий порыв», а «на проклятые вопросы дать ответы нам прямые» сможет лишь предварительное малое совещание, организованное группой московских общественных деятелей. Хотя «рука классовых идеологов готовится отметить его состав штемпелем «буржуазное»... между тем это совещание должно иметь не классовое, а государственное значение», ибо «его будущие члены — люди, привыкшие организовывать земство, городские думы, фабрики и заводы, военно-промышленные комитеты и экономии, научные и философские системы». Одним словом, «это организация организаторов, — то, что России сейчас больше всего нужно».

Государственное совещание, в котором, хотя и в меньшинстве, будут присутствовать представители демократии, буржуазии нужно было для декорации. Оно должно было «освятить» волю народа, которая должна быть подготовлена контр-революцией без всякой помехи даже со стороны соглашательских партий.

Более «деликатную» позицию занимают «внеклассовые» кадетские «Русские Ведомости», которые, говоря о Московском совещании, между прочим, писали в передовой статье от 2 августа: «В самый тяжелый момент последнего политического кризиса в Петрограде возникла мысль о созыве в Москве всенародного совещания... Оно, по мысли его инициаторов, должно было об'единить различные политические течения на единой национальной платформе». Указывая, что созыв его в назначенный ранее срок не состоялся, так как «организация его оказалась более сложной и длительной, а кризис власти требовал немедленного разрешения», газета

---

[1]) Все цитаты взяты из статьи „Забытое Слово". „Утро России" от 1 августа 1917 г. № 186.

отмечала стоящие громадные трудности на пути Временного правительства, ибо «ни одно русское правительство, даже правительство последних дней старого строя, не было поставлено перед такими сложными, ответственными задачами, как ныне». На ряду с трудностями, вытекающими из об'ективного положения вещей, положение Временного правительства усугубляется еще тем, что оно «до созыва Учредительного собрания стоит вне всякого взаимодействия со сколько-нибудь правильно организованным народным представительством. События последнего месяца отодвинули на задний план Совет рабочих и солдатских депутатов, одно время стремившийся играть роль такого руководящего государственного учреждения. Классовое представительство и партийная политика Совета делают его совершенно непригодным для этой роли, да еще в момент великой государственной разрухи. С другой стороны, и Четвертая государственная дума, не включающая в себе представителей демократических революционных течений, также не может явиться тем общенациональным собранием, на которое могло бы опираться коалиционное правительство. Вот почему мысль о созыве Московского общенародного совещания должна была, естественно, возникнуть вновь, как только прошел самый острый период политического кризиса и были устранены внешние препятствия к его созыву». Отмечая, что о самом совещании газета еще знает «пока очень немного», она продолжала развивать свой взгляд на совещание. «Бесспорно,— пишет она,—что недостаточно бросить хорошую мысль, она требует хорошего, очень внимательного и серьезного осуществления. Вопросы о составе совещания, о характере и продолжительности его работы приобретают в настоящий момент решающее значение». Советы не годятся, благодаря своему классовому составу, Четвертая дума слишком одиозное учреждение, не пользующееся никаким авторитетом среди трудящихся—поэтому роль представительного учреждения сможет взять на себя Московское совещание, разумеется, составленное и подобранное соответствующим образом. И профессорская газета дает свои указания на предмет его составления. «Временное правительство совершило бы крупную ошибку, если бы оно стремилось создать на Московском совещании только представительство политических партий». По мнению газеты, «на совещании должны быть представлены главнейшие силы государственной жизни, имеющие руководящее значение в стране». В совещании «на ряду с представителями рабочего класса видное место должно быть отведено представителям торговли и промышленности, стоящим у самого водоворота хозяйственной разрухи; уполномоченные от крестьянства должны заседать с представителями науки и высшей школы, на которые

в момент государственного кризиса также должна опереться государственная власть. И совершенно ошибочно было бы пытаться в настоящее время создать в Московском совещании какую-либо форму пропорционального представительства... Совещание созывается не для постановки конкретных решений, и не число собранных голосов определяет удельный государственный вес тех или иных практических указаний, которые может услышать Временное правительство на Московском совещании». Изложив свою точку зрения на организационную сторону совещания, газета указывает, что если Временное правительство «хочет услышать голос «земли и народа», то совещание должно работать не день и не два», так как «в такой короткий срок не успели бы еще окристаллизоваться различные общественные течения, выясниться практическая программа и требования по различным отраслям государственной жизни». Таким образом, за профессорской речью кадетской газеты скрывается требование дать достаточное время для выявления и кристаллизации общественного мнения контр-революции, которое потом можно было бы выдать за голос всего народа. «Конечно,—продолжает газета,—местом предварительного сговора может явиться и тот с'езд, который за несколько дней до открытия официального совещания намечен группой московских общественных деятелей». Этим признанием газета открыто показывает свою «внеклассовую» контрреволюционную физиономию. Слова о представительстве рабочего класса и крестьян были лишь либеральными словами, а суть дела заключалась в том сговоре контр-революции, который должен был произойти на государственном совещании и на с'езде московских общественных деятелей, общественная деятельность которых заключалась в удушении революции. Газету беспокоило лишь то, что на с'езде общественных деятелей за краткостью времени сговора может и не произойти, а поэтому «при нашей общественной распыленности особенно и настоятельно необходимо, чтобы все участники совещания имели достаточно времени обсудить и обдумать заявления членов правительства и уже после того вынести свое окончательное суждение». Только при соблюдении этих условий государственное совещание сможет «организовать общественное народное мнение и укрепить государственную власть».

Предварительное совещание общественных деятелей, которое, по мысли «Русских Ведомостей», должно осуществить предварительный «всенародный» сговор, а по мнению газеты Рябушинского—«на проклятые вопросы дать ответы нам прямые», деятельно подготовлялось. О физиономии этого с'езда общественных деятелей достаточно красноречиво говорит тот факт, что его инициатором явился известный капиталист Рябушинский, на квартире которого происходили и пред-

варительные организационные собрания. Один из соратников Рябушинского—С. Н. Третьяков, отвечая на вопросы сотрудника «Русских Ведомостей», беспокоившегося, как бы это малое совещание не сорвалось, заявил, что если им удастся там договориться, то они на государственном совещании выступят об'единенно, и «это значительно увеличит и внутреннюю ценность, и вес наших выступлений с ответами Временному правительству. Наше совещание перед выступлением в Москве Временного правительства представляется мне, таким образом, совершенно своевременным, и созыв нашего совещания вполне целесообразным». Докладчиками на этом совещании сговора общественных деятелей намечались: бывший председатель Четвертой государственной думы Родзянко, Н. Н. Львов, В. А. Маклаков, князь Е. Н. Трубецкой, Н. В. Тесленко, А. И. Гучков, А. Е. Грузинов, П. П. Рябушинский, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, М. И. Соболев, В. В. Шульгин, Г. В. Плеханов. По мысли инициаторов, предполагалось осуществить «всенародный» сговор и создать единый блок от открытых черносотенцев до социал-оборонцев включительно. Более ясную картину о физиономии с'езда общественных деятелей дает перечень организаций, которые должны быть в нем представлены: «Государственная дума четырех созывов, крестьянский союз, земский союз, городской союз, союз трудовой интеллигенции, союз инженеров, торгово-служащих, московский биржевой комитет, с'езд торговли и промышленности, сельскохозяйственная палата, московское сельскохозяйственное общество, союз мукомолов, профессиональный железнодорожный союз, военно-промышленный комитет, союз кооперативных обществ и кооператоров, земские и городские деятели прежних земств и городских самоуправлений, московский университет и другие московские высшие учебные заведения, московская городская управа в ее теперешнем составе, губернская и земская управы, банковские деятели, присяжные поверенные, представители литературы, представители духовенства, старообрядцы, союз земельных собственников. Кроме организаций, приглашены на совещание персонально: Кропоткин, Короленко, Милюков, Плеханов, профессор Павлов, Булгаков, бывший верховный главнокомандующий Алексеев, бывший главнокомандующий фронтом Рузский и Юденич, генерал Каледин, вице-адмирал Колчак и другие» [1]).

Перечень перечисленных организаций и персональных лидеров контр-революции говорит сам за себя. Из демократических организаций только союз железнодорожников да

[1]) „Русские Ведомости", от 2 августа 1917 г. № 175.

союз торговых служащих были допущены контр-революцией на «всенародный» сговор.

Предварительной репетицией «всенародного» сговора общественников был торгово-промышленный с'езд, открывшийся 3 августа. На с'езде были представлены биржевые комитеты, советы с'ездов промышленности и торговли, общества фабрикантов и заводчиков, купеческие управы и т. д. Были там и ученые экономисты, в роде Струве и др. Политическая позиция с'езда и форма сговора определились речью Рябушинского. «Густой сумрак,—говорил этот столп российского капитала,—повис над всей русской землей. Когда было низвержено презренное царское правительство, сверкнула не надолго надежда, прекрасные открывались возможности. Но все испортили мы собственными руками. У Временного правительства была лишь видимость власти, посторонние ей люди давили на нее, и фактически воцарилась шайка политических шарлатанов. Советские лже-вожди народа направили его на путь гибели, стало русское царство перед бездной зияющей». Далее он спрашивал, что дали нам пять месяцев революции, и отвечал: «Деморализована, разрушена армия, враг занял новые области, потеряны громадные материальные богатства, так нужные для успешного ведения войны, ослабло действие правосудия, продовольственное дело запуталась вконец, экономическая и финансовая жизнь пришли в разрушение... Социалистические партии, ближайшим образом давившие на власть, не проявили творческой созидательной работы. И над всем царили какие-то хищнические вожделения». Власть не могла сопротивляться, так как она была «под давлением доктринерства левых групп и их сомнительных вождей... Все попытки создать твердую власть остались без результата. Говорили о создании «правительства спасения революции», потом «спасения России и революции», наконец, просто «спасения России». Но все это были только громкие слова», а в действительности «вместо подлинного правительства видим мы только какой-то политический ералаш». Говоря о нехватке продуктов, Рябушинский указывал, что причиной государственной катастрофы является падение производительности труда, достигшее 25—30%. Поэтому «не правы советы рабочих депутатов, претендуя на первенствующую руководящую роль в России, когда рабочий класс не исполнил своего основного долга перед государством». Что же касается торгово-промышленного класса, то «тот жаждет проявить интенсивную работу, но правительство фактически не признает его и часто тормозит его работу. Государство пред'являет к нам требования чрезвычайно повышенные, а мы,—говорил Рябушинский,—чувствуем, что не в состоянии исполнить нашего государственного долга. Правительство стало на путь монополии, так думая вывести

страну из тяжелого положения». И, по мнению Рябушинского, оно «совершает великую ошибку. Ведь хлебная монополия не оправдала надежд, только разрушила былой торговый аппарат. А правительство создает и практикует все новые монополии и лишь туже затягивает узел. Чтобы ввести систему монополий, нужны государству громадные средства, но их у него нет. И оно не может дать стране товаров по более дешевой цене». Правительство живет без всякого плана, налегая на печатный станок и на налоги, «в первую очередь облагая жестоко торгово-промышленный клас», который скоро не будет не только налогоспособным, но и платежеспособным». Чтобы справиться со всеми трудностями, «необходимо привлечь людей житейского опыта, чтобы во всем этом разобраться. Мы даем все, что можем, предлагаем и впредь нашу помощь государству. Но уже слышим голоса: целесообразно ли давать расточителю? Ведь сколько ни давай, расточитель бесполезно истратит. Не лучше ли во имя спасения родины наложить опеку на расточителей. Вспомним Минина: собрав казну народную, наблюдал за этой казной и сам расходовал ее на нужды государства. А у нас прямо обратно. Это показал весь ход переговоров с нашими представителями относительно их вхождения в правительство. Настоящая революция — буржуазная; буржуазный строй неизбежен. Пусть делают из этого логические выводы. Управляющие государством должны буржуазно мыслить и буржуазно действовать. В этом нет отрицания коалиционности; нужна работа всех живых сил, но без доктринерства, а в сознании необходимости вывести страну из трудного положения».

Контр-революционная деятельность Временного правительства Рябушинского не удовлетворяла, ибо «сейчас торгово-промышленный класс не может никого убедить, не может повлиять на руководящих лиц». Буржуазия считала необходимым усилить свое руководство. В противном случае «естественное развитие жизни идет своим чередом и жестоко покарает нарушителей экономических законов. Может быть, неизбежен для России финансово-экономический провал. И лишь тогда, когда катастрофа станет всем очевидной, поймут, каким опасным шли путем. Костлявая рука голода и народной нищеты хватит за горло друзей народа,—членов разных комитетов и советов. Тогда они опомнятся. Стонет русская земля от их товарищеских об'ятий. Скоро поймет народ и скажет: «прочь, обманщики народа!»

Дав оценку революции, новоявленный «Минин», обращаясь к столпам контр-революции, восклицал: «Великое русское государство, ты одиноко! Где твои защитники? Все светлое и честное поругано, все культурные люди отброшены. Когда же восстанет не вчерашний раб, а свободный русский гражданин? Пусть он спешит скорей,—ждет его

Россия. В этот трудный момент, когда надвигается новое смутное время, все живые культурные силы страны должны образовать одну дружную семью. Пусть развернется во всю ширь стойкая натура купечества. Люди торговли, надо спасать землю русскую!»[1]).

Итак, прочь советы, дорогу Тит Титычу к народной казне,—вот основной лозунг собравшихся спасать Россию. Во главе этих «спасителей» стоял Рябушинский, избранный председателем с'езда. Временное правительство, в лице министра торговли и промышленности, обратилось к этим «спасителям отечества» с приветствием, в котором выражало уверенность, «что тяжкие удары, обрушившиеся на страну нашу за последнее время, сплотят все классы народа нашего в едином жертвенном порыве, отдать все свои силы необходимому производительному труду». Однако, спасители отечества очень туги были на жертвенные порывы и отнеслись, по признанию всех буржуазных газет, очень холодно к призыву министра, а его приглашение к председателю с'езда приехать к нему для доклада о работе с'езда вызывает ироническое недоумение у Рябушинского, который делит лавры «по спасению России» с Временным правительством не собирался. Об этом довольно откровенно заявил на с'езде Третьяков, который, информируя с'езд о своих переговорах относительно вхождения в состав правительства, признался, что сейчас вступать в правительство—значит обречь буржуазные элементы «на бездействие, на роль ничтожную и жалкую в правительстве». Он, однако, был уверен, что правительство соглашателей без них не обойдется. «Меня лишь только пугает мысль, не сделает ли оно этого тогда, когда будет уже слишком поздно,—тогда слишком нам будет трудно помочь». Выступивший с приветствием Бубликов также был уверен, что народ скоро «встряхнется, сбросит с себя бездельничество и возьмется за великое дело!» И тогда скажет народ: «Дорогу труду, знанию, опыту! Дорогу знающим и любящим родину; прочь нечестные, невежественные, все те, которые неосторожно, а то и преступно толкали к гибели». Разумеется, к честным, знающим и любящим относились все, в роде Рябушинского, Третьякова, Бубликова и прочих «спасителей», готовых бескорыстно спасать свои кошельки, а к невежественным, нечестным и преступным—вся трудовая армия и, в первую очередь, ее представители, находившиеся в советах и других революционных организациях.

Контр-революция усиленно производила обработку общественного мнения и ускоренным темпом стягивала под свои

---

[1]) Все выдержки из речи Рябушинского цитируются по газете „Русские Ведомости“.

знамена все контр-революционные элементы. Подготовка совещания общественных деятелей шла во-всю. Мобилизация контр-революцией своих сил вызывает тревогу в революционном лагере. «Социал-Демократ», в передовой статье «Очередная задача» от 4 августа, бьет по этому поводу в набаг, отмечая, что контр-революция уже не довольствуется Московским государственным совещанием, «в котором Временное правительство хочет найти поддержку своей контр-революционной деятельности», но еще «собираются частные совещания по инициативе группы общественных деятелей». Раз'ясняя цель и состав совещаний общественных деятелей, газета пишет: «Что контр-революция организуется, в этом нет ничего удивительного: реакционные классы отстаивают свои классовые интересы и только. Более удивительным кажется, что во главе этой организации стоит Временное правительство. Но только на первый взгляд. Социалистов в нем, правда, большинство, но едва ли средний обыватель без предварительной справки сможет верно сказать, кто там социалист, кто нет, и эти социалисты, «числом поболее, ценою подешевле», служат, сознательно или несознательно, только ширмой для реакционного малого совета во главе с Керенским. И вполне понятно, что реакционеры создают себе опору в реакционных кругах. Но что вполне непонятно, это—молчание вождей рабочего класса. Голоса контр-революционеров звучат все наглее. Определенно уже говорится, что совещания, подобно Московскому, должны заменить советы рабочих и солдатских депутатов; их хотят окончательно сбросить с политических весов, а они не делают даже попытки отвести занесенный над ними удар. А между тем ведь контр-революционеров ничтожная горсть, а их голоса звучат так громко только потому, что молчит рабочий класс. В этот момент долг его вождей прекратить это молчание, привести в действие все его силы. Они этого не делают, и это—преступление перед революцией и предательство пролетариата. Но из-за негодности вождей не должна прекращаться революционная деятельность пролетариата. С вождями или без них, во главе с советами или через их голову рабочие должны воспротивиться подлому покушению на революцию. Время не терпит. Если советы бессильны, пролетариат должен сплотиться вокруг своих жизнеспособных организаций, мобилизовать свои силы, стряхнуть с себя растерянность, показать, что его революционная энергия не угасла, и что могильщики революции слишком рано вылезли из своих углов. Ко дню Московского совещания пролетариат должен громко сказать обнаглевшим реакционерам: «Руки прочь!»

Однако, надежда на советских вождей была плоха. Среди московских меньшевиков кое-кто еще пробовал выступать с критикой политики Временного правительства и спраши-

вать ВЦИК, согласен ли он с ней. Так, например, В. Ежов в меньшевистской газете «Вперед» от 4 августа помещает статью: «Что же дальше», в которой отмечает контр-революционную деятельность Временного правительства, наделенного неограниченным доверием демократии, которое использует диктатуру для того, чтобы «освобождать видных деятелей старого режима и арестовать Троцкого, Луначарского, держать под замком несколько десятков человек, арестованных в связи с июльскими событиями, не пред'являя им обвинений», и т. д., и т. п. Правительство уступает контр-революции и потворствует ее деятельности, направленной против забоеваний революции. Приведя соответствующие факты, Ежов спрашивает: «Где в этой картине органы революционной демократии и, прежде всего, Центральный Исполнительный Комитет Советов? Он одобряет эту политику? Он солидарен с перечисленными действиями, считает допустимым указанные факты?..»

Как видно, недовольство политикой соглашательного ВЦИК проникло и в меньшевистскую среду. В связи с деятельностью контр-революции большевики развивают сильнейшую агитацию на местах, выясняя контрреволюционную политику буржуазии и Временного правительства. Но соглашательский блок уже начинает менять позицию. 4 августа, на заседании ВЦИК соблаговолили заглянуть Керенский и Авксентьев, которые сказали соглашателям несколько любезностей о демократии, а соглашательский блок принял за чистую монету их заявление, что они вместе с демократией будут бороться против контр-революции. После такого заверения со стороны Керенского и Авксентьева соглашатели резко меняют фронт и стремятся поскорее оказать поддержку Временному правительству. Московская эсеровская газета приходит в восторг от посещения ВЦИК «товарищами» из правительства и берет под свою защиту «Временное правительство от нападок буржуазии, которая на с'езде торгово-промышленников говорила с правительством таким языком, который считается невозможным и недопустимым ни в одной стране. С'езд позволил себе угрожать правительству отказом в денежной поддержке». Главное—это было сделано по отношению к тому коалиционному правительству, «в которое вошли представители буржуазии». Из робкого критика правительства газета превратилась в усердного защитника, и московские эсеры опять стали заботиться о престиже Временного правительства, которое возглавлялось их товарищем—Керенским, а не о судьбе завоеваний революции и о престиже революционных организаций трудящихся, против которых буржуазия вела яростную атаку.

Ярко выраженная контр-революционная физиономия торгово-промышленного с'езда вызвала бурю негодований среди

рабочего класса и солдатских масс. По фабрикам и заводам проходят массовые митинги. Угроза Рябушинского при помощи костлявой руки голода сломить революцию сделала свое дело, и трудящиеся массы начинают энергично протестовать против «спасителей» России.

Наиболее умные представители буржуазии понимали, что Рябушинский слишком по-купечески распоясался, и поэтому производят некоторую маскировку контр-революционной физиономии буржуазии. Эту роль выполняет либеральная газета кадетских профессоров «Русские Ведомости», выступившая 5 августа с передовой статьей «Непримиримые», в которой, говоря о тяжелом положении страны, сокрушается, что все говорят о тяжелом положении, а никто ничего не хочет предпринимать. «Вот открывшийся третьего дня в Москве торгово-промышленный с'езд. На этом с'езде очень много и очень сильно говорилось об опасностях, грозящих нам со всех сторон, о прорыве фронта, о деморализации армии, о хозяйственной разрухе, об отсутствии твердой власти в стране и т. д. и т. д., но во всех этих речах невидно было поисков путей для того, чтобы спасти родину от катастрофы. Торгово-промышленники, собравшиеся на с'езд, сводили счеты с Временным правительством, изливали чувство обиды на причиненные им несправедливости и только. Они все оставались торгово-промышленниками и ни на одну минуту не превращались в граждан», ибо «не скорбь по поводу тяжелого положения родины, а злорадство по поводу ошибок Временного правительства, нескрываемая вражда к последнему были основным настроением с'езда. На торгово-промышленниках самих лежит очень большая доля вины за переживаемую нами хозяйственную разруху. Это они забывают и помнят лишь об ошибках революции и Временного правительства, сплошь и рядом преувеличивая эти ошибки и усматривая их даже там, где их не было. Но не в этой об'ективно не вполне верной оценке причин создавшегося положения заключается главная особенность настоящего с'езда, а в той непримиримости, с которой он относится к Временному правительству и различного рода демократическим организациям. Временному правительству и демократическим организациям торгово-промышленники неспособны ничего простить, ничего забыть, и меньше всего на с'езде чувствовалось желание наладить общую работу». Отсюда газета делает грустные заключения, что, если «и раньше можно было сомневаться в том, удастся ли Временному правительству сплотить все общественные группы на одном государственном деле, достигнет ли своей цели созываемое в Москве совещание? Теперь эти сомнения еще более увеличиваются, так как очевидно, что торгово-промышленная среда сама себя устраняет из той комбинации, которую имеет

в виду Временное правительство. Какой же это будет сговор об общей работе по спасению родины, если участники совещания будут проникнуты таким же непримиримо враждебным чувством по отношению друг к другу, как чувство, которым охвачены участники торгово-промышленного с'езда». С другой стороны, газета видит такую же непримиримость в позиции тех групп, которые требуют роспуска IV государственной думы. Таким образом, «сознание великой опасности, перед которой стоит родина, не может заглушить партийных счетов, взаимной вражды и раздражения». Общий смысл рассуждений газеты сводится к тому, что торгово-промышленники должны проявить уступку по отношению к Временному правительству и поддерживающих его демократических организаций, а истинная демократия должна уступить правым элементам в вопросе о роспуске IV государственной думы, роспуск которой болезненно на них отзовется. Однако, газета не выдерживает до конца своей «об'ективной» примиренческой роли контр-революции с Временным правительством и соглашательским блоком и проговаривается, что ее интересуют не судьбы революционных завоеваний, а исключительно беспокоит то, что буржуазии сейчас не под силу одной вести революционный корабль в буржуазную пристань. Об этом «секрете» проболтался Воронов в статье «Большевизм в буржуазии». «У русской буржуазии,—говорит он,—нет перед Россией таких заслуг, во имя которых она могла бы требовать себе всю полноту власти. У нее нет силы, достаточной для того, чтобы она могла удержать в своих руках эту власть и вывести Россию на путь буржуазно-капиталистического развития» [1]).

Тревога по поводу того, что буржуазия недостаточно опытна и сильна для того, чтобы ввести Россию «на путь буржуазно-капиталистического развития», заставляет, как мы видим, выступать просвещенную газету против слишком прямолинейной позиции Тит Титычей и искать золотой середины, используя для укрепления контр-революции и деятельность Временного правительства, и мелкобуржуазные демократические организации.

Торгово-промышленники, очевидно, и сами несколько спохватились, что они, пожалуй, слишком пошли напролом и сами себе испортили музыку. Поэтому в секциях у себя на с'езде они уже не требовали себе целиком власти, а ограничивались требованием предоставления себе большего количества мест на Московском совещании и паритетного представительства в различных органах Временного правительства. Выступивший на заключительном общем собрании с'езда Рябушинский произнес вторую речь, в которой при-

1) „Русские Ведомости“, от 6 августа 1917 г. № 179.

зывал, чтобы их «пустили работать во все органы, как продовольственные, губернские и другие, на паритетных началах», для того чтобы они «могли влиять на жизнь страны». Третьяков говорил, что «необходимо относиться бережно к той промышленности, которая творит ценности». Он указывал, что доказательством их неклассовой политики является то, что они, по принципиальным соображениям, не дали своих представителей во Временное правительство, хотя они и заинтересованы в том, чтобы они там находились для защиты их интересов. Газета Рябушинского «Утро России» в передовой статье от 5 августа, восхваляла мощь русской буржуазии, которая выделяется как решающая экономическая сила, а в передовой от 6 августа, отвечая на негодующий гул против позиции торгово-промышленного с'езда, писала: «Надо признать, что буржуазия «огрызнулась», и огрызнулась довольно чувствительно и больно, но сделала она это впервые после полугодовой непрерывной травли со стороны ее антагонистов слева. Если припомнить все выпады на буржуазию со стороны организованных центров революционной демократии и ее органов печати, то разве не в праве была бы одна сторона сказать, что она воздала другой лишь ее же монетой?» Теперь, когда слова сказаны, надо спасать страну, но для этого «тактика изоляции правительства недопустима», в тот момент, когда «волею судеб правительственная власть призывается сейчас спасать Россию». Правительство свергать не следует, ибо это «было бы неразумной тратой сил и времени»; необходимы лишь «частичные изменения в личном составе правительства, изменения, в итоге коих, несомненно, окажется усиление авторитета и независимости Временного правительства». Поэтому «вполне понятно стремление буржуазии видеть своих делегатов в составе кабинета спасения страны; законно желание составить правительство из авторитетных представителей всех организованных классов населения, так как только такое правительство может стать независимым от отдельных организаций и групп». По мнению газеты Рябушинского, «правительство действительного «спасения» России должно национально мыслить и национально действовать. Ни пролетарски, ни буржуазно, а именно—национально. Оно должно выработать эту общенациональную волю и предначертать тот общенациональный путь, по которому радостно и самоотверженно пойдет за ним вся страна». В заключение газета считает, что Временное правительство созывом Московского государственного совещания «хочет стать национально-демократическим правительством, опирающимся на волю всех организованных групп и классов населения».

Таков итог первой репетиции сговора контр-революции. Репетиция, по признанию «Русских Ведомостей», вышла

неудачной, так как торгово-промышленный с'езд, открыв лицо буржуазных классов, показал, что и капиталистические элементы русского государства в настоящий грозный момент не нашли общего всенародного языка и общенационального настроения для преодоления тех бедствий, которые обрушились на нашу несчастную родину» [1]).

Кадеты хотели «всенародного» об'единения под своим «внеклассовым» знаменем, а Рябушинский приглашал «торговых людей спасать Россию». Впрочем, кадеты не унывали. В № от 8 августа А. Кизеветтер в статье «К московскому совещанию» требует от правительства указания цели совещания, доказывая необходимость, чтобы на нем все государственные люди «попытались превратить губящую нас общественную междоусобицу в общий сговор партии и групп на одной минимальной программе задач и действий, безусловно необходимых для спасения России».

8 августа начался сговор на московском частном совещании, устроенном общественными деятелями контр-революции. Во главе сговора стоял на этот раз «маститый» председатель IV государственной думы Родзянко, известный своим патриотизмом и «бескорыстным» служением родине, что он и доказал поставкой гнилых болванок в армию. Репетиция контр-революции была обставлена довольно таинственно и происходила при закрытых дверях. В числе действующих лиц присутствовали представители крупного капитала в лице Рябушинского, Третьякова и др., а также представители банков. Кадетская партия явилась на всенародный сговор по спасению России в лице чуть ли не всего своего центрального комитета, во главе с Милюковым, Шингаревым, Маклаковым и т. д. Были тут и отставные главнокомандующие и просто командующие: Алексеев, Брусилов, Каледин, Юденич и т. д. Появление этих «спасителей» родины в генеральских сапогах вызвало бурную овацию со стороны участников сговора, соскучившихся по твердой власти и искавших теперь твердой генеральской руки для спасения России. Недаром буржуазные газеты почти в каждом номере посвящали восторженные статьи разным генералам, расхваливая их деятельность за бескорыстное служение стране. Теперь вся контр-революция рукоплескала им, надеясь найти в их лице спасителей своего кармана. Работа по сговору происходила под председательством Родзянко. Все эти сговорщики по спасению России произнесли ворох слов о спасении родины. Их рецепты спасения заключались в том, чтобы была создана сильная национальная власть, и чтобы понятию демократии был возвращен ее подлинный смысл без всяких комитетов, митингов и т. д. Но спасители за-

1) „Русские Ведомости“, от 8 августа 1917 г.

нимались не только спасительными речами, но и действиями. Бравые генералы выступали с речами не только на совещании, но и агитировали георгиевских кавалеров, которые избирали их председателями на своих собраниях, прислав на совещание делегацию приветствовать спасителей, обещая служить им верой и правдой. Вечером 8 августа генерал Алексеев произнес программную речь по оздоровлению армии, дополненную Калединым и другими столпами самодержавия. Речи этих спасителей настолько пришлись по душе контр-революционному сброду, и особенно речь Алексеева, что они решили огласить его речь в печати. Сговор шел во-всю. Национальную платформу спасения поручили выработать Родзянко, Шульгину, Савичу, Шидловскому, Рябушинскому, Смирнову, Третьякову, Бубликову, известному банковскому воротиле Дережинскому, Милюкову, Шингареву, Маклакову, Гучкову, Алексееву, Каледину, Юденичу и т. д. Не обошлось там и без представительства ученых, в лице пресловутого Петра Струве и других. Одним словом, был подобран букет отборнейших представителей контр-революции, из которых каждый был кандидатом в «твердую и сильную власть» для «спасения России». Путь для твердой власти и защиты общенациональных интересов услужливо об'яснил Белорусов в «Русских Ведомостях» от 9 августа. В статье «Советы» он предлагал, во избежание роста «взаимного озлобления» классов, «которым воспользуется третий», советам «открыто и прямо отказаться от всякой власти и от всяких попыток сохранить за собой руководство политической жизнью страны. Они уже отказались от формулы «вся власть советам», молчаливо довольствуясь частью. Надо оставить и эту часть». Его мотивировка сводилась к тому, что, во-первых, «как опыт доказал, к власти они не подготовлены. Во-вторых, потому, что совершенно несправедливо давать одному классу руководство делами всего общественного коллектива. Мы против этого протестовали при самодержавии, будем протестовать и при республике». Услужливый прислужник капитала в своем усердии услужить «спасителям и охранителям родины» предлагал рабочим отойти в сторону и отвести своим организациям ту роль, на которую они обречены во Франции. Он наивно думал, что рабочие не поймут, что там, хотя и полновластно правят, но правит класс буржуазии, а не пролетариата. Своей «внеклассовой» мудростью он надеялся затемнить сознание рабочего класса России. Но все подобные сорта уловки профессорской газеты, стремившейся стать на всенародную позицию, были сшиты белыми нитками и, естественно, успеха не имели. Что же касается газет, открыто враждебно настроенных против демократии, то они захлебывались от восторга, слушая речи своих кумиров—Рябу-

шинского и Третьякова, сдобренные ученой фразеологией Милюкова, и других прислужников капитала.

Контр-революция торопилась поскорей не только собрать свои силы, но и закрепить уже имеющиеся. Находившийся на посту верховного главнокомандующего, генерал Корнилов открыто требовал от Временного правительства введения смертной казни в тылу. Революционные организации рабочего класса возражали против этого, и в советских газетах появились слухи о смене открытого врага революционных организаций с должности главнокомандующего. Контр-революции было чрезвычайно важно сохранить руководство армией в своих руках, и она принимает меры, чтобы генерал Корнилов остался на посту главнокомандующего. Помимо газетной кампании, она начинает действовать через контрреволюционные казацкие организации, от которых прибыла специальная делегация на сговор контр-революции. Их представитель, приветствуя совещание, отмечал, что правительство неправильно организовано, и резолюция казаков указывала направление в организации власти в сторону усиления контр-революции. Особенно энергично союз стал на защиту генерала Корнилова. «Совет союза казачьих войск,—говорилось в их резолюции,—в экстренном заседании 6 августа, обсудив высказанные в некоторых органах печати взгляды на деятельность верховного главнокомандующего генерала Корнилова, усмотрел в этом планомерное проведение мысли о возможной смене верховного главнокомандующего. Причинами отставки служит, по мнению этих органов, чрезмерная требовательность и настойчивость генерала Корнилова в своих действиях, нежелание его считаться с выборными войсковыми организациями и в непризнании им авторитета совета рабочих и солдатских депутатов, в области реорганизации армии. Совет союза казачьих войск постановил довести до сведения Временного правительства, военного министра и распубликовать в газетах во всеобщее сведение, что: 1) совет союза казачьих войск совершенно не согласен со взглядами, проводимыми в последних номерах «Известий Советов Солдатских и Рабочих Депутатов», 2) генерал Корнилов не может быть сменен, как истинный народный вождь и, по мнению большинства населения, единственный генерал, могущий возродить боевую мощь армии и вывести страну из крайне тяжелого положения; 3) совет союза казачьих войск, как представитель всего российского казачества, заявляет, что смена генерала Корнилова неизбежно внушит казачеству пагубную мысль о бесполезности дальнейших казачьих жертв в виду явного нежелания власти спасти родину, честь армии и свободу народа действительными мерами; 4) совет союза казачьих войск считает нравственным долгом заявить Временному правительству и народу,

что он снимет с себя возложенную на него ответственность за поведение казачьих войск на фронте и в тылу при смене генерала Корнилова, и 5) совет казачьих войск заявляет громко и твердо о полном и всемерном подчинении своему вождю-герою, генералу Лавру Георгиевичу Корнилову».

Совещание контр-революции встречает эту контр-революционную резолюцию такой бурной овацией, что председательствовавший князь Трубецкой констатировал, что «оглашение резолюции вызвало у совещания всеобщий восторг». Ну, еще бы! У совещания желания по водворению порядка было очень много, а реальной силы недоставало. Теперь оно могло опереться на казачество. Совещание почувствовало под собой настолько твердую почву, что решило преподнести «верноподданнический» адрес новому народному герою, генералу Корнилову, которому за подписью Родзянко была послана телеграмма следующего содержания: «Совещание общественных деятелей приветствует вас, верховного вождя русской армии. Совещание заявляет, что всякие покушения на подрыв вашего авторитета в армии и России считает преступным и присоединяет свой голос к голосу офицеров, георгиевских кавалеров и казачества. В грозный час тяжелого испытания вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верой. Да поможет вам бог в вашем великом подвиге на воссоздание могучей армии и спасения России».

Общий рецепт, выработанный контр-революционным совещанием по спасению России, заключался в резолюции, составленной избранной ранее комиссией из отборнейших контрреволюционеров, которую на совещании поручено было огласить Милюкову. Указывая на «тяжелое положение родины», совещание отмечало, что «глубокое расстройство охватило все части народного организма и грозит привести родину на край гибели в то самое время, когда близится развязка великой мировой борьбы, стоившей народу неисчислимых жертв и обещавшей положить начало мирному существованию человечества». В этот решающий момент армия «обессилена полным исчезновением дисциплины и подчинения, место которых заняла гибельная для боеспособности армии зависимость от выборных военных организаций». К тому же «великие задачи войны и связанные с нашей победой жизненные интересы России затемнены в сознании солдатских масс коварными уверениями, что нам не за что воевать, и что вина за эту войну падет не на нашего врага, а на правительства наших союзников». Для водворения «порядка» в стране контр-революции требовалась сильная власть, но «в стране нет власти, ибо органы ее на местах исчезли в первые дни революции, а заменившие их временные самочинные организации, на долю которых выпало сохранение порядка, не обеспечивали населению самых

основных условий охраны личной и имущественной безопасности». Опереться контр-революции было не на что, так как «в стране нет суда и закона, ибо то и другое заменено усмотрением тех же организаций, присвоивших себе права государственной власти, но зачастую являющихся орудием узких партийных стремлений». «Внеклассовое» совещание контр-революции отмечает в резолюции устами наиболее своего талантливого слуги Милюкова хозяйственную разруху, где «разгул частных интересов сегодняшнего дня, не считаясь с интересами всего народа, торжествует в такое время, когда условия войны повелительно требуют от всех и каждого высшего самоотречения и самопожертвования». Поэтому, «настала пора открыто признать, что страна, идущая этим путем, роковым образом приближается к собственной гибели, и правительство, сознающее свой долг перед страною, должно признать, что оно вело страну по ложному пути, который должен быть немедленно покинут».

Контр-революция не удовлетворена контр-революционною деятельностью Временного правительства, которое недостаточно твердо проводит ее линию. Совещание требовало более ясной и четкой линии, которая могла удовлетворить общенациональным требованиям контр-революции. По ее мнению, «во имя спасения родины и новорожденной свободы правительство должно немедленно и решительно порвать с социалистическими утопиями, которые оказывали пагубное влияние на ее деятелей. Оно должно начать самую энергичную борьбу с ядовитыми всходами этого посева во всех областях народной жизни,—в армии и флоте, во внешней политике, в социальных отношениях, в промышленности и финансах, в земельном и национальном вопросах». Для осуществления этого «пусть в войсках будут восстановлены дисциплина и полнота власти командного состава, пусть возродится в понимании национальных интересов России и вера в ее доблестных союзников, теперь особенно необходимых ей в дни ее временной слабости. Пусть центральная власть, единая и сильная, покончит с системой безответственного хозяйничанья коллективных учреждений в области государственного управления, пусть восстановит свои органы на местах и через их посредство прекратит безначалие и хаос, обеспечит личность и собственность, обеспечит пользование гражданскими и политическими правами, приобретенными революцией. Пусть в сознании общей опасности извне и великих задач национального освобождения внутри прекратятся злоба и ненависть классовой розни, пусть восстановится национальное единение на почве общих жертв для родины на началах равенства и братства. Пусть требования отдельных народностей введены будут в законные и справедливые пределы, не угрожающие разрушением

национальному единству. Пусть предоставлено будет Учредительному собранию установить основные начала государственного бытия России и повести коренные социальные реформы. Пусть до тех пор ни одна часть народа не заявляет претензий выражать волю всего народа». Как видим, программа контр-революции весьма обширна. По ее выполнении от революции ничего не останется, но зато будут обеспечены личность и собственность контр-революции, и «злоба и ненависть классовой розни» будут залиты в потоках народной крови и утрамбованы грудами пролетарских трупов. Для выполнения такой программы требовалось подходящее правительство. По мнению контр-революционного совещания, это может выполнить «только такое правительство, которое может остановить страну на краю бездны и твердою рукой вывести ее на путь спасения». Однако, всенародным и «беспартийным правительством может быть лишь то, которое решительно порвет со всеми следами зависимости от каких бы то ни было комитетов и советов и других подобных организаций. Только такое правительство может рассчитывать на всенародное сочувствие и поддержку, только оно может об'единить вокруг себя не одни только верхи общественности, связанные партийными лозунгами, а широкие, пока еще неорганизованные народные массы. Только оно, наконец, может обеспечить населению полную свободу выборов в Учредительное собрание, призванное выразить подлинную народную волю, положить прочные основы будущего величия освобожденной России». В заключительной части резолюции совещание обращалось с кличем к людям «российской державы», призывая их, по примеру своих предков, притти и спасти контр-революцию и явить «внукам и детям добрый пример, какой оставили вам ваши отцы и деды».

Эта контр-революционная программа совещанием была под шумные аплодисменты единогласно принята. Однако, когда военная комиссия предложила собравшимся контр-революционерам на утверждение подробно разработанный план-резолюцию по «оздоровлению» армии, т.-е. по разгону всех армейских организаций, то контр-революционеры, находящиеся на фронте, понимавшие, что для подобной операции у них не найдется достаточных сил, стали протестовать против слишком крутых мер, и программа «оздоровления» армии была сдана в комиссию для проработки и приведения ее в более приличный вид.

Работа этого совещания, как и торгово-промышленного с'езда, сослужила хорошую службу революции. Рабочие и солдатские массы воочию увидели общенациональную программу контр-революции, а к тому же Московская организация нашей партии не переставала на многочисленных собраниях раз'яснять смысл подобной программы. На этих

контр-революционных речах и резолюциях. Московская организация большевиков обучала московских рабочих правильному пониманию своих классовых интересов в революционный период. Когда созыв контр-революционного государственного совещания определенно наметился в Москве, буржуазия вначале не особенно радовалась его созыву, а затем, когда увидела, что Временное правительство проводит ее политику и хочет с нею окончательно столковаться, она начинает все более и более восторженно приветствовать его, доказывая, что под звон московских колоколов собиралась земля русская, и под сенью древнего московского Кремля она вновь найдет свое спасение. Поэтому правительству необходимо было как можно скорей избавиться от гнилого воздуха Петрограда, чтобы найти в Москве здоровую атмосферу. Отсюда клич прислужников капитала—«пусть же скорее петроградское правительство едет в Москву, пусть вслушается в голос святынь, колоколов, святых башен кремлевских, и если Кремль для него останется безмолвным, тому правительству не спасти Россию, переживающую роковой час ее истории» [1]).

Эсеровская городская дума в свою очередь заплясала петушком перед высокими гостями, взяв на себя всю заботу по организации совещания и размещения «спасителей» предоставив им все удобства для «трудной и тяжелой» работы. Соглашательский ВЦИК принял решение участвовать в контр-революционном сговоре, обязав своих членов выступать единой делегацией. Это решение было принято для того, чтобы не дать возможности большевикам—членам ВЦИК—участвовать в совещании и тем разоблачить черное дело контр-революции и выявить к нему отношение революционного пролетариата. Мелкобуржуазные партии, несмотря на открытый поход контр-революции, решили принять участие в этом сговоре, хотя буржуазия всем своим поведением давно заявила им, что она с ними не желает разговаривать. Пролетариат был покинут мелкобуржуазными партиями, которые призывали его ждать и ничего не предпринимать без их призыва. На долю большевиков выпала чрезвычайно большая и тяжелая работа. Московский орган нашей партии «Социал-Демократ» своевременными выступлениями с ясной разоблачительной критикой контр-революции и Временного правительства сыграл огромную роль, а его решительная критика половинчатой и нерешительной политики мелкобуржуазных партий прояснила головы многим отсталым рабочим и солдатам.

В первых числах августа Московский комитет созывает межрайонное собрание московского актива, по нескольку

---

[1]) Вл. Арондаренко. „Утро России“, от 10 августа 1917 г. № 194.

человек от каждого района, на котором ставится вопрос об отношении к Московскому совещанию. Собрание происходило в Городском районе. После докладов с мест, из которых было видно, что контр-революция своей агитацией сильно подняла настроение среди рабочих, был поставлен вопрос, ким образом встретить живые силы контр-революции. Все сходилось на необходимости достойной встречи контр-революционеров, но формы этой встречи были различны. Преобладало два мнения: одно считало необходимым призвать московских рабочих к всеобщей забастовке, а другое— к устройству демонстрации. Однако, защитники как первого, так и второго предложения опасались, что может получиться, что рабочий класс не пойдет единодушно на забастовку и демонстрацию, и тем самым желаемого результата может не получиться, если Совет рабочих депутатов выскажется против этой формы встречи. У всех был в памяти пример демонстрации во время июльских событий, когда благодаря отрицательному решению Совета рабочие вышли на улицу, в довольно небольшом количестве, да и те по дороге к Совету были деморализованы сторонниками соглашательских партий и контр-революции. Поэтому вопрос о демонстрации сравнительно быстро отпал. Все склонялись к об'явлению однодневной забастовки, которую легче было провести даже против решения Совета. Однако, полный уверенности в том, что рабочие массы пойдут за партийной организацией при противодействии Советов, не было, поэтому было решено действовать через профсоюзы. Если в профсоюзах, в которых большинство выборных органов было в наших руках, удастся провести свое решение, то тогда созвать партийную конференцию и присоединиться к забастовке. Если же это не удастся, то тогда ограничиться критикой и разоблачительной кампанией контр-революции на фабриках и заводах.

Кампания пошла усиленным темпом. По фабрикам и заводам, а также и в профессиональных союзах вопрос о Московском совещании был поставлен в порядок дня. В профессиональных союзах, где аппараты находились в наших руках, проведение среди правлений соответствующих резолюций не представляло особых трудностей, а на тех, где имелось большинство беспартийных или колеблющихся соглашателей, решено было воздействовать перед центральным бюро профессиональных союзов, большинство в котором принадлежало нам. 7 августа состоялось расширенное заседание центрального бюро с представителями от правлений 28 союзов. На этом собрании обсуждался вопрос о текущем моменте и об отношении к Временному правительству. Центральное бюро пригласило докладчиками исключительно большевиков. Были сделаны доклады тт. Смидо-

вичем и Скворцовым. Они обрисовали общее положение страны и контр-революционный поход буржуазии на завоевания революции. Затем собрание заслушивает доклады с мест, из которых выясняется, что пролетариат проявляет острое возмущение деятельностью обнаглевшей контр-революции и попустительством Временного правительства. Соглашательская политика советского большинства, поддерживающего контр-революционную политику Временного правительства, вызывает среди рабочих разочарование и недовольство. Все участники сходились на необходимости отпора контрреволюции в виде активного выступления пролетариата, но форму этого выступления собравшиеся еще не решились наметить. Во-первых, не было почти половины представителей союзов, а, во-вторых, выступление пролетариата на улицу помимо Совета не всеми еще усвоилось. Поэтому после заслушания докладов с мест собрание решило устроить еще одно экстренное заседание, пригласив на него представителей всех политических партий и Совета рабочих и солдатских депутатов. Принятое решение на этом другом собрании передать на фабрики и заводы. Для себя участники приняли следующее обязательство: «Мы, члены правлений 28 профессиональных союзов и Центрального бюро профессиональных союзов, уходим отсюда с твердым намерением повести среди союзов широкую агитацию за необходимость активного выступления против всей контр-революционной политики правительства буржуазии, увенчавшейся созывом Московского совещания.

В районах развертывается широкая кампания. Целый ряд районных советов начинает категорически высказываться против созыва Московского совещания, стремясь при этом об'единить все районные советы в одном общем протесте. С этой целью некоторые районные советы делают попытку созвать общее собрание исполнительных комитетов всех районных советов и на нем вынести соответствующее решение. Однако, часть исполнительных комитетов запротестовала. Например, исполнительный комитет Хамовнического совета рабочих депутатов, заслушав 8 августа предложение исполнительного комитета Сущевско-Марьинского совета о созыве собрания районных исполнительных комитетов для обсуждения вопроса об отношении к Московскому совещанию, вынес постановление, в котором решил довести до сведения собрания, если таковое состоится: 1) «Что рабочий класс города Москвы имеет свою центральную организацию в лице Московского совета рабочих депутатов и что, именно, последняя является политическим представителем рабочих Москвы в целом. 2) Что решение указанного вопроса, помимо Московского совета рабочих депутатов, может внести дезорганизацию в рабочую среду. 3) Что поэтому Хамовнический

районный исполнительный комитет не считает возможным выносить политическую резолюцию о Московском совещании от имени собрания районных исполнительных комитетов» [1]).

Но если общего решения районным советам не удалось принять благодаря противодействию соглашательского блока, понимавшего, что на собрании районных советов он рискует остаться в меньшинстве, то решения отдельных районных советов не оставляли никакого сомнения в их позиции в этом вопросе. Так, например, пленум совета рабочих депутатов Городского района на своем заседании большинством 53 против 3, при 3 воздержавшихся вынес резолюцию следующего содержания:

«Совет рабочих депутатов городского района, обсудив на собрании 9 августа отношение к Московскому совещанию и считая контр-революционный характер этого совещания не подлежащим сомнению, постановил:

1) Представители революционной демократии должны пойти на Московское совещание с тем, чтобы, заклеймив во внеочередном заявлении поведение Временного правительства, взявшего на себя постыдную роль созыва этого совещания, организующего контр-революционные силы для решительного натиска на революцию, и разоблачив активно контр-революционный характер самого совещания, покинуть демонстративно совещание, призвав уйти всех, кому дороги завоевания революции.

2) Совет рабочих депутатов Городского района призывает всех рабочих города Москвы в день открытия совещания—в субботу 12 августа—об'явить общую однодневную демонстративную забастовку протеста для поддержания выступления представителей революционной демократии и выявления воли всего рабочего класса до конца бороться за защиту и расширение завоеваний революции» [2]).

Подобного рода резолюции были приняты в целом ряде районных советов. 9 августа происходит соединенное заседание Центрального бюро профессиональных союзов совместно с правлением 41 профессионального союза. На собрании присутствуют представители советов рабочих и солдатских депутатов, а также представители партийных организаций большевиков, меньшевиков, об'единенцев и эсеров. Собрание происходит в Белом зале Московского Совета. Зал набит битком. Первым докладчиком выступает тов. Скворцов, подробно остановившийся на текущем моменте. Обрисовав создавшуюся обстановку, он отметил, что в настоящее время государственная власть переходит в руки контр-революционной буржуазии, для которой правительство Керенского

---

[1]) АОР. ФПоп.²/1213 № 25.

[2]) Там же.

является только ширмой. Разобрав подробно контр-революционную политику Временного правительства, стремившегося сведением к нулю завоеваний революции заслужить доверие буржуазии, он указывал, что теперь правительство хочет окончательно предать революцию и опереться на контр-революционное совещание, чтобы таким образом можно было разорвать всякую связь с революционными организациями. В заключение он призывал отказаться от участия в государственном совещании и выразить свой протест против его созыва.

Представитель меньшевиков Кипен, выступивший с докладом после него, высказывался за участие в совещании, чтобы там организованно проводить линию рабочего класса и об'единить все силы революционной демократии, разоблачая при этом ошибочные шаги Временного правительства как во внешней, так и во внутренней политике. Позиция об'единенцев, от которых выступил Яхонтов, близко примыкала к позиции большевиков. Представитель эсеров Гавронский заявил, что они не ждут от совещания продуктивной работы, но в то же время будут в нем участвовать. Если же буржуазия выступит с контр-революционными посягательствами на власть, то пролетариат должен приготовиться, чтобы во-время дать отпор. Он предлагал собранию не выносить решения, а передать этот вопрос на решение политических органов революционной демократии. Его предложение встречается довольно дружным смехом большинства собрания. Представители от отдельных союзов, в своем подавляющем большинстве, высказывались за необходимость организации в той или иной форме своего протеста к совещанию. Всякое отрицательное отношение к совещанию дружно приветствовалось собранием, и было видно, что среди представителей профессиональных союзов соглашательский блок найдет немного сторонников. Собрание затянулось до глубокой ночи и закончилось принятием резолюции большевиков, в которой выражался протест против Московского совещания, и московский пролетариат призывался к однодневной стачке протеста. Собрание решило послать своих представителей на Московское совещание лишь только для того, чтобы там огласить свою декларацию, в которой самым решительным образом разоблачить контр-революционную сущность самого совещания и политику господствующих классов, после чего оттуда уйти. В день открытия по фабрикам и заводам должны быть проведены митинги протеста, после чего об'является стачка. Организацию стачки собрание поручало взять на себя Совету рабочих и солдатских депутатов. Для защиты принятого решения собранием была выделена делегация в исполнительный комитет Московского Совета, на заседании которого должна была отстаивать принятые решения.

На заседании исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, происходившем на другой день, решение профессиональных союзов было поставлено в порядок дня. Собрание происходило с участием представителей от профсоюзов и районных советов. Большинство районных советов поддерживало решение о всеобщей забастовке. Против решительно возражал министр почт и телеграфов меньшевик Никитин, доказывающий, что Московское совещание вовсе не контр-революционное, а созвано по настоянию министров-социалистов. Большевики энергично настаивали на необходимости Совету взять руководство движением в свои руки и провести всеобщую забастовку протеста против контрреволюционного совещания согласно воле организованного пролетариата. Меньшевистско-эсеровский блок энергично возражает, и в результате исполнительный комитет голосами меньшевиков и эсеров против большевиков при нескольких воздержавшихся принимает следующую резолюцию:

«1) Ввиду того что созываемое правительством государственное совещание по своему составу не может считаться представительством страны и выразителем воли народа, это совещание не должно принимать никаких решений, ограничившись обменом мнений по основным вопросам государственной жизни между представителями правительства и различными классами народа.

2) Представители пролетариата и революционной демократии должны принять активное участие в совещании, требуя от Временного правительства решительного и быстрого проведения в жизнь программы 8 июля, являющейся тем минимумом требований демократии, без которого невозможно спасение страны и революционных завоеваний. При этом представители советов должны протестовать против репрессий, направленных против левых течений, и недостаточно последовательной борьбы с контр-революцией.

3) Ведя решительную борьбу с политикой господствующих классов, противодействующих проведению в жизнь программы 8 июля, представители советов должны об'единить все демократические элементы, участвующие в государственном совещании, вокруг этой программы и решительной тактики по ее осуществлению, настаивая на безусловной необходимости для спасения страны следующих мероприятий:

а) обязательного созыва Учредительного собрания в назначенный срок без каких бы то ни было дальнейших отсрочек;

б) решительных мер по организации хозяйственной жизни и контролю над производством и распределением и налоговой беспощадности по отношению к имущим классам;

в) решительных мероприятий против всяких посягательств на выборные организации солдат как на фронте, так и в тылу;

г) напряжение всех сил страны для организации государственной обороны и последовательной внешней политики для проведения в жизнь демократической программы мира;

д) неуклонного проведения намеченных подготовительных мероприятий по земельному вопросу;

е) немедленной отмены смертной казни.

4) Все перечисленные задачи осуществимы лишь при условии энергичной и единодушной поддержки делегации советов со стороны масс путем устройства собраний на фабриках и заводах и вынесения соответствующих настоящему постановлению резолюций. Только таким путем демократия даст энергичный отпор силам контр-революции и воспрепятствует им использовать государственное совещание для сплочения своих сил.

5) Ввиду того что государственное совещание является делом всероссийским, всякое выступление масс в связи с ним может быть предпринято только под руководством всероссийских центральных исполнительных комитетов советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, по первому призыву которых народные массы должны быть готовы оказать им необходимую поддержку. Всякие выступления без особого призыва советов рабочих и солдатских депутатов неизбежно поведут к разгрому сил революции и укреплению сил контр-революции. Московский совет рабочих и крестьянских депутатов считает нецелесообразным устройство в данное время демонстраций или всеобщей стачки протеста и предлагает ограничиться устройством митингов и собраний по фабрикам и заводам. Вместе с тем Совет рабочих и солдатских депутатов призывает всех рабочих и солдат теснее сплотиться вокруг советов и без всякого их постановления не допускать никаких политических забастовок и демонстраций, откуда бы эти призывы ни исходили».

Городская дума, в которой большинство принадлежало эсерам, также обсуждает этот вопрос. Управа приняла на себя обязательство по обслуживанию высоких гостей, а рабочие хотят испортить картину эсеровского гостеприимства. Руднев, информируя думу о своей беседе с Керенским, приглашал думу «оказать поддержку революционной власти и сделать усилие, чтобы воспрепятствовать успеху выступлений, задуманных некоторыми группами населения с целью сорвать совещание. В числе этих выступлений, как ему известно, предполагается всеобщая забастовка в Москве, задуманная с тем, чтобы сделать невозможным созыв и работу совещания» [1]).

---

[1]) Цитаты взяты по отчету эсеровской газеты „Земля и Воля“ от 11 августа 1917 г. № 117.

Руднев обращался к представителям всех общественных групп, представленных в городской думе, с предложением отказаться «от непримиримой классовой позиции и соединить свои силы для того, чтобы дать реальную опору власти». По отношению к революционному пролетариату он заявил, «что для подавления попытки помешать совещанию будет употреблена не только сила убеждения, но и физическая сила. Оправданием для применения силы служит то, что России грозит не только разгром революции, но и разгром всего государственного организма». Городская дума соглашается с своим головой и принимает против голосов большевиков соответствующую резолюцию.

Боевое настроение среди московского пролетариата понуждает московский меньшевистский центр принять резолюцию, в которой он об'ясняет мотивы, побудившие меньшевиков принять участие в контр-революционном совещании. «События 3—5 июля и поражение на фронте ослабили силы революционной демократии и дали возможность активно проявиться враждебным силам. Создавшееся в такой обстановке Временное правительство оказалось без достаточной социально-политической опоры. Политическое положение осложнилось еще и тем, что контр-революционные группы, пользуясь временным ослаблением революционных сил, пытаются в своей борьбе за власть приблизить момент открытого столкновения с демократией, не останавливаясь перед окончательным расстройством хозяйственной жизни страны и поражением на фронте и ведя открытую кампанию против Временного правительства. В поисках тех сил, на которые оно могло бы при создавшемся критическом положении опереться, Временное правительство созывает представителей различных общественных групп на Московское совещание. Это совещание может представить опасность для революции, способствуя сплочению контр-революционных сил, если широкие круги пролетариата и революционной демократии не проявят под руководством своих авторитетных и руководящих Советов рабочих и солдатских депутатов и политических партий активного и единодушного воздействия на совещание и внутри, и вне его. Поэтому задачей пролетариата и революционной демократии является не бойкот совещания, а активное участие в нем для воздействия на Временное правительство в направлении решительного проведения программы 8 июля и для организации вокруг этой программы всех групп, способных принять ее и оказать поддержку Временному правительству в ее проведении.

Представители революционной демократии на этом совещании:

1) должны дать критическую оценку деятельности Временного правительства и заявить решительный протест про-

тив осуществляемой им за последнее время системы репрессий налево (смертная казнь, закрытие газет, аресты, стеснение деятельности армейских комитетов);

2) дать энергичный отпор силам контр-революции и разоблачить узкоклассовую, своекорыстную и ведущую к гибели страны позицию, занятую организованными кругами буржуазии;

3) настаивать на неуклонном проведении программы революционной демократии как во внешней, так и во внутренней политике, а именно: а) последовательное осуществление демократической программы мира; б) решительные мероприятия в области организации производства и распределения и налоговая беспощадность по отношению к имущим классам; осуществление опубликованных мероприятий по земельному вопросу; в) обязательный созыв Учредительного собрания в об'явленный срок без каких бы то ни было дальнейших отсрочек. Цель эта может быть достигнута лишь при условии, если голос демократии, и прежде всего пролетариата, прозвучит на совещании и вне его внушительно и единодушно. Всякая попытка внести раскол в это выступление демократии грозит ей сейчас в виду серьезности переживаемого момента тяжким ударом. Московская организация РСДРП считает своей задачей мобилизацию рабочих и широких народных масс вокруг революционного представительства на этом совещании и организации кампании в печати и на собрании, раз'ясняющей значение нашего участия в совещании и задачи демократии в нем».

Таким образом, органы «революционной» демократии высказались против всеобщей забастовки, проводимой «дезорганизаторами»-большевиками. Профессиональные союзы столкнулись лицом к лицу с Советом, авторитет которого до сего времени был довольно велик среди трудящихся масс. Необходима была ясность. Московская общегородская конференция большевиков собирается 10 августа и выносит следующее решение по вопросу о Московском совещании.

«Стоя на точке зрения ЦК РСДРП в оценке созываемого Московского совещания, конференция признает необходимым:

1) предложить всем товарищам делегатам на совещании немедленно организовать там все революционные элементы вокруг требований последовательной революционной демократии и, огласив нашу декларацию, в которой необходимо разоблачить как контр-революционный характер совещания, так и предательскую политику буржуазных партий и покрывающих их вождей меньшевиков и социалистов-революционеров, демонстративно покинуть совещание;

2) организовать массовую кампанию митингов протеста против совещания. Призвать в согласии с решением сове-

щания представителей 41 профессионального союза пролетариат Москвы к однодневной стачке протеста на 12 августа».

Позиция большевиков была ясна. Пленум Московского Совета, собравшийся 11 августа, происходит в напряженной обстановке. Соглашательский блок употребляет все усилия, чтобы удержать в своих руках большинство Совета, которое под напором с низов готово было уйти от них. Большевики особенно энергично нападают. Их поддерживают представители союзов и районных советов. В конце концов соглашательскому блоку удается ничтожным большинством провести резолюцию исполнительного комитета. Когда выясняются результаты голосования, большевики быстро уходят в районы. Последнее слово в голосовании принадлежало рабочему классу, к которому и пошли апеллировать большевики.

Руднев обращается со страниц газет с призывом к населению Москвы оказать гостеприимство высокому собранию. Московский совет рабочих и солдатских депутатов обращается ко всем рабочим и работницам Москвы с призывом, в котором указывает, что в заседании 11 августа он постановил «не об'являть забастовку... в день открытия государственного совещания» и поэтому призывает «к выдержке и организованности». «Русская революция,—говорится в обращении,—переживает тяжелые дни. Черные вороны реакции и контр-революционная буржуазия собирают свои силы, чтобы нанести удар революции, чтобы отнять добытые кровью рабочих и солдат завоевания. В эти грозные часы пролетариат и армия должны быть во что бы то ни стало едины и нераздельны. Ваши представители в государственном совещании выставят со всей решительностью ваши требования в области внешней и внутренней политики. Выступая преждевременно и несогласованно с рабочими других городов, вы рискуете сорвать их борьбу и ослабить нашу позицию, ради укрепления которой вас призывают к забастовке. Всякое разрозненное выступление рабочего класса в эти дни может оставить его одиноким в борьбе и разорвать связь между ним, революционной армией и крестьянством. Это было бы только на радость врагам революции и рабочего класса. Не дадим же, товарищи, разбить наши силы, не дадим легкого торжества нашим врагам. К единению зовет вас Совет рабочих и солдатских депутатов. К открытию государственного совещания сплотите ваши ряды вокруг ваших представителей в нем и поддержите их в их требованиях. Встаньте, как один человек, на решительную борьбу, когда они вас к тому призовут. До тех же пор проявите выдержку и организованность. Не следуйте призывам, не исходящим от советов, и не начинайте преждевременных выступлений. Помните, товарищи, ваша сила в ваших организациях, в советах

рабочих и солдатских депутатов. Кто идет против них, тот срывает борьбу рабочего класса».

Рабочий класс оказался стойким и единым против черных воронов и единодушно выступил на улицу в день открытия Московского совещания. Почти все московские союзы, за исключением печатников, огромнейшее большинство фабрик и заводов и даже мелких мастерских оказались спаянными единой пролетарской связью и дружно бастовали в этот день, расстроив план контр-революции, собравшейся накинуть мертвую петлю на завоевания революции. Городской голова Руднев, приветствуя контр-революционное совещание от имени Москвы, указывал, что только ничтожная часть московских жителей протестует против совещания, а подавляющее большинство населения его приветствует. Насколько выражал Руднев мнение большинства Москвы, показывает следующий факт. Когда он узнал, что к забастовке присоединились и городские предприятия, то он тут же утром отправил в центральный союз рабочих и служащих московского городского управления следующее письмо: «Мне сообщили сейчас, что трамвайные рабочие к вечеру об'явили забастовку с целью протеста против Московского государственного совещания, и что ведется агитация за забастовку городских электрических станций. Московское совещание, не призванное выносить никаких решений, созывается Временным правительством для того, чтобы в дни величайшей опасности для родины и революции обратиться ко всем живым силам с призывом к необходимым для спасения страны жертвам. На этом пути Временное правительство должно быть поддержано решительно всеми в стране, кто сознает свою ответственность перед народом и революцией. Революционная демократия достаточно сильна, чтобы решительно парализовать все попытки контр-революции использовать Московское совещание в своих целях. И наоборот, всякая рознь в рядах демократии, всякие сепаратные забастовки и народные волнения в эти дни будут определенно использованы контр-революцией в ее интересах. Московская городская дума, избранная голосованием всего населения г. Москвы, центральные комитеты советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и большинство социалистических партий высказались за участие в Московском совещании. Выступление городских рабочих и служащих возлагает на них политическую ответственность за разрушение единства демократии, за выступление против шагов Временного правительства, направляемых в тягчайшие дни испытания к спасению родины и революции. Предлагаю центральному союзу принять экстренные меры к немедленному восстановлению правильного функционирования всех городских предприятий. Обращаясь к организации городских рабо-

чих и служащих, я надеюсь, что политический разум и чувство гражданской ответственности подскажут им единственный достойный для представителей рабочего класса метод действий к поддержанию авторитета советов организацией борьбы под их знаменем со всем, что угрожает существованию страны и завоеваниям революции». Однако, это письмо, по горестному признанию «Русских Ведомостей», никакаго влияния не оказало, и гости высокого собрания вынуждены были лишиться удобств, предоставленных им городской думой. Руднев угрожал представителям пролетариата насилием, но под могучей волей рабочего класса поблекло не только красноречие соглашателей, но и боевые действия твердой руки генерала Корнилова не осуществились. Пролетариат своим дружным выступлением громогласно заявил, что он жив и не позволит никаким «спасителям» посягнуть на завоевания революции. Буржуазия, собравшаяся на контр-революционное совещание, увидела, что Москва для спасения России—не подходящее место, и ей пришлось ограничиться на совещании словоизлиянием, отложив для более удобного случая создание «твердой и сильной власти».

★

А. Аросев.

ТО, ЧТО БЫЛО В МОСКВЕ В ОКТЯБРЕ

С каждым часом, с каждой прожитой нами минутой то, что было тогда в Москве, отходит все дальше и дальше в прошлое. Лица, как в сильную бурю столкнутые на большом корабле, проделали большую работу: вывели, направили корабль, дали ему нужный поворот; лица эти, как фотографические портреты, в памяти у нас, участников этой работы, стали выцветать.

События же, покрываемые из года в год выходящими книгами, произносимыми речами, становятся все более и более яркой картиной, стройной и гармоничной во всех своих частях. Картине этой сообщается та торжественность, которая бывает владычицей на больших смотрах и парадных праздничных шествиях.

Осенью, в слякоть, в непогодь, по раскидистой большой Москве, наполненной крестьянством, организованным в солдатские полки, окруженной «лентой пашен» и мужицких хат, великие события проходили, как одна огромная работа. Работа не парадная, мозольная, с теми препятствиями, с той серой прозой, с которой совершается всякая народная работа.

Если рабочими, которых была горстка в сравнении с солдатами, рабочими, которые были руководителями совершаемой революции, владели великие идеи коммунизма, то мужик шел добывать землю. На штыке своем он хотел принести в деревню ветку мира и бумагу о земле. Крестьянин ломал старое из-за деревенской тяглой тесноты.

Лица, которые совершали работу, названную в книгах «Октябрьская революция», которые еще тянутся в моей памяти,—это простые, рябые и нерябые, рыжие и белокурые, черные и темные, бородатые и безбородые крестьянские лица. Я видел их в поту, обрызганных грязью, видел раненых в боях за землю, видел опаленных огнем, горевших в том доме, которого теперь не существует, на месте которого Меркулов поставил Тимирязева, видел сидевших у орудий на крыльце Большого театра и в промежутках между артил-

лерийской работой курнвших махорку, видел в Совете сидевших на корточках по стенам Белого зала и в часы отдыха ковырявших гвоздем жестяную банку с консервами, видел тех, кто в Китай-городе, попав под пулеметный обстрел юнкеров, падал то навзничь, то грудью вниз на асфальтовые тротуары под зеркальными окнами магазинов.

Вот какие это были лица в кочегарке, в московской кочегарке того корабля, который называется Октябрьской революцией.

И подобно тому, как всякое несущееся тело огромной величины увлекает за собой песчинки и пылинки,—так точно и в этом деле увлечены были многие лица, раньше не помышлявшие о том, что могут участвовать в таком деле. Это по большей части, беспартийные одиночки из полупролетарской интеллигенции, будь то военные офицеры или гражданские люди, но которые оказали неоценимые услуги; о некоторых не пришло еще время сказать.

И вот теперь, отсчитывая на пальцах года этой революции,—и скоро пальцев нехватит,—мне всякий раз хочется показать эту революцию со стороны ее грязной, тяжелой, полной дыма и огня, кочегарки. Показать не картину, сделанную для красоты, для украшения комнаты, а дать черты, мазки, правдивые настолько, чтобы сохранились в них все светотени. Лица в памяти тускнеют, но еще держатся. События в книжках и речах приобретают не бывшую в них тогда гармонию и стройность, но еще живы современники и совершатели.

И, как возможно, не мудрствуя, не лукавя, не скрывая ничего, будем пытаться дать понятие о лицах и о том, что делалось тогда в Москве, ныне столице СССР.

Примирительная резолюция

Бывают минуты, от которых зависит история. Минуты, которые требуют прямого «да» или «нет». В такие минуты проявляется людьми обыкновенного склада минимум нерешительности.

Угол дома Московского Совета выходит и на Тверскую улицу, и на Чернышевский переулок. Там, в углу этом, большая комната (это под кабинетом тов. Любимова), в глубине ее, направо, была телефонная будка.

27 ноября вечером в этой будке телефона стоял Муралов и говорил с Рябцевым.

А в комнате за большим круглым столом сидели члены Военно-Революционного комитета и некоторые другие видные товарищи: Степанов-Скворцов, М. Н. Покровский, И. Стуков и другие.

Все за столом сидели молча, ждали, что скажет Муралов. Муралов вышел из будки. Шинель в накидку, фуражка сдвинута на затылок, лицо усталое.

— Ничего не выходит,—сказал он,—Рябцев ставит ультиматум—через 20 минут распустить Военно-Революционный комитет.

Тов. В. П. Ногин, запинаясь, спросил, никого в особенности, а всех:

— А как у нас военная сила?

Ярким электрическим светом горела комната. Темное, огромное окно, ничем не завешенное, смотрело на площадь, на памятник генерала Скобелева, скачущего на бронзовом коне с бронзовой шпагой. В осенней черноте, что была за окном, мы не видели, как этот «белый генерал» беспрерывно скакал на Совет.

В комнате было накурено, тепловато, и, несмотря на то, что было в ней десятка два с половиной людей, в этот миг в ней было так тихо, что было слышно, как капля по капле с крыши в трубу капали последние дождинки пронесшейся днем тучи. Можно было четко сосчитать капли: одна, другая, третья...

В этот миг гробовое молчание было жутким.

Дождевая капель отсчитывала секунды.

— Товарищи,—вдруг в какую-то из секунд громко не сказал, а отрезал, не отрезал, а отрубил И. И. Скворцов,—товарищи, толковать тут нечего. Тут, по-моему, надо сказать одно: всякий, кто боится смерти, да покинет сей дом.

С груди словно груда тяжелых камней сразу скатилась.

Бывают слова, от которых зависит, хоть немного, история.

Бывают слова, которые в очень конкретной форме утверждают великое «да».

Бывают слова, которые устраняют колебания, как нож фигура вскрывает фурункул, как ветер срывает парус, как молния разряжает душный предгрозовой воздух.

Ни возражений, ни комментариев не вызвали эти слова.

У меня лично блеснула сразу практическая мысль: надо пройти все комнаты Совета, осмотреть, нет ли предателей, надо снять телефоны и поставить свои, полевые, надо говорить с солдатами, потому что то, что произошло сейчас, это то самое, что мы назвали бы, если бы все тогда сознавали ясно, началом военных действий.

Только что я взялся за ручку двери, чтобы открыть ее, как кто-то с противоположной стороны распахнул ее на меня, и перед собою я увидел двух левых эсеров: Т. А. Спасского и прапорщика Манжоса. Спасский держал в руках карандаш, а Манжос—бумажку.

— Вот мы—сказал Манжос—нашли наконец примирительную резолюцию, которую хотим предложить вам. Позвольте...

— Сюда нельзя, не пустил я их в комнату.
— Примирительная резолюция...—начал опять Манжос.
— Все равно, уже началось,—перебил я его.

Манжос посмотрел на меня большими глазами, потом на Спасского; Спасский поднял высоко плечи. Долго держал их так, потом, опустив, полушопотом сказал:

— Что же теперь делать?

Манжос спрятал примирительную резолюцию в карман брюк, а Спасский что-то говорил мне вдогонку, но я ушел к винтовой лестнице, чтобы подняться в комнату президиума солдатских депутатов, где большинство были эсеры и меньшевики. В маленькой комнате сидел один только Шубников и с кем-то говорил по телефону.

Я попросил его кончить говорить и покинуть Совет.

— Да? Так? Вот оно что,—бросил он мне. Потом в телефонную трубку:—Здесь большевики приказывают мне кончать разговоры. Прощайте. Я еду в думу.—И опять мне:—Вы понимаете смысл ваших действий?

— Понимаю.

Шубников быстрым движением бросил в карман гимнастерки коробку с папиросами, что лежали у него на столе, надел фуражку. Неловким движением руки козырнул мне.

— До свиданья.
— Прощайте.

И по винтовой железной лестнице я услышал его бегущие частые, частые шаги.

Первые выстрелы

Вечер был тихий и жуткий. Жуткий именно потому, что было слишком тихо в Москве, в той самой Москве, которая привыкла шуметь, гулять. В доме Советов рабочих и солдатских депутатов раньше в это вечернее время было бы много народа, много крика и шума, а теперь все куда-то схлынуло. В нижних комнатах, где помещались Военно-Революционный комитет и его штаб, остались только товарищи, занятые определенным делом: кто работал по организации штаба, кто уставлял пулеметы, кто был на заседании Военно-Революционного комитета, где почти беспрерывно велись переговоры с Рябцевым, с Рудневым. Все чувствовали, что переходят от слов к делу, все ощущали запах пороха в воздухе. В большие окна дворца смотрела темная ночь, закрывавшая собой бронзовую фигуру генерала Скобелева, который с поднятой шпагой, с вздыбившейся лошадью застыл против дворца. Казалось, бронзовый генерал оживает, угрожая мечом. Прибежал кто-то вз'ерошенный, в кепке:

— Выстрелы, выстрелы начались. Кто-то из женщин добавил:—юнкера идут по Тверской. Выстрелы у Страстной площади. Собралась кучка людей, среди которых просунул свое широкое лицо солдат:—Что, казаки с Александровского вокзала приехали? И, как это, кто-то повторил уже утвердительно:

— Казаки едут сюда по Тверской.

Низенький робко что-то возразил:

— Да что вы чепуху говорите: не казаки, а ударники, я вчера говорил.

В деловую, молчаливую, сосредоточенную работу врезалась безалаберная шумиха: там говорили—тут ударники, в другом месте—юнкера.

Вбежал запыхавшийся солдат.

— Посылайте помощь—там стреляют.

— Где?

Известно где,—по Тверской.

Шум увеличился.

— Казаки стреляют!

— Юнкера убивают наших!

— Ударники окружают дворец!

Все эти возгласы перекатывались с угла на угол.

Все это было в двух комнатах, занятых солдатами и красногвардейцами. В маленькой же комнатке штаба было значительно спокойнее. Туда поступали одно за другим донесения от разведки, что во многих местах наши революционные войска находятся уже в соприкосновении с войсками противной стороны, но выстрелов нет никаких.

Прошло минут пять—десять, как пришло донесение, что на Красной площади произошло первое столкновение между нашим отрядом и юнкерами. Наш отряд составляли двинцы Озерковского лазарета. Прошло еще минуты три. Прибежал, весь в поту, взволнованный товарищ-двинец.

— Нас окружили... окружили у Красной площади юнкера, они стреляют в нас. Мы видели со всех сторон юнкеров. Куда что—юнкера открыли огонь, мы—по ним, и вот так пробились. Там на месте много наших осталось отбитыми.

— Где же наш отряд теперь?

— Да вот здесь, он в Совет пришел.

Пробившийся сквозь юнкеров отряд двинцев был размещен немедленно в Совете. Мигом рассеялись нелепые слухи о казаках и ударниках; все стало ясно: у врагов революции не было ни казаков, ни ударников. Стало ясно, что юнкера открыли первыми стрельбу по нас, стало ясно, что первые пролили святую революционную кровь в Москве товарищи-двинцы, которых томило в тюрьме правительство Керенского.

Облитое потом лицо двинца, его винтовка в руке с задымленным от выстрелов штыком, открытые, честные и бес-

страшные глаза истинного революционера-солдата заставили забыть бронзового генерала на коне,—его уже как будто не было на площади, он превратился в тень ночную, которую рассеяли выстрелы двинцев у Красной площади.

И слухи и страхи исчезли: началась победная борьба.

Классовые группировки

Рябцев исполнил угрозу: открыл военные действия. И в тот же момент он приказал своему помощнику, поручику Ровному (меньшевику), выстукивать по прямому проводу приказания о том, чтобы части, расположенные под Москвой и даже на фронте, пришли на помощь правительству Керенского и его агентам в Москве.

Ровный старательно вызывал на помощь погибающей власти вооруженную силу. Эта сила в серых шинелях, стуча по асфальтам вокзалов сапогами, прикладами винтовок, гремя пулеметами, приходила в Москву и искала своих, спрашивала у всякого, кого встречала на своем пути:

— Где солдаты?

И отвечали ей:

— Солдаты? Они все там, у Московского Совета. Шагай туда!

Офицеры, приведшие эти части, убеждали солдат итти к думе, к Рябцеву. Солдаты спрашивали:

— А там солдаты есть?

— Солдаты? Вот вы и будете там. Пока там только одни офицеры.

Солдаты не раздумывали, уходили к Московскому Совету. А офицеры, покидая свои непослушные части, шли к думе, к Рябцеву, Рудневу, Ровному, Шубникову. Офицеры приходили туда, щелкали шпорами, брали под козырек и рапортовали о том, как их полки ушли от них в стан большевиков. Рябцев поручил Ровному принимать эти печальные рапорты. Ровный перепоручил это одному из ад'ютантов Рябцева. На второй день ад'ютант Рябцева на глазах у всех тут же, в думе, приставил свой наган к виску, выстрелил и убил себя.

Рябцев дал распоряжение Ровному прекратить вызов солдат с фронта и из-под Москвы.

А потом Рябцев справился об артиллерии. Опять шаркали офицеры сапогами, гремели шпорами, рапортовали. Оказывалось, по их рапортам, что пушка одна на Арбатской площади.

— А остальные?—спросил Рябцев.

— Остальные у большевиков.

— Как? Вся Ходынка там?

— Вся Ходынка.

Офицеры стройно поворачивались и уходили, поручая командовать юнкерам.

Рябцев вспомнил, что есть батарея из орудий на Воробьевых горах.

— Она наша?—спросил он своих разведчиков.

— Не установлено,—был ответ.

Полковник Осеньянц, который взяв Кремль, был назначен его комендантом, однажды ночью донес, что большевики открыли артиллерийский огонь по «святыням Кремля» со стороны Воробьевых гор.

У Рябцева рухнули все надежды на артиллерию.

Оставались Арбатские ворота.

Но и там не клеилось: утром после донесения Осеньянца приезжал с Арбата ординарец и донес, что кто-то попортил замок у орудия. У единственного орудия, которое было у юнкеров, у орудия, которое сожгло два дома у Никитских ворот и в одном доме наш отряд человек в 60.

Дело белых разваливалось.

Московский Совет и солдаты Октября

По численности той массы солдат и рабочих, которая подошла к Моссовету, и по революционному энтузиазму, которым до краев были переполнены сердца солдат и рабочих, пришедших победить или умереть, можно думать, что если бы мы. т.-е. наша партия, не прокламировали восстания, то оно вспыхнуло бы само, как пламя на сухой соломе.

Поэтому руководить было тяжело: слишком большая масса повисла на нашей ответственности. Так как масса стихийно, а не только по нашим вызовам устремилась к Совету, то скоро ее набралось такое множество, что мы почувствовали опасность быть взятыми живьем со всей этой солдатской массой, обсевшей муравейником все лесенки, приступочки и подоконники Моссовета.

Поэтому, приблизительно на третий или четвертый день восстания мы, т.-е. Военно-Революционный комитет [1]), стали было думать о перенесении центра восстания, а следовательно и центра солдатской массы, из узких улочек, собравшихся около ныне Советской площади, в более просторные части Москвы. Однако, мы не хотели и не могли предпринять ни одного шага без одобрения самой массы. В эти минуты для нас более, чем когда-либо, была действительной римская поговорка: Vox populi—vox Dei (глас народа—глас божий). И никогда, как именно в такие моменты, не существовало более простого способа узнать этот глас народа.

Муралов и я, мы направились, протискиваясь сквозь толпы солдат, в Белый зал. Ныне чистый и несколько торже-

---

1) Состав его: Муралов, Розенгольц, Яковлев, Смидович, Ногин, Усиевич и Аросев.

ственный, тогда он представлял собой походную казарму. В левом углу его стоял пулемет и смотрел прямо в выход Столешникова переулка. Солдаты стояли в нем вплотную. Галдеж был такой, что я не слышал, что говорил мне Муралов, пробираясь в передний угол зала. Я только следил за его головой в фуражке, которая выше всех солдатских голов, казалось, плыла над ними, как по волнам, изредка оборачиваясь в мою сторону. По его проторенному следу шел и я. Дойдя до стола, Муралов оперся обеими руками о стол, который был весь завален консервными об'едками, пустыми банками, деревянными ложками, кусками недоеденного черного хлеба. Муралов стал об'яснять солдатам намерения Военно-Революционного комитета. Я со своей стороны дополнил тов. Муралова.

Солдаты, выслушав нас тихо и спокойно до конца, вдруг загудели, замахали руками, головами. Во время споров по поводу вновь предполагаемой «дислокации войск» меня схватил за рукав «двинец» Грачев. Он тяжело дышал и дожевывал кусок мясных консервов. В руке был огрызок хлеба.

— Погоди, товарищ, погоди,—говорил он.—Наши ребята не согласны.

— Чего? С чем не согласны?

— Перемещение там какое-то... на Сухаревку, или куда...

— Да с чего вы взяли?

— Одним словом, — продолжал Грачев, не желая мне отвечать,—одним словом, мы из Совета никуда не уйдем. Да и другие части тоже. Что там на Сухаревке? Сухаревка — больше ничего, а здесь Совет. Мы, аккурат, Совет и защищаем. Ты так и передай.

И Грачев опять потонул в океане солдатских фигур.

Доводы наших противников не блистали богатством аргументации и разнообразием. Зато они блистали тем, чем едва ли блистали наши доводы: стихийной уверенностью в правильности всего того, что совершается нами сейчас, и готовностью, если надо погибнуть и умереть, то непременно в стенах или у стен Московского Совета.

— В Совет пришли. За Советы боремся, в Совете помрем, если надо,—вот доводы солдат, которые выговаривались ими на разные лады. Наши доводы от военной техники, от военного, хотя и небольшого, опыта их не трогали. Решение солдат было твердое: не уйдем из Моссовета, пока либо ни одного из нас не останется в живых, либо не победим.

Те минуты были таковы, что резолюции не выносились: но уж ежели принято решение народом, то нельзя было итти сначала в какие-то инстанции за одобрением этого решения.

Солдаты требовали от нас тут же сказать наше решение, берет ли Военно-Революционный комитет назад свое предло-

жение. Мы не могли возвращаться в Военно-Революционный комитет, мы тут же заявили товарищам солдатам, что решения Военно-Революционного комитета не могут быть иными, чем решения самой восставшей массы.

Под гром торжествующих аплодисментов мы покинули Белый зал и, опять пробиваясь сквозь солдатские «толщи», направились в комнату Военно-Революционного комитета.

Розенгольц сидел, развалясь на диване. В. М. Смирнов— у стола в кресле, нога на ногу, В. Н. Яковлева стояла у шкафа. Мы доложили о настроениях солдат, кто-то посмеялся над предположениями, которые чуть было не овладели умами Военно-Революционного комитета. Кто-то отметил глубоко революционное настроение масс. Все ободрились, всем стало лучше.

То огромное, сильное, серое, восторженное, что наполняло все помещения Совета, как кровь наполняет сосуды—жилы здорового человека, почувствовалось нами, как наша собственная сила, как наша собственная кровь, готовая либо пролиться у подножья Московского Совета, либо победить. Мы, каждый из нас, ощутили в себе силу взрыва вдесятеро больше прежнего. Сомнения растаяли, как туман от солнца. А военно-технические соображения показались нам маленькими, подчиненными, слугами того огромного сильного, серого, вооруженного, которое было воодушевлено одним—победить, которое пришло сюда именно за этим, которое наполнило собой Московский Совет, как кровь наполняет жилы, и дало ему крепость и жизнь на многие времена.

Солдаты и командиры

Ночь. Московские улицы без фонарей похожи были на темные коридоры лабиринта.

Я видел, как рядом со мной светился огонек папироски моего товарища соседа, с которым мы, забившись по углам, сидели в открытом автомобиле. Машина вздрагивала и щупала одним своим огненным глазом московские мостовые, другой ее глаз—фонарь—смотрел вперед потухшим стеклом, как бельмом.

Машина вздрагивала, щупала улицы, пыхтела и не могла разбудить ни единой души из тех, кто спал в домах, вьющихся по обеим сторонам улицы, как берега реки. Мне вспомнились римские катакомбы, где по бокам темных подземных коридоров расположены по полкам скелеты. Вот и московские обыватели... Впрочем, завтра мы разбудим их. Завтра разбудим их, а сегодня—солдат, сегодня вызовем огромную силу.

Мой сосед молчал и беспрерывно курил... Мы миновали Разгуляй.

— А чего мы будем говорить с солдатами?

— Не знаю; что скажется.

Машина два раза фыркнула и остановилась у казарм на Немецкой улице.

Часовой солдат в длиннополой шубе спал, привалившись к закрытым воротам.

— Товарищ, открой ворота... Слышь, что ли?

Часовой проснулся, долго искал винтовку, вспомнил, что она в караульной будке, взял ее.

— А вам чего?—подошел он к нам, держа негнущимися руками винтовку.

— Мы от Военно-Революционного комитета,—сказал я.

Часовой промычал что-то непонятное.

— Так вот, мы должны говорить с товарищами солдатами.

— А вы кто?—опять спросил часовой.

— Большевики, понимаешь?

Часовой молча отошел от нас и, не говоря ни слова, стал, гремя ключами и замком, отпирать ворота.

Мы в'ехали во двор казармы. Часовой подскочил к нам на ступеньку автомобиля. Потом тот же часовой, не торопясь, пошел закрывать ворота.

— Товарищ, а нам надо бы с полковым комитетом поговорить.

— Погодите,—сказал часовой.

— Не арестует ли он нас?—шепнул мне товарищ.

— Все может быть,—ответил я.

Мы постояли на темном дворе, пока часовой возился с воротами. Потом он опять, не говоря ни слова, повел нас в казарму. Мы прошли несколько огромных сводчатых комнат, где на нарах тесно спали солдаты. Один какой-то в дальнем углу бредил, выкрикивая какие-то слова команды. Эти огромные комнаты со спящими людьми ненадолго навеяли какой-то пессимизм: вдруг почему-то показалось, что мы страшно опоздали или что мы пришли не по адресу, пришли к людям, которые могут сказать, что они собраны в казарме с тем, чтобы пролить кровь там, на фронте, а не здесь, в глубоком тылу.

Такие именно идеи внушали солдатам эсеры.

Часовой подошел к двум молодым спящим солдатам.

— Эй, товарищ, вставай: тут от большевиков пришли.

— С комитету?—вдруг рванулся молодой солдат, вскочил и сел на нары.

Мы об'яснили двум молодым солдатам, кто мы такие, и тотчас же отправились с ними в маленькую белую комнату, в которой был непомерно резкий свет от большой лампы, привинченной к потолку. Молодой солдат—безусый белый парень—сел за стол, обмакнул неумело перо в чернильницу и спросил наши фамилии.

Мы возмутились:

— Товарищ, какие тут записи? Будите товарищей солдат—и к Московскому Совету.

Другой молодой солдат—широколицый, низенького роста—сразу нас понял.

— С боевыми патронами?—спросил он. И, получив от нас краткий ответ, он, не говоря первому ни слова поддергивая на ходу незастегнутые штаны, побежал по солдатским дортуарам, крича:

— Товарищи, вставайте на защиту Совета. Товарищи! Эй, Семенов, чего еще...

Голос его, удаляясь, стал тонуть в неопределенном гуле голосов пробуждающихся солдат. Часовой пошел на свое место; тот, который хотел было записать наши фамилии, сидел с растерянным видом, протирал глаза и пытался, должно быть, точнее себе уяснить, сон это или не сон.

— Вы эсер?—спросил я его.

— Я к левому течению...

Мы не дослушали и перестали интересоваться тем, что он скажет, так как в комнату вдруг хлынул поток солдат, заспанных, полуодетых, босых. Они толкались, почесывались. Заполнили всю комнату, весь коридор перед ней, и дальше там в сводчатых низких дортуарах виднелись все прибывающие головы, плечи, руки.

Едва я начал произносить речь, призывая солдат выйти сегодня на заре к Московскому Совету для борьбы с теми, кто пытался в Москве защищать правительство, свергнутое в Петербурге, как заметил, что мой приятель нырнул куда-то в солдатскую толпу и исчез в ней. В то же время я оглянулся и заметил, что стоявший сзади меня молодой солдат, хотевший было нас записывать, тоже куда-то пропал. К столу подошел высокий солдат в серой папахе. Он был уже с винтовкой в руках. Дослушав мою речь, он, потрясая в воздухе винтовкой, заговорил сам.

Лицом говоривший солдат походил на Ивана Грозного. Глаза его горели вдохновением и призывом.

— Товарищи, идемте,—говорил он,—но офицеров с собой не берите: они предадут.

Я слышал, как где-то сзади загремели затворы винтовок, и кто-то хриплым, заспанным голосом крикнул:

— Довольно, товарищи, довольно! Мы тебя, Егоров, слышали, знаем, довольно разоряться,—выступать, вот и все!

— Выступать!—загремели голоса.—Отсчитывайся!

Выходили во двор. И все сразу двинулись опять обратно к своим нарам, чтобы одеться, чтобы будить других. Слышалось:

— Выходи... С боевыми патронами... Вставай...

Вместе с одевшимися уже солдатами я пошел во двор.

В самой выходной двери я носом к носу столкнулся с моим приятелем, который—весь взволнованный—держал за руку того молодого, который нас хотел записывать.

Оказалось, что этот молодой эсер отправился сломать замок помещения, где хранились боевые патроны.

Мой товарищ, взявший его на подозрение с самого начала, заметил, что тот куда-то пошел. Тогда мой товарищ последовал за ним.

Между тем во дворе выстраивались, отсчитывались и перекликались солдаты. Как-то естественно, само собой командование над ними попало в руки того высокого в серой папахе, который предостерегал не брать офицеров; слышно было, как в темном дворе он кричал:

— Чего?.. Замок сломан? Ломай двери, так!

Это, видимо, про склад с боевыми припасами.

Эсер, сломавший замок от склада, стоял окруженный солдатами и доказывал:

— Товарищи, я не против вас, но только я против крови. Понимаете? Неужто без патрон вы не можете выйти? Имейте в виду, что они сами иногда стреляют. Сами. Это надо предусмотреть. Товарищи! Социалист против социалиста не может выходить с боевыми патронами.

— А Керенский расстреливал,—возразил кто-то.

— Довольно, шабаш!—кричали солдаты,—все до одного на улицу!

Эсера покинули на дворе. Он бросился опять в комнату полкового комитета. Когда я выезжал из ворот, то по Немецкой улице уже обгонял серые отряды вооруженных солдат, шедших своей обычной пехотной тяжелой поступью, стройно, тихо, с боевыми патронами, с винтовками на плечах, с небольшим обозом пулеметов к Московскому Совету.

Их новый командир—высокий солдат с лицом Ивана Грозного—сел с нами в машину и, припав к моему уху, спросил:

— А другие части как?

— Мы были уже в 193 полку, в Спасских казармах, на Ходынке, у артиллеристов,—всюду выступают.

Помолчали.

Проезжая мимо Красных Ворот, мы видели, как за нами на небе зарделась узкая полоска утренней зари. Москва была еще тише. Контуры домов выступали яснее.

Я оглянулся назад.

Вдали из поворота улицы, прямо навстречу зародившемуся утру, мерно выступала серая солдатская масса.

Их новый командир—высокий солдат—опять припал к моему уху.

— А в Петербурге Ленин дал распоряжение о земле?

— Да. Мы только должны его подтвердить здесь нашим делом.

На Лубянской площади стоит какой-то убогий бывший фонтан, должно быть. На фонтане, на тумбочках тротуаров, у стены, у ворот Китай-города сидели солдаты. Мы остановились, спросили:

— Идем вот,—сказали солдаты.—А команды у нас нет; идем к Совету, да кто-то сказал, что здесь надо ждать, вот и ждем чего-то.

Мы дали им инструкцию итти к Совету и не слушать никаких других предложений.

— Без командиров плохо,—говорил высокий солдат.

Московский Совет, когда мы приехали, представлял собой буквально солдатский муравейник.

А командиров нигде не было.

Вечером следующего дня, когда в воздухе уже совсем пахло порохом, мы—Военно-Революционный комитет—почувствовали конкретно, что такое командиры, и какое они значение могут иметь в военных действиях.

Но где же их найти? Большевиков-прапорщиков почти не было. Солдат, могущих командовать большими соединениями, тоже немного. Они сами собой выдвигались тут же, на непосредственном действии.

В этот вечер, спускаясь по лестнице Московского Совета, я догнал одного прапорщика, который числился большевиком.

— Вы куда?—сказал я,—ведь через несколько минут начнется восстание.

— Да?—прапорщик посмотрел на меня добрыми, симпатичными глазами.—Вот я и иду облачиться по-фронтовому, взять оружие... Я живу недалеко...

Бои начались через 20 минут после моего разговора с прапорщиком.

Бои начались и шли весь следующий день и еще следующие. От нашего штаба поехал один товарищ за прапорщиком, который пошел «одеться по-фронтовому».

Товарищ был у него на квартире и сообщил:

— Окна забиты досками. В квартире темно. Мне сказали, что прапорщика нет.

И на следующий день тот же ответ.

Всего шесть или семь прапорщиков было на нашей стороне,—все они, за исключением пишущего эти строки, были либо левые эсеры, либо беспартийные, отдавшиеся целиком в распоряжение Военно-Революционного комитета и с честью выполнявшие поручения, данные им.

* *
*

Прибежали товарищи солдаты самокатного батальона, находившегося на Лубянской площади, пробрались в улицы

Китай-города ночью, а на рассвете юнкера с крыш домов открыли по ним пулеметный и ружейный огонь. Солдаты жались по стенам, отступая, оставляя убитых, волоча раненых. Многих раненых принесли в Моссовет.

— Товарищи,—говорили нам оставшиеся в живых самокатчики—дайте нам командиров, мы же терпим из-за отсутствия команды на позиции.

Кого же, кого же пошлешь командовать?

Какой-то унтер-офицер, доставая перочинным ножом из банки консервы, слышал, как говорил мне самокатчик об их поражении в Китай-городе. Обтерев о шинель ножик, унтер-офицер сказал мне:

— Дайте мне приказ, я пойду командовать.

— Там батальон,—ответил я.

— И батальоном могу,—возразил унтер-офицер, дожевывая кусок холодного мяса.

Приказ был немедленно отщелкан на машинке тов. Самсоновым, и унтер-офицер в качестве командира батальона отправился на место боя.

Вечером того же дня мы с тов. Мураловым обошли все помещение Моссовета, двор, надворные постройки,—везде солдаты, солдаты, плотными толпами и кучами. Я вышел на Скобелевскую (ныне Советскую) площадь. Какой-то отряд без командира отсчитывался, выстраиваясь.

— Первый, второй, первый, второй...

Потом солдат, стоявший впереди, крикнул:

— Налево-о! Правое плечо вперед, шаг-о-ом-арш!

И отряд двинулся в Брюсовский переулок.

Я подошел к тому, кто командовал и шел в первом ряду. Это был рябоватый, почти безусый мужичок, обладавший звонким голосом.

— Куда это вы?—спросил я его.

— В Брюсовский, там, слышь, кадеты [1]) наших жмут.

— Откуда вы знаете, и кто вам приказал туда отправиться?

— Кабы не знали, то не шли бы: нам наши же ребята сказали. А приказывать кто же будет? Офицеры-то нашего полка, слышь, на той стороне, у кадетов.

Я записал фамилию солдата, и он потом командовал всем Брюсовским участком.

А на другой день рано утром перед моим столом стоял в золотых погонах, аккуратно одетый, молодой с пробивающимися черненькими усиками прапорщик и говорил:

— Я прошу вас, дайте мне боевое назначение.

— Вы большевик?

---

[1]) Солдаты всех своих врагов: юнкеров, офицеров, добровольцев, студентов и прочих защитников старого порядка—называли „кадетами".

— Да.
— Вы из какого полка?
— Я пришел сюда вместе со всем нашим полком из Подольска. Я—единственный офицер, оставшийся с солдатами. Вот я и они в вашем распоряжении.
— А как жалко, что вы раньше не пришли. Тут у самокатного батальона в Китай-городе неважное дело. Нам пришлось послать туда неизвестного нам унтер-офицера.
— Мне все равно: могу и туда.
— Теперь уж неудобно менять. Хотите к Никитским воротам? Там наши позиции в двух домах [1]). Там все время юнкера ведут сильный обстрел и сегодня ночью пробовали подойти и атаковать.
— Хорошо, пожалуйста, туда. Я еще возьму из своего полка кое-кого. Вот... товарищ,—прапорщик приоткрыл дверь из штаба и подозвал солдата, который там стоял,—я буду его посылать сообщать вам о ходе дела.
— А ваша фамилия, товарищ?—спросил я прапорщика.
— Прапорщик Реутов,—ответил он.
Тов. Самсонов опять отбарабанил на машинке приказ, и прапорщик Реутов, получив его, крепко пожал мне руку и, глядя бодро вперед, ушел домой хорошей, военной походкой.
Едва он ушел, как опять вбежал тот же самокатчик и, почти крича, набросился на меня.
— Товарищ, наш командир пропал!
— Как? Куда?
— А чорт его знает. Только юнкера теснят нас на Лубянке, еле-еле держимся. Пошлите кого-нибудь.
— Эх, Реутов-то уже ушел.
Я—к полевому телефону. Звоню отряду красногвардейцев и солдат, что действовали в Городском районе, спускаясь от Сухаревки к Лубянке с намерением выйти к Красной площади через Китай-город.
Говорю с Бобинским и прапорщиком Ершовым,—они были во главе этого отряда.
— Где вы?—спрашиваю.
— Около Лубянки. Успешно продвигаемся...
— Соединяйтесь с самокатчиками и берите их под свое командование.
К самокатчикам я отправился сам. У них, действительно, происходила жаркая перестрелка с юнкерами. Общего командования не было. Группами отдельными командовали, кто хотел. Перебегая от кучки к кучке, я сообщил

---

[1]) Это те, что потом были сожжены юнкерами. Один теперь, кажется, уже восстановлен, а вместо другого—памятник Тимирязеву.

самокатчикам о необходимости пройти от Лубянки и слиться с отрядом Бобинского и Ершова.

Вечером этого же дня мы с тов. Мураловым опять пошли в обход по Моссовету, чтобы побеседовать с солдатами. Вдруг, в одном из коридоров я заметил знакомое лицо унтер-офицера. Он сидел на полу и переменял портянки.

— Товарищ,—обратился я к нему,—вы почему же здесь, а не на позиции, с самокатчиками?

Вопрос для него был также неожиданным: унтер-офицер не видел меня, я подошел к нему сзади,—как камень, упавший с потолка.

Унтер-офицер вскочил с распустившейся портянкой на одной ноге и пробормотал:

— Там стреляют...

Я не успел понять его, как солдаты, теснившиеся кругом, ответили дружным гогочущим смехом.

И тут же без злобы, с веселым презрением арестовали злосчастного унтер-офицера, посадив в номера «Дрезден» [1]).

Возвратившись после обхода в нашу маленькую комнатку штаба, я застал там солдата, который должен был быть связью между нами, штабом и прапорщиком Реутовым. Солдат был обрызган грязью и, снявши серую папаху, вытирал пот, обильно струившийся со лба.

— Прапорщик Реутов убит,—сказал мне посланец.

Тов. Реутов командовал, переходил из одного дома в другой, где сидели наши солдаты. Из одного дома мы вылазку делали против кадетов два раза. И все ничего. А вот недавно вошел в дом, где засел наш отряд,—это на третьем этаже. Шальная пуля его и шандарахни. Прямо тут безо всяких свалился. Солдаты плакать готовы, особенно нашего полка.

По лицу рассказывавшего все текло что-то вниз, к подбородку: и грязь, и пот, и, может быть, слезы.

Труп тов. Реутова солдаты бережно вынесли из полосы огня.

У Никитских ворот (товарищ прапорщик Реутов)

Мало кто знал тов. Реутова, но он был членом нашей партии. Нигде, никогда тов. Реутов не выступал с речами. Так было, вероятно, не только потому, что тов. Реутов был молодым в рядах нашей революционной социал-демократии, но и потому, что он был страшно нерешителен и застенчив. Детское лицо, застенчивая улыбка, простые черные глаза— вот внешний облик убитого товарища. Тов. Реутов был юнке-

---

[1]) Ныне дом Союзов (на Советской площади), а тогда почти весь занят был пленными и арестованными.

ром Александровского училища, которое он окончил незадолго до Октябрьской революции, и был произведен в прапорщики, что очень стесняло тов. Реутова; видимо, он страшно конфузился носить на плечах золотые погоны. В ночь под 26 октября тов. Реутов пришел в Совет рабочих депутатов. Там тогда формировался новый штаб. Офицеров у нас тогда было очень мало, и я, увидев Реутова, страшно обрадовался.

— Какого вы полка?—спросил я его.

— Сто девяносто пятого, он недалеко от Москвы. Я пришел вот узнать, надо ли его. Если надо, я выведу.

В момент было написано для тов. Реутова предписание; он ушел. Рано утром 26-го, когда еще не рассвело, в штаб пришел опять тов. Реутов и сообщил, что его солдаты стоят уже на площади перед Советом. Когда работа закипела уже во-всю, и понятно, что рассуждать было некогда, я предложил тов. Реутову большую боевую задачу, в действиях против Кремля. Реутов смутился, покраснел.

— Что вы, что вы, какой же я строевой офицер. Я ведь командовать как следует не умею.

— Тогда оставайтесь здесь при штабе, здесь работники нужны позарез.

Тов. Реутов сконфузился еще больше и, наклонившись ко мне своим покрасневшим, смущенным лицом, попросил меня:

— Нет, вы мне дайте боевую задачу, но только более скромную, поменьше, но все-таки боевую.

— Великолепно.

И через минуту тов. Реутов получил предписание отправиться в небольшой отряд к Никитским воротам. Никитские ворота были самым опасным, самым боевым местом. Там у нас были большие потери, там юнкера особенно сильно и настойчиво пробивались к Страстной площади, там они подожгли дома. К вечеру того же дня в штаб поступило донесение, что тов. Реутов убит. Тогда это известие пролетело как будто мимо моих ушей, не то потому, что уже заглушалось громом орудий, не то потому, что вообще, обычно, бой скашивает жизни. Трещали пулеметы, раскатывались залпы ружей. Временами—рявкание орудий.

Пришло донесение, что у Никитских ворот горят два дома.

Без сна, в притуплении, казалось, всех человеческих чувств прошло еще несколько дней.

Победа была за нами... Утром ехали в штаб на автомобиле тт. Коган, Янушевский и я. Проезжали у Никитских ворот мимо дома, который смотрел на нас черными, прогорелыми дырами. Кто-то из нас сказал:

— Много здесь наших погибло. Тут убит прапорщик Реутов.

— Да, да, и я здесь был недолго,—сказал тов. Коган.— Бедняга этот тов. Реутов, он был совершенным младенцем

в военном деле. Ты понимаешь, прихожу я к нему, он никак не может разрядить наган: «барабанчик—говорит—никак не вертится, не поможете ли»? Я взял в руки револьвер и вижу, что барабанчик не вертелся потому, что курок был взведен. Вот, понимаешь, какое это дитя, даже разрядить наган не мог.

Разговор наш оборвался, образ, почти детский образ тов. Реутова встал перед моими глазами, как живой.

Мало кто знал тов. Реутова. Пусть же теперь, когда утихла буря битв,—пусть теперь товарищи знают, что в среде их, в среде нас был тов. Реутов, который, несмотря ни на что, несмотря на свое плохое знание военного дела, все-таки хотел биться и положить жизнь свою за дело рабочих и крестьян. Пусть же действительно теперь их имена «с нашей песней победной будут священны миллионам людей».

Керенский не виноват

Мы сидели в штабе в величайшем напряжении усталых голов и измученных нервов. В больших окнах, смотревших в Чернышевский переулок, загадочно-злодейски вставилась в четырехугольные рамки стекол холодная осенняя ночь. В нашей комнате штаба на одном столе стояли жестяные бачки с недоеденными кашей и щами; на другом столе—бумаги: приказы и донесения; на третьем—пишущие машинки, на которых несколькими товарищами быстро отхлопывались последние распоряжения.

Я, тов. Владимирский и целый ряд других товарищей—членов штаба—сидели за отдельным столом. Все в фуражках, с нахмуренным видом внимательно рассматривали карту Москвы.

Нашими войсками юнкера были оттеснены далеко. Поэтому выстрелы как будто заглохли. В соседней комнате справа слышался шорох солдатских сапог, а в комнате слева—тихий разговор членов Военно-Революционного комитета, и вообще кругом была зловещая тишина.

Вдруг за дверью направо—дикий крик, и в тот же момент дверь штаба отворилась, и к нам влетел, удерживаемый двумя солдатами и рвущийся вперед, в истерике, прилично одетый молодой человек.

— Керенский не виноват, Керенский не виноват,—вопил он высоким тенором с нерусским акцентом.

— Пустите, посадите его,—уговаривали солдаты.

Усевшись, молодой человек заговорил быстро по-французски, пересыпая свою французскую речь лишь одной русской фразой:

— Керенский не виноват. Керенский не виноват.

Безумный человек, с дико бегающими глазами, с птичьим носом, с брызжущей пеной около губ производил тяжелое, давящее впечатление.

Мы подали друг другу знаки не разговаривать с этим безумцем.

Истерик был румын и рассказывал о том, как вся Румыния залита кровью, как плачут женщины румынские, как жаждет он и все румыны испить крови аспидов-немцев в час мстительного наслаждения. Понемногу ужасный припадок говорящего начинал проходить. Безумец в изнеможении затихал.

Обессиленного, солдаты увели его.

Мы долго не могли оправиться от гнетущего впечатления, которое оставил безумный человек, оказавшийся служащим в румынском посольстве.

Но прошло немного времени, и работа закипела по-старому.

Закончились бои. Победа была наша. Мы стали у власти. Наш штаб уже помещался на Пречистенке. Прошло еще недели две или три, и вот однажды входит в мой кабинет (в штабе) высокий, согнутый старый-престарый старик. Такой худой, что, кажется, только тонкая кожица облегает его тонкие старческие кости. Глаза глубоко ввалились, вместо щек—ямы, вместо губ—челюстные кости, выдающиеся вперед. Вид скелета в полушубке.

Как все крестьяне, старик раскланивается.

— Я до вашей милости.

— В чем дело? Садитесь.

Слушаю:

— Моего сына здесь убило, когда юнкера стреляли. А сын у меня был единственный. С начала войны на позициях сидел. В отнуску ни разу не был. Только вот по весне, когда слобода сделалась, мы все старики на деревне решили: ну, капут войне, теперь сынков наших увидим. Теперь работников опять на селе будет. Ан, день ото дня ждем-пождем, все война, все война. Тилиграмки эти кто грамотный читает, говорит: долго еще повоюем. Как скажет это, так сердце западет. Как будем жить?

А тут уже смотрю, мало время прошло, и сына моего в тюрьму посадили в Двинске: он, слышь, отказался наступлению делать, и не один, их много, слышь, попало в тюрьму. Из Двинска-то их перевели сюда в Москву, в Бутырскую тюрьму. А как пошла здесь в Москве опять революция, их, слышь, всех ослободили. И вот тут в бою с юнкерами моего-то и убило. Так жалко, не то што—прямо до слез.

Старик, видимо, хотел заплакать, но из его впалых глаз выскользнули только две слезы и застыли на морщинистом лице. Казалось, от общей костлявости и сухости старика он не мог больше выдавить слез.

— К чему это,—продолжал он,—ту прежнюю-то слободу отняли? Ведь хорошо, бескровно достали. Отняли ту слободу, а вот опять же пришлось, видно, нам самим ее брать. Это я все понимаю. И вот хотел бы просить у тебя, соколик, способствие моей семье, мы без кормильца остались.

Как мог, я утешил старика и словами и «способствием». Но когда он мне рассказывал своим дряблым голосом, с перекашливанием, о сыне-двинце, убитом за пролетарско-крестьянскую революцию, направленную против войны, то мне параллельно со стариком рисовался образ истерического молодого румына, кричавшего: «Керенский не виноват». И я думал—кто из них прав: безумный мстительный румын или подавленный горем старик-крестьянин, оставшийся без кормильца?

Победа

Не без колебаний победили.

Всякая война сопровождается дипломатией.

Кроме того, славяне еще в прежнее время говорили: «Где сила не берет, там полукавить надо». Господа, сидевшие в городской думе, и начали «лукавить». Предложили перемирие на сутки с очевидной целью, во-первых, сообразить, почему превосходные генералы не могли в течение 5 минут раздавить какой-то там Военно-Революционный комитет; во-вторых, почему социалистическая «опора» генералов в лице эсеров и меньшевиков оказалась такого сорта, что ни одного солдата не привлекла на свою сторону, даже казаки и те отказались выступать и соблюдали нейтралитет; в-третьих—просто выждать, не придут ли на подмогу хотя какие-нибудь взводы из тех многочисленных дивизий, которые вызваны были по всем направлениям германского фронта. А мы поддались лукавству. Колебнулись. Подписали перемирие.

Отдали приказ прекратить огонь.

Демидов ревел из тяжело-осадных в Лефортове.

От Каменного моста наши замоскворецкие товарищи, не переставая, бросали снаряды в Кремль из 3 орудий. На Кудринской площади—тоже. У Никитских ворот—то затишье, то частый ружейный огонь...

Послали Савву-Степняка вместе с «викжельцами» (суб'екты из породы «миротворцев») уговаривать солдат и юнкеров.

Что-то скажет Савва-Степняк?

Впрочем, не долго пришлось ждать. Вернулся Савва... с перевязанной головой.

Оказывается, юнкера у Никитских ворот викжельцев приняли, а в Савву стали стрелять. Наши его отбили. И частый огонь, прерываемый временами, благополучно продолжал доказывать, что перемирия не существует.

Ко мне вошла Варвара Николаевна Яковлева.

— Товарищи, долго ли будет продолжаться нарушение перемирия? Это на вашей ответственности. Неужели вы не можете сказать, чтобы хоть из пушек не стреляли?

— Невозможно.

— Неужели и к вечеру не перестанут?

И к вечеру, и к следующему утру было одно и то же.

На другой день, часов в 12 дня, ко мне вбежал один из двинцев, радостный, ликующий.

— Об'явил нашим ребятам, что сегодня перемирие кончилось... На всех наших позициях оживление.

Словно плотину прорвало.

Поручик Чижов на Театральной площади «очищал» «Метрополь». Юнкера, как мыши во время наводнения, бросались из окон. Разбивались.

Грачев стремительным ударом в течение одного часа очистил думу от генералов, дипломатов, эсеров, меньшевиков и вообще всех умных и образованных политиков. Атаковал Спасские ворота.

Солдаты 193 полка штурмом открыли Троицкие ворота.

Вся московская керенщина клубком свернулась в Александровском училище.

Мы победили, но это было так неожиданно и неясно от неожиданности, что мы подписали мир с Комитетом спасения родины и революции, который не имел ни территории, ни солдат, ни штаба, ни куска свинца...

Муралов и несколько товарищей в'ехали в Александровское училище.

— А где Рябцев?—спросили мы.

— Его нет.

— Ну, двинем назад,—рявкнул Муралов.

И тут же в дверях повернул к выходу.

А во всех коридорах училища жужжали обезоруженные юнкера.

— Может, у них еще осталось оружие. Может, и Рябцев тут. Арестовать бы его,—шепнул кто-то Муралову.

— А ну его, не важно, не в нем дело. Поедем в штаб.

И приехали в штаб, где были только крысы и пыль.

Тут же, на каком-то круглом столе, написали карандашом на клочке бумаги приказ, что все бывшие члены штаба должны с такого-то числа стать на работу, иначе считаются выбывшими.

Через три дня после этого приказа в штаб пришел только один полковник Кавтарадзе.

Он заявил, что соблюдал полный нейтралитет.

В нем было действительно что-то похожее на ходячую совершенно нейтральную мумию египетских царей.

*

И. Страхов

В КРЕМЛЕ

Я работал в артиллерийском снаряжательном заводе Н. А. Второва. Во время февральских и мартовских дней был членом заводского комитета. Рабочих на заводе было более 4.000 человек. Оттуда я был выбран депутатом в Хамовнический совет рабочих депутатов, где продолжал работать до Октябрьских дней. Работал также в районной думе, откуда был послан в городскую управу (в центр), как представитель от Хамовнического совета рабочих депутатов. Когда настал момент организации Красной гвардии, я стал организовывать при клубе для рабочих завода Второва (у Калужской заставы, в доме Кусева) Красную гвардию. Помню, на первом собрании записалось сразу 137 человек, а дальше при совете РД Хамовнического района образовалась организационная группа Красной гвардии, в которую входили Рещиков, Лепицкий и я (Страхов). У нас было несколько собраний, на одном из которых, при клубе завода Второва, и был выработан план организации Красной гвардии. Мною была заказана печать граверу завода Второва с наименованием «Красная Гвардия Хамовнического района»—первая печать Красной гвардии в Москве. Я об'ехал все 13 районов, и нигде еще печати не было. После этого, по моему предложению, был поставлен вопрос в центре о скорейшем созыве общерайонного совещания по поводу организации Красной гвардии; в нашем районе это дело немного тормозилось со стороны председателя совета РД, меньшевика Николаева, но, несмотря на это, нам удалось его собрать. После совещания пошла всюду усиленная организация,—в нашем районе уже была создана рота из 12 десятков 1 роты завода Второва, которая и называлась «второвцами». Фамилии товарищей, которые были старшими в десятках, комроты, помню, следующие: тов. Квитковский, помощник командира роты, А. Закржевский, взводные—Халеев, Николо Серб, И. Иванов-Бобренко; контр-разведка—Олейников, связь—Алексей Иванов, пулеметная команда—Борисов. Рабочие продолжали записываться с каким-то громадным энтузиазмом и при

встрече со мной обступали меня и требовали вооружения, задавая вопросы: «Скоро ли? Когда дадите нам, тов. Страхов, винтовки?»

Первое выступление Красной гвардии было, кажется, 17 июля, когда я пошел с пятью красногвардейцами в 1-й и во 2-й участки Хамовнического района и разоружил их. Там нами было взято четыре винтовки и четырнадцать патронов. Это было первое оружие у нас в штабе Красной гвардии при совете РД Хамовнического района (Зубовская площадь, 14). Оно вселило уверенность, что у нас есть штаб Красной гвардии. На эти четыре винтовки были со стороны рабочих и красногвардейцев сотни запросов. Это оружие сыграло очень важную роль во время августовского слета черных воронов корниловщины. В Большом театре, во время демократического совещания, с этими четырьмя винтовками беспрерывно по ночам ходили патрули, не давая делать разного рода контр-революционных расклеек по улицам, на стенах домов.

Дальнейшая наша работа до Октября выражалась в посещении солдатских казарм, вызове представителей от солдат в совет, организации полковых, батальонных и ротных комитетов.

21 октября, в 2 часа дня, я был вызван дежурным членом Московского Совета на совещание членов Московского Комитета с.-д. партии в бывшую гостиницу «Дрезден», где провел весь день и ночь. Сюда же были вызваны из каждого района по три представителя с оружием. На этом совещании выработали план вооруженного наступления, наметили количество винтовок, патронов, снарядов, автомобилей, а также место, откуда их можно взять. Таковым местом был назначен Лосиноостровский склад. Автомобили были вызваны из Введенского парка. Пришла к нам большая помощь—самокатчики из Калуги, 225 полк, и последними пришли Покровские казармы.

25-го октября группа товарищей была направлена в редакцию «Русское Слово», занятую юнкерами. Последних они выбили, и редакция перешла к нам, где и поставили нашу охрану; рота 256 полка была послана к банкам. Мы ждали с нетерпением разрешения занять Кремль и два раза посылали тов. Пече к тов. Ногину в Политехнический музей, где 25-го октября шло заседание и велись споры с меньшевиками. Каждые 10 минут промедления нас волновали и казались вечностью.

В ночь на 26 октября наша разведка самокатчиков донесла, что по Воздвиженке передвигаются юнкера, по направлению манежа, а утром в 9 часов 26-го мы выстроились в автомобилях и двинулись к манежу занимать Кремль. С нами было 18 двинцев. Мы с несколькими автомобилями

в'ехали в Кремль, а остальные не были пропущены юнкерами. Я пред'явил тов. Берзину, коменданту Кремля, предписание о выдаче оружия, и он разрешил нам нагружать наши автомобили винтовками и патронами, но здесь было засилье офицеров, которые и воспрепятствовали этому. Тогда мы заставили всех выйти из казарм, разоружили всех и выстроили на улице, но когда уже с нагруженными автомобилями хотели выехать, нам это не удалось, так как мы были окружены ударниками-казаками и юнкерами 6 и 4 роты. Мы все же хотели прорваться, рискнув несколькими товарищами, но тов. Берзин нас уговаривал и удерживал, и так мы просидели, окруженные юнкерской блокадой, с 26 по 28 октября. У наших груженых автомобилей велось дежурство день и ночь беспрерывно, по очереди, нашими красногвардейцами. Помню хорошо, что 25, 26 и 27 октября погода была холодная,—то дождь с заморозками, то мокрый снег идет целый день,—мы промокли, продуктов у нас не было, даже одно время были лишены воды. Клуб офицерского собрания был полон солдатами 256 полка и 2 рот 193 полка; мы с солдатами завязали дружбу, рассказывали, что делается сейчас в центре, к чему готовимся, что означает взятие власти в руки трудящихся, и кто должен был ее завоевать у белогвардейцев.

27-го, в 10 ч. 55 мин. вечера, был отдан приказ тов. Берзиным (конечно, мы об этом знали) «в пять минут приготовиться к бою». Исполнили быстро. Собрались в 3 минуты, открыли собрание, на котором решили в первую очередь выпустить два броневика для расчистки дороги, занятой юнкерами, и направить их в центр к нашим силам и выступить в бой.

7 рота и мы с тов. Сидоровым отправились в бой. Тов. Сидоров, как старый унтер-офицер, повел роту на стену Кремля. Стену заняли. Тов. Берзин побежал по пулеметам отдавать боевой приказ, я остался с 7 ротой. Мы пошли в гараж и увидели, что броневики были уже готовы, но оказалось, что их заняли офицеры Украинского полка, который охранял Николаевский дворец. Тов. Берзин отдал приказ освободить автоброневики, но офицеры категорически отказались выполнить, заявив, что они сейчас выедут из Кремля, чтобы предотвратить кровопролитие. Тогда мы тут же созвали солдат 7 и 11 рот,—11 рота состояла из арсенальцев,—в клуб на собрание; в течение 5 минут решили вырыть около ворот окоп и поставить 7 роту и 4 пулемета, что было в течение 20 минут сделано. Места заняты, ожидаем атаки.

Ровно через 45 минут, в 11 час. 40 мин., юнкера со всех сторон открыли по Кремлю пулеметный и ружейный огонь: главная база пулеметной команды юнкеров была в Верхних

торговых рядах. Засвистели пули, засверкали огни, затрещали крыши... Юнкера били по Кремлю не только из ружей, но и из 3-дюймовки, находившейся в штабе белых на Арбате. Наши разом открыли стрельбу по белым, все смешалось в гуле ружейных выстрелов. С Красной площади послышались дикие вопли и раздирающие душу стоны. Это наши били метким огнем юнкеров, 6 и 4 роту; но обошлось без потерь и у нас,—трое были ранены. Этих товарищей тут же снесли в клуб. В клубе было готово несколько кроватей для приема раненых, и дежурили 4 врача. Бой продолжался.

Я приказал арсенальцам—11 роте—быстрей подносить патроны, набивать пулеметные ленты. Бой шел лихорадочно, наши стрелки вошли в ярость, только и слышно: «Врешь, не так застонаешь, патрон хватит; зря патрон не бросайте; бери ниже, больше убыли будет; ребята, давай беглый; давай перекрестный».

Во главе Украинского полка, который охранял Николаевский дворец, стоял полковник Онуфриенко. Во время боя полк охранял правую сторону, часть Кремля со стороны Каменного моста. По приказу полковника Онуфриенко солдаты снялись и пошли в казарму, в клубе устроили митинг и начали агитировать: «Зачем нам здесь зря стреляться, когда все солдаты сдались Временному правительству Керенского? Из Петербурга, дескать, пришли солдаты, тяжелая артиллерия сдалась и поставила против нас пушки». Я тут же заметил, что ведется грязное предательское дело, побежал, отыскал тов. Берзина, с которым вместе пришли в клуб, и начали выступать против ораторов Украинского полка и доказывать их ложь. 256 полк продолжал вести бой, но Украинский полк хотя и пошел на место, но боя не принимал; часть побросала оружие и скрылась в казармах, часть вновь начала агитировать: «Сдадимся, сдадимся,—кричали,—нас окружили». Это уже было в 3 часа ночи. Я ободрял солдат, говоря, что уже слышно приближение наших, которым трудно итти, так как всюду им ставят преграды, но необходимо их дождаться; я уже выбивался из сил, охрип, а Украинский полк между тем все больше и больше разлагал наших бойцов. В ночь на 28-е, в 11 часов 55 мин. командующий юнкерами и всей белогвардейской армией Московского военного округа полковник Рябцев выпустил последний снаряд, который упал у ворот, а за этим последовал приказ полковника Рябцева: сдать все оружие в течение 5 минут и всем находящимся в Кремле выстроиться против казармы. Украинский полк открыл ворота. Печально было смотреть и видеть, как входили юнкера. Они цепью вошли с той стороны, где находился Украинский полк, и тов. Берзин был окружен юнкерами. Я был в недоумении и не понимал, что случилось. Я побежал к стенам, где были наши солдаты

256 полка. Юнкера шли группами, впереди тащили пулеметы; я крикнул: «Товарищи, у нас юнкера», и выпустил последний патрон из нагана. Солдаты последовали моему примеру, дали залп. Юнкера легли и закричали: «Что вы делаете? Измена! Измена!»

Тут только я узнал, что тов. Берзин согласился сдаться на честное слово полковника Рябцева, что он никого не тронет. У меня мелькнула мысль, что все проиграно, и если мы будем сопротивляться, то в результате будет только всем смерть. Вижу, идут два броневика и начинают обстреливать стену. Я приказал солдатам прекратить стрельбу, но пулеметчикам не хотелось сдаваться, и один из них сказал: «Если бы нам подтащили порядочное количество лент, то я никогда не перестал бы стрелять и побил бы юнкеров, а сам бросился бы с колокольни». В этот момент можно было бы действительно всех вошедших юнкеров поколотить с большим успехом. Солдаты пошли угрюмые, невеселые, точно все, как один, потеряли что-то заветное. С резкою болью я всматривался в их лица, и чувствовалось, что в душе каждого было сознание, что они идут как побежденные, но это какое-то недоразумение, так как бой еще не был проигран.

Юнкера вывезли три пулемета, поставили на площади. У пулеметов прапорщики; раздается команда: «Со входа Николаевского дворца, пулеметчики, стреляй!». И тут повалились, точно скошенная рожь на ниве... стоны... крики..

«Бейте сразу!..»—резко вырвалось у кого-то из пленников.

«Огонь прекратить!»—раздалась команда... Пауза... Ряды уменьшились, поредели. Некоторые в испуге лежали. Офицеры проходят по рядам, подымая лежавших носками лаковых сапог и избивая прикладами. Я наблюдал ужасную, гнусную картину: трое юнкеров подошли к одному солдату, раздели его догола,—«Ага, матрос, имеешь клеймо», сняли с него часы, вывернули шапку, вытащили зашитые деньги в ней и скомандовали: «Повернись назад!» Солдат крикнул: «Большевики вам отплатят», и после сказанного товарищ свалился с ног, и ему, уже мертвому, вонзили в спину штыки.

Наши солдаты стояли, а я находился немного в стороне. Я был уже ранен в голову и залит кровью, сил не было, появилась слабость и головокружение. Около меня вертелось шесть юнкеров, один казак и комиссар в черном матросском башлыке и фуражке. Начали допрашивать:

— «Ты кто? Председатель заводского комитета? Красногвардеец? Сволочь!»; в это время подбегают еще трое с криком: «Коли его»; валят меня на землю. Пока я не лишился чувств, я видел, как они набросились на меня с криками: «Коли, руби», и избивали клинками и прикладами; на мое

счастье с Тайницкой башни еще не снятый наш пулемет открыл огонь, и они все побежали от меня, приговаривая на ходу: «Засада, засада». Потом все смолкло... Подняться я не мог. Подошли какие-то двое, потащили и, избивая, подтащили меня к стоявшим солдатам, поставили у дверей Николаевской гауптвахты, плевали в лицо, сорвали повязку вместе с прилипшими к ней волосами, с головы, и опять избивали. Послышалось из новой группы: «Расстрелять!» Скоро солдат 256 полка куда-то погнали, и около меня осталось лишь два трупа. Раненых попихали в гауптвахту. Очередь была за мной. Один говорит: «Ну, что же с ним время проводить,—бей», но тут опять спасла меня случайность.

Подошел священник, спросил меня: «Ты...?»—Я молчу.— «Ты, сволочь,—красногвардеец? Тебя надо задавить или бросить с колокольни. Твое имя и фамилия?»—Я отвечаю: «Да, я красногвардеец, батюшка, от вас не скрою, правду говорю, прошу причастить перед смертью».

Качнул поп головой: «Для таких гадов тела христова не даем. Бросьте его, бросьте туда же, к тому народу», и, отходя, еще буркнул два раза: «Туда, туда, к той куче».

Пробыл я на гауптвахте, куда меня бросили, не знаю сколько времени, вероятно—минут сорок. Помню, здесь же лежали двое тяжело раненых и кричали: «Товарищи, прибейте нас, нет сил, скорей бы умереть!» У меня руки не могли подняться на товарищей, да и нечем было. Скоро за мной пришли, повели около казармы. Один ударил меня цинкою с патронами по шее, задев и по голове. Я упал и опомнился уже в подвале Старо-Екатерининского дворца. Против меня стояло четыре юнкера и пулемет. Вижу, на погонах у одного три звездочки, у двоих по одной, и опять один проклятый казак крикнул: «Вставай!» Я через силу встал, итти не мог, ноги не слушались меня. Я выронил окровавленную мою кепку, наклонился поднять ее, но у меня закружилась голова, и один из стоявших против меня несколько раз вновь ударил меня пулеметной лентой по рукам, и я вновь упал. Меня подтащили к дверям и положили против пулемета. Через несколько минут слышу стук и шум, открывается дверь, и валит целая толпа, и я не помню, сколько человек прошло по мне.

Опомнился я уже на кирпичах, в стороне, где увидел несколько десятков наших пленников; я попытался встать, но была страшная боль в боку, и чувствовалась острая боль в животе. Товарищи меня обступили, стали расспрашивать. Помню еще различные издевательства; так, когда загнали в подвал, зажгли трехкопеечные свечи, разговаривать воспретили и приказали, чтобы один от другого были на расстоянии не менее двух шагов, а иначе угрожали пулемета-

ми. Вздумали мы спросить есть, они нам ответили, что хлеба для нас нет,—мы их враги, нам нужна смерть, а не хлеб. Затем затопили печи под предлогом нас обогреть. Сто лет нечищенные трубы напустили такого ядовитого дыма, что все мы стали задыхаться, не могли откашляться.

Вдруг слышим гул орудийных выстрелов. Это нас ободрило, мы стали повеселее и забыли о хлебе. Мы определенно знали, что это бьют наши по Кремлю.

В ночь на 28 октября построили нас по 50 человек, чтобы отправить в казармы. Когда наша группа шла через площадь, наши в это время били по Кремлю из орудий, и снаряды падали на площадке около казарм, через которую мы должны были пройти. Снаряды ложились впереди нас или сзади, но нас, к счастью, не задевали. Затем пригнали нас в казармы, и там, конечно, стало веселей. Слышим бой, наши швыряются снарядами по Кремлю. Под утро 29-го снаряд попал в угол нашей казармы, отвалил полстены и с грохотом рухнул, и все чаще и чаще наши стали посылать чугунные посылки. Вдруг влетает незаказанный нами гостинец—чугунный огурец—и прямо в окно. Товарищи попадали на пол, кто с испуга ноги под нары, кто голову,—паника... От сотрясения воздуха попадали стоявшие товарищи; снаряд сбил солдатские трех'этажные кровати и выбил другое окно; видимо, от разрыва сердца у нас на глазах умер в эти мгновения один наш товарищ, пожилой рабочий с какого-то завода.

29-го был дан приказ выйти нам всем на площадь построиться, а когда построились, нас стали избивать прикладами, приговаривая: «Мы через вас свою кровь высушили». Затем нас с угрозами и окриками, подгоняя плетьми, направили в штаб, на Арбат.

Буржуазия, стоя на тротуарах, ликовала, покрикивая: «Куда вы такую сволочь ведете, бейте их здесь, больше будет пользы!». Мы терпели, мы знали, за что переносим эти зверские издевательства.

* * *

И вот по дороге к штабу мне пришла вдруг мысль: а не все ли равно, где умирать,—уж лучше здесь, и чем раньше, тем меньше страданий. Я решился на побег, подумав: догонит ведь меня только пуля одна, ну, две. Рванулся из рядов—и прямо в проходной двор, а там через забор. К моему счастью, во дворе был подвал, и я там весь день прожил, на утро пробрался ползком на Варварку, откуда удалось пробраться домой, а дома—препятствие: меня не узнают, так как я весь был окровавленный; рубашка из белой сде-

лалась красной, сапоги, точно у маляра, все красные; на лице присохла пленками кровь,—и в квартиру не пускают. Пошел к соседям, а там жил один красногвардеец, тот меня узнал, вот с ним меня и пустили в квартиру; детишки от меня прячутся в следующую комнату к жильцам. Я пробыл дома всего лишь 18 часов, слышу кругом идет бой, а у меня так сердце накипело и злоба за издевательства белых, что я не выдержал и пошел было в Хамовнический район, но Садовая была занята юнкерами. Мне не удалось пробраться, я вернулся обратно.

* * *

Нас собралось трое: тов. Сидоров, я и не помню еще одного товарища с завода Гужона. Идем в штаб Красной гвардии Сущевско-Марьинского района. Нас встретили радостно: «А, кремлевцы, кремлевцы!» Напоили кофе, затем мне предложили поехать разоружить один лазарет, в котором, по сообщению, был один пулемет. Я охотно согласился. Взял с собой 15 красногвардейцев, сели на автомобиль, поехали. Остановились в конце следующей улицы, оцепили лазарет, затем его заняли, вошли внутрь и всех, кто там находился, взяли под охрану, вызвали прислугу, стали допрашивать: скажите, как вам тут живется, не обижают ли вас? Отвечают, что очень плохо, обижают. Затем в разговорах сообщают, что здесь есть офицеры и т. д. Обыск обнаружил двух офицеров. Мы разоружили их, взяли два нагана, офицеров отправили на автомобиле. Кругом пересмотрели чердаки, подвалы, нашли много шинелей, и под ними было 8 винтовок и ящик затворов,—больше ничего. Меня просили в Сущевско-Марьинском районе поработать, но я решил пробраться в свой, Хамовнический, район. В Хамовническом районе меня хорошо встретили, помню, все красногвардейцы, не только которые меня видели, а и те, которые только слышали про меня; как только узнали, что жив и вернулся Страхов, стали стекаться рабочие с предприятий, второвцы приехали на автомобиле. Повидавшись с товарищами, я пробыл три дня в лазарете, а когда вышел оттуда, то принялся укреплять штаб Красной гвардии, который в период моего отсутствия находился в Хамовнических казармах. Прихожу туда, там—Емельян Ярославский. Мы с ним заговорили о кремлевских событиях, и он сказал: «Да, тов. Страхов, иногда бывают у рабочих великие соображения». Это он сказал вот по какому поводу. Во время своих посещений Кремля полковник Рябцев заявил нам: «Если вы отсюда не уберетесь, я вас всех перестреляю»; во второй раз полковник Рябцев приехал в Кремль с тов. Ногиным и тов.

Смидовичем и в помещении казарм 8 роты устроили митинг. Рябцев, обратившись к солдатам 256 полка, сказал: «Я вас, братцы, отсюда переведу, вы уже здесь устали все время в карауле, а я вас пошлю на отдых, а сюда на ваше место вышлю 252 полк». Я тут же сказал тов. Ногину, что нельзя отсюда выводить 256 полк и 3 роту 193 полка мартовцев. Тов. Ногин мне ответил: «Будьте покойны, верьте мне, мы с ним споемся», но я стал на своем и говорил: «Если вы согласитесь вывести отсюда 256 полк и роту 193 полка, то мы отсюда не выйдем», ведь 256 полк и 193 полк были революционно настроены. Все-таки роту 193 полка вывели 27 октября, и только что ее вывели, как тут же юнкера нас окружили; этим выводом самой надежной роты у нас выбили почву из-под ног. Если бы эти две выведенные роты оставались в Кремле, то для нас Украинский полк не имел бы никакого значения, и его пассивное выступление было бы сломлено. А ведь Рябцев кого хотел ввести к нам в Кремль вместо 256 полка?—252 полк. А кто в нем был? Наполовину юнкера. В третий приезд полковника Рябцева вместе с тт. Ногиным, Е. Ярославским и Аросевым полковник Рябцев заявил: «Я отсюда не выпущу ни одного штыка и ни одной ломаной винтовки, вы здесь ограбили и растащили все золото и серебро и побили иконы». Я ему ответил: «А мы приехали сюда затем, чтобы взять винтовки, и если нужно, то для этой цели и собой пожертвуем». В это время я подумал: «Хорошо бы такого орла взять прямо за клюв, да так, чтобы пух взвился в воздух». Я не вытерпел и крикнул: «Товарищи, возьмите его». Товарищи 256 полка подняли его в воздух, раскачали и хотели бросить. Вмешался тов. Ногин и сказал: «Товарищ Страхов, оставьте его». Я крикнул: «Товарищи, бросим его», но они не слушали и тащили его на гауптвахту: «Нехай теперь он там посидит. Мы там сидели и умирали». Но все-таки их удалось уговорить, и они с большой обидой оставили его...

Выезжают из Кремля: Рябцев—на своем автомобиле, а тт. Ногин, Ярославский, Аросев, Иванов—на своем. Во время самого выезда за ворота на наших было покушение; со стороны юнкеров раздались выстрелы... Чуть-чуть тов. Ногина не убили, пуля пролетела мимо уха. В результате нашей мягкотелости (упросили, чтоб Рябцев был цел) тов. Ногин чуть не был убит при попустительстве Рябцева.

★

1

И. Цивцивадзе

ЗАМОСКВОРЕЦКИЙ РАЙОН

Октябрьские дни в Замоскворечье *)

(Воспоминания)

Замоскворецкий район всегда занимал одно из крупных мест среди других районов как по количеству рабочих, так и по величине парторганизаций и их влиянию на массы. Даже в период эсеровско-меньшевистского преобладания, когда соглашательский дурман охватил широкие массы, в Замоскворечье не было более или менее крупного фабрично-заводского предприятия, где бы у нас не имелось солидной ячейки. Многие завкомы также находились под нашим влиянием. На большинстве фабрик и заводов наши лозунги «Долой войну» и «Вся власть советам» находили определенное сочувствие. На июльской демонстрации, устроенной по зову МК, Замоскворечье дало солидное количество участников.

---

*) На мне, как на ответственном организаторе Замоскворецкого района, давно лежит обязанность отчитаться перед Истпартом, насколько позволяет мне память, в деятельности Замоскворецкого района в дни великой Октябрьской революции. Но боязнь, что не удастся восстановить фактов, представляющих историческую ценность, вследствие полного отсутствия у меня каких бы то ни было письменных документов, не позволяла мне исполнить свою обязанность. Появление в печати некоторых статей и воспоминаний, по моему мнению, страдающих большими неточностями, сделало меня более решительным и дало мне смелость думать, что восстановление хотя бы незначительного факта, хотя бы обломков воспоминаний будет ценным вкладом в материалы для истории великой пролетарской революции.

Считаю только необходимым оговориться, что я не могу похвастаться своей памятью, тем более, что Октябрьские дни прошли в крайне напряженном состоянии, в непрерывной на протяжении восьми суток трескотне и свисте ружейных и пулеметных пуль, грохоте орудий, невероятной сутолоке неорганизованных, недисциплинированных, а подчас, к сожалению, и преступных групп (примазавшихся уголовных и т. д.). Непрерывная боевая обстановка не давала нам возможности хотя бы на несколько минут сомкнуть глаза. Скажу про себя, что в продолжение десяти суток, считая двое суток, предшествующих боевым действиям, мне пришлось на $1^1/_2$—2 часа вздремнуть. При таких ненормальных условиях не только трудно сохранить в памяти и систематизировать многочисленные и разнообразнейшие факты во всем их значении, но вообще восстановить даже схему событий.

А ведь эта демонстрация была не простой прогулкой, а явилась первым боевым крещением для московского пролетариата. Правда, эсеровско-меньшевистская власть не осмелилась против этой демонстрации выставить вооруженную силу казаков, но зато была мобилизована вся контр-революционная буржуазия, сквозь строй которой должна была пройти демонстрация.

Буржуазия была озлоблена до невероятности; она свистала, плевалась, ругалась, бросала камнями, выхватывала отдельных демонстрантов и избивала их. Я помню, как тов. Добрынин, впоследствии погибший в Октябрьские дни, едва спасся от избиения тем, что пустил в ход имевшийся при нем кавказский кинжал.

На выборах—сначала районных дум, а затем центральной—райком развил громадную агитационную работу и сумел сплотить широкие слои рабочих масс.

Насколько рабочие массы Замоскворечья были подготовлены к большевистским лозунгам, видно было из того дружного протеста, который они вместе со всеми московскими рабочими устроили против Московского совещания, этой попытки меньшевиков и эсеров, прогнанных питерским пролетариатом, сговориться с капиталистами и генералами здесь в Москве против надвигающейся пролетарской революции.

Рабочие с глубочайшим вниманием и интересом следили за политическими событиями и все более и более убеждались в измене соглашателей и контр-революционности Временного правительства. Демонстрация с лозунгом «Долой десять министров-капиталистов» была организована наспех. И, несмотря на это, рабочие почти всех заводов и фабрик в продолжение нескольких часов заготовили огромное количество плакатов и вышли на сборные пункты.

Политические доклады по текущему моменту тт. Ломова, Осинского, Степанова-Скворцова и др., устраиваемые у нас регулярно, привлекали всегда обширные аудитории.

Единственным оплотом соглашателей и буржуазии в районе были буржуазные сынки из Коммерческого института, которых Рудневско-Миноровская городская дума усиленно организовывала и вооружала, но и тем рабочие давали должный отпор.

Такова, приблизительно, была общая обстановка в Замоскворецком районе перед Октябрем.

Красная гвардия

Не помню точно когда, но, кажется, после известий об аресте Калужского совета в МК возник вопрос об орга-

низации Красной гвардии по районам. В комиссию по организации были намечены т. Ведерников (Сибиряк), тов. Штернберг, П. К., и я. Если не ошибаюсь, впоследствии вместо отошедшего тов. Ведерникова был введен тов. Пече.

Началась работа по организации Красной гвардии в нашем районе. Во главе ее вначале стоял тов. Пече. В райкоме у нас ежедневно происходили занятия по обучению военному искусству. Но несчастье наше заключалось в отсутствии оружия. Были у нас попытки закупить хотя бы револьверы в Туле, но за отсутствием средств мы не смогли это осуществить. Единственной нашей надеждой было около ста винтовок, припрятанных михельсоновскими рабочими еще с Февральской революции. Все эти винтовки, прочищенные и промазанные, были тщательно замурованы в стене, в помещении завкома Михельсоновского завода. О них знали тт. Пан, Стрелков, Уваров, Волков, Иванов, Козлов, Ив. Як., я и некоторые другие,—в общем очень ограниченное количество человек.

Заслуга тт. Пана, Стрелкова и Уварова в том, что они добыли и сохранили это оружие. Они же отстояли его от посягательств центра. Помню, тов. Штернберг усиленно настаивал на переброске этого оружия в центр, но, благодаря решительному протесту указанных товарищей, ему это не удалось.

С обострением политического момента и при выяснившейся необходимости вооруженного восстания организация Красной гвардии приобретала все большее значение. Поэтому во главе этого дела мы наметили одного из видных работников, тов. Файдыша, которого и провели официально на общем собрании заводских дружин начальником Красной гвардии. До него же руководителями гвардии после ухода Пече в центр считались тт. Брун и Николай Сычев.

Одновременно мы принимали меры к самовооружению и к охране райкома. Особенно в этом отношении усердствовал тов. Сычев, который раздобыл пулемет, бомбы и несколько винтовок. Помимо этого, каждый из коммунистов считал своим долгом найти себе хоть какое-нибудь оружие. Таково было, если можно так выразиться, состояние наших вооруженных сил перед об'явлением вооруженной войны с буржуазией.

Тревожные дни

О перевороте в Петрограде мы узнали 26-го, утром. По получении соответствующей телефонограммы из центра мы немедленно созвали райком и наметили состав Замоскворецкого ВРК, куда вошли: Коссиор (Иосиф), Шиллерт, Ротшильд и, если не ошибаюсь, тт. Файдыш и Витковский. При просмотре черновика этой заметки, тов. Борисов-Гуревич

сделал следующее замечание: «Насколько я помню, ревком был намечен в составе Коссиора (Иосифа), Файдыша, Витковского, Цивцивадзе и Борисова, и, кажется, была попытка привлечь левого эсера Зигта и одного меньшевика, но оба они исчезли в первую ночь». Но, мне кажется, его показания не совсем соответствуют действительности. Во всяком случае моя фамилия ошибочно включена в состав ВРК, так как я оказался во главе его уже впоследствии фактически как организатор, а не по избранию.

В районе стало тревожно, мы стали мобилизовать свои силы. Но не дремали и наши противники. В школах прапорщиков Александровских казарм шла усиленная подготовка; студенты Коммерческого института держали себя вызывающе и частенько устраивали скандалы на наших рабочих собраниях.

Мы получили определенные сведения, что они вооружаются и хотят напасть на наш райком. Поэтому тов. Сычев энергично принялся за оборону райкома: выставил пулемет, сорганизовал бомбометчиков и т. п. К вечеру 26-го к райкому стройными рядами подошли около полуроты невооруженных двинцев, которые оказались в нашем районе и предложили нам свои услуги. Мы немедленно вооружили их михельсоновскими ружьями и поставили охранять райком. Члены райкома установили постоянное дежурство. Секретарь райкома тов. Борисов счел более благоразумным собрать все документы и отдать на хранение в частной квартире. Райком представлял военный лагерь. Все комнаты были переполнены толпившимися рабочими, многие из них были делегированы заводами узнать о положении дел. Одна часть спешно обучалась обращению с винтовками, другая распределяла патроны и приводила в порядок свои револьверы. В райкоме по нескольку раз в день приходилось устраивать широкие собрания с докладом о положении дел, чтобы удовлетворить собравшихся рабочих. Все были в недоумении, все возмущались, почему МК и ВРК медлят.

27-го вечером, когда на одном из таких собраний я сделал информационный доклад о решении МК держаться выжидательной позиции, тов. Козычев, рабочий с завода Бромлей, выступил с резкой критикой такого решения; он указал, что в городе уже пахнет порохом, что во всех казармах офицеры ведут контр-революционную агитацию; он сам видел, что юнкеров ротами отправляют в центр, а студенты получают от думы винтовки. Разве можно допустить, чтобы в такой момент руководящие органы не нашли ничего лучшего, как держаться выжидательного положения! Тов. Козычева поддержали тт. Пан, Сычев, Озеров (с трамвайной станции) и др. Собрание вполне сочувственно отнеслось к протесту и постановило послать тт. Пана и Сычева в центральный

ВРК, чтобы настаивать на более решительных действиях. Одновременно было решено отправить делегацию в воинские части, расположенные в районе, с целью узнать настроение солдатских масс и привлечь их на свою сторону. Помню, одна делегация во главе с тов. Борисовым была направлена в 55 полк, вторая же во главе с тов. Мышкиным—в 196 запасную дружину.

Через некоторое время мы получили немного тревожную телефонограмму о необходимости послать рабочих для охраны Московского Совета и ВРК. Охотников оказалась масса, но мы направили только человек 25—30, так как больше и не требовали. Вслед за этим я получил телефонограмму из МК немедленно прибыть на заседание. Я отправился туда на трамвае. Проезжая мимо Кремля, я увидел, что Кремль уже окружается юнкерами, около манежа стоят генералы и делают указания отправляемым дозорам. Через Иверские ворота пронеслись казаки. Публика в трамвае проявляет тревогу, у всех одна мысль: «что-то неладно».

В МК уже не оказалось никого. Иду в ВРК. В верхнем этаже б. генерал-губернаторского дома, где разместился ВРК, довольно много народу. У всех растерянный вид—все бегают, суетятся, шепчутся по углам, где-то собираются не то меньшевики, не то об'единенцы и настойчиво приглашают наших представителей. В комнате заседания ВРК я застал тт. Ногина и Ломова, которые вели оживленный разговор. Как можно было понять, тов. Ногин доказывал необходимость и возможность переговоров, с чем, видимо, решительно не соглашался тов. Ломов. Я сообщил им о происходящем вокруг Кремля и сам поспешил в район, чтобы не быть отрезанным.

В районе я застал радостно-боевое настроение. Оказывается, наши делегации вернулись и рассказывали о своих успехах: тов. Борисова в 55 полку встретили восторженно, подняли его на руки и носили по ротам. Все роты одобрили позицию ВРК и обещали ему полную поддержку. То же самое сообщил и тов. Мышкин о 196 дружине.

Не успел я рассказать товарищам о виденном мною в центре, как получаю знаменитую телефонограмму о том, что переговоры с Комитетом общественной безопасности прерваны, и начались боевые действия.

ВРК Замоскворецкого района находился в здании совета (б. ресторан на Калужской площади), так как помещение райкома было признано стратегически неудобным.

Окончательно осмотрев райком и собрав все документы, я, тов. Борисов и некоторые другие товарищи направились в штаб через М. Серпуховку. Не доходя до Серпуховской площади, нас встретил один рабочий (фамилии не помню) и сообщил, что у часовни стоит белогвардейский отряд и обыскивает всех проходящих. Действительно, не успели

сделать и двух шагов, как нас окружают вооруженные винтовками студенты Коммерческого института во главе с офицером и требуют: «Руки вверх». (Нужно заметить, что они действовали настолько неорганизованно, что нам почти всем удалось улизнуть от них, не подвергшись обыску.) Это была первая встреча с белогвардейским отрядом. Не успели мы добежать до штаба и рассказать о случившемся, как послышался целый ряд выстрелов. Оказалось, что тот же самый белогвардейский отряд наткнулся на нашу вооруженную группу во главе с тов. Макс (убит затем у Брянска при наступлении немцев на Украину, после заключения Брестского договора), направлявшуюся из райкома в штаб. Произошла стычка, в результате чего белогвардейцы потеряли несколько человек убитыми, ранеными и пленными. Раненых и пленных скоро перевели в штаб, немедленно оказали им медицинскую помощь и посадили в одной из комнат, приставив караул.

Все указывало на серьезную боевую обстановку: здесь были убитые, раненые, пленные, отряд санитарок, штаб. Нехватало у нас только одного: умения руководить боевой работой в штабе. Все члены штаба оказались глубоко штатскими людьми. Был один, и то случайно, тов. Будзинский, который, видимо, лучше всех ориентировался в положении и обладал некоторыми военными познаниями. Он предложил штабу занять свое место, наметить боевую линию, немедленно наладить связь, разведку, транспорт, административную часть и т. п. Для установления прочной связи с центром и получения соответствующих указаний и инструкций он предложил отправить его самого.

Было решено, что он отправится без оружия, один, а за ним на расстоянии пойдут по-одиночке тов. Лисинова и тов. Шура Алексеева, которые должны были известить нас о благополучном его прибытии в центр. Он действительно дошел благополучно, но, к сожалению, обратно почему-то не вернулся. Замоскворецкий район, оставшись в неведении о действиях центра и без фактического его руководства, очутился в еще более трудных условиях. Заседание штаба в присутствии тов. Будзинского было первым и, кажется, последним. Все члены его, за исключением тов. Витковского, куда-то разбрелись.

Тов. Коссиор, который предназначался руководителем и который впоследствии в процессе гражданской войны показал себя безусловно способным и энергичным работником как в военной, так и в хозяйственной области, в этот момент почему-то совершенно стушевался и абсолютно устранился от руководства. Мне, как ответственному организатору района и одновременно члену МК, пришлось заменить его до прихода Штернберга.

Штаб

ВРК (он же штаб), как я сказал, распался в первую же ночь. На другое утро официально заявил об уходе единственный представитель партии меньшевиков, и в штабе остались: я, Файдыш, Ротшильд, и Витковский. Само собой разумеется, что никакого штаба, в подлинном смысле этого слова, мы организовать не могли по той простой причине, что ни у кого из нас не было никаких военных познаний. Кроме того, не было ни налаженной связи с «фронтом», ни налаженной разведки, но кое-что мы все же сумели сорганизовать. Административную часть, т.-е. комендатуру штаба, мы поручили тов. Паталовскому, нашему молодому пропагандисту, человеку довольно способному, энергичному и очень боевому (впрочем, впоследствии он показал себя очень неустойчивым и отошел от партии). Установление порядка в здании и охрана его, порядок приема донесений, прием и охрана арестованных, прием, хранение и выдача оружия,— все это было поставлено сравнительно хорошо. Вследствие большого количества арестованных как политических (пленные шпионы), так и уголовных (бандиты, мародеры), почти с самого начала оказалось необходимым организовать административно-следственную часть, во главе которой вначале весьма успешно работал тов. Арутюнянц. Но после того, как тов. Дьяконов, юрист по образованию, перешел к нам из лагеря меньшевиков с предложением своих услуг, заведывание этим отделом мы поручили ему. Арестованные содержались сначала в одной из комнат штаба, а потом, по мере их накопления,—в милицейском арестном доме. Надзор за ними, был, конечно, очень слабый, и они часто у нас убегали.

Удивительно, что никто из рабочих не проявлял в отношении к ним никакой злобы. Ни обычных в подобных случаях издевательства, ругани, ни строгости, ни жестокости никем не допускалось. А ведь в наши руки попадались довольно видные белогвардейские тузы: рудневские разведчицы, переодетые офицеры, полковники и т. п. Как известно, к нам же попался и раненый генерал Брусилов. О расстрелах тогда у нас и мысли не было.

Одной весьма трудной и сложной задачей ВРК была организация продовольственного дела. Этим вначале руководили тт. Лобанов, Семенов и Прокопченко. Впоследствии же, кажется, дело было поручено тов. Шиллерту. Я не могу сказать, как снабжались товарищи на боевой линии, но приходящие в штаб с фронта части, имеющийся у нас резерв и весь аппарат штаба особенного недостатка не терпели.

Очень скоро у нас накопилось некоторое количество транспорта: грузовые и легковые машины, некоторое количество мотоциклеток. Машины эти конфисковались у местной бур-

жуазии. Мы сразу заметили, что в этом деле могли быть крупные злоупотребления, и потому организовали отдел транспорта, во главе которого поставили одного из видных рабочих, члена райкома тов. Эпштейна.

Я сказал выше, что у нас ни начальника разведки, ни правильно налаженной организации не было, но у нас было несколько добровольных конных разведчиков и несколько мотоциклистов, которые взялись обслуживать нас и преданно работали до конца боевых действий.

Фамилий этих беззаветных тружеников я не помню, знаю только, что мотоциклисты были из мотоциклетной роты, которая целиком предложила себя в распоряжение штаба. Таким образом у нас имелись следующие отделы: административный, следственный, продовольственный, транспортный и связь. Вот приблизительно каким аппаратом обладал ЗВРК.

Первые дни

Положение Замоскворецкого района в стратегическом отношении было чрезвычайно сложным и трудным: с самого начала военных действий мы оказались совершенно отрезанными от центра. Замоскворечье отделено от центра Москва-рекой и имеет связь с центром исключительно через мосты. Все эти мосты сразу же оказались или занятыми или запертыми белогвардейцами. Необходимо было завладеть ими и организовать их оборону. Кроме того, у нас был совершенно открытым тыл, откуда нам грозила неменьшая опасность. Мы имели сведения, что со стороны Павелецкого вокзала в любой момент можно было ожидать появления контрреволюционных сил. С другой стороны, на окраине Замоскворечья, в Котлах стояла часть, правда—небольшая, 7 Сибирского казачьего кавалерийского полка (1—2 сотни которого дрались против нас в центре, а остальные сотни полка при легкой батарее были в г. Кашире), и возможность появления ее все время нервировала район. Но что важнее всего, это—то, что в Александровских казармах остались непереправленными в центр несколько рот из школ прапорщиков, которые постоянно угрожали тылу. Защита такого громадного района с большим количеством боевых участков требовала соответствующих сил и средств, у нас же было только незначительное количество плохо вооруженных красногвардейцев и около пятидесяти вооруженных двинцев. С этой силой вряд ли можно было рассчитывать на оборону хотя бы только одного моста. Но обещание славного 55 полка не осталось пустым звуком, и, как один человек, он выступил на защиту рабочих. Беда была только в том, что в полку-то осталось очень мало бойцов, так как командный

состав, чувствуя приближение событий, давал солдатам массовые отпуска. Тем не менее, нашей единственной опорой был 55 полк, и нам необходимо было теснейшим образом связаться с ним. В первый вечер представителем его в штабе был тов. Будзинский, впоследствии оставленный в центре. Но по записке, переданной мне от тов. Владимирского, я должен был ожидать некоего Дебюси как для связи с 55 полком, так и для военного руководства. Тов. Владимирский предложил мне встретиться с Дебюси где-то около Сухаревки, но на другой день, 28-го, он сам явился ко мне, стал бывать на заседаниях штаба и устанавливать связь с 55 полком.

После занятия имеющимися силами всех боевых участков у нас осталось незначительное количество резерва, да и то в 55 полку. Одновременно с занятием основной боевой линии вдоль Москва-реки нам необходимо было во что бы то ни стало ликвидировать некий гнойник внутри района.

Я говорю о бело-студенческой группе, засевшей в Коммерческом институте и имевшей столкновение с нами. В первый же вечер эту задачу взял на себя 55 полк, кажется, во главе с указанным Дебюси, и выполнил ее очень быстро и энергично.

Скоро на место Дебюси делегировали тов. Алексеева, человека молодого, но очень энергичного, смышленого и, по всем видимостям, вполне преданного революции.

Ночь на 28-е прошла благополучно, все было на месте, и противник получил решительный отпор. Но к утру утомленные солдаты потребовали смены, а смены мы им дать не могли. Между тем, требования смены и пополнения поступали от всех участков. Некоторые неустойчивые стали самовольно покидать посты. Положение стало невыносимым. Хотя здание штаба было буквально переполнено сотнями людей, требующих оружия и отправки на фронт, но, во-первых, далеко не всем можно было верить, ибо среди этой массы, без сомнения, были уголовные типы и шпионы противника, а, во-вторых, у нас не было оружия. Только благодаря энергичным мерам, принятым некоторыми товарищами, особенно тт. Арутюнянцем и Сычевым, путем обысков и облав было добыто некоторое количество оружия, при выдаче которого необходима была величайшая осторожность: надо было стараться выбирать верных людей, чтобы оружие не попало к противникам. Кроме того, нельзя было посылать людей неорганизованных, необходимо было сколачивать их в какие-нибудь части, отделения, роты, назначить старших и т. п. К сожалению, у нас это дело было совершенно не организовано. В штабе не было ни одного человека, который бы занимался этим, а это надо было сделать. По мере возможности, этим делом пришлось заняться мне. 28-го, вечером, я приступил к набору «запасных частей» на Калужской площади.

Вдруг во время моей неумелой команды к нам быстрым шагом почти вплотную подошла какая-то воинская часть, вооруженная винтовками, с двумя офицерами во главе. Признаться, я был ошеломлен. Мы были уверены, что нас окружили белогвардейцы. Остановившись и скомандовав— «К ноге», один из офицеров подошел ко мне и, взяв под козырек, спросил: «Кто будет здесь начальник штаба?» «Я за начальника штаба»,—ответил я.

«Мы из 196 запасной дружины, пришли в ваше распоряжение». Я был приятно поражен и просил часть сил отправить на участки, а остальных оставить для караула. Это было сделано. Офицеры, оказавшиеся капитаном Шуцким и поручиком (или подпоручиком) Богословским, пошли со мною в штаб и остались там работать, кажется, до самых последних дней.

Факт этот весьма знаменателен в истории наших октябрьских битв. В тот момент он, без сомнения, вывел нас из самого критического положения и, что самое главное, ободрил нас и влил надежды и свежие силы. Впоследствии эта часть, или от усталости, или по какой-либо другой причине, разложилась, но в тот момент она свою роль сыграла. Что же касается офицеров, то я могу констатировать, что они продолжали с нами работать. Я не имею сведения на счет дальнейшей судьбы этих людей, ставших на сторону рабочих в самую критическую минуту. Знаю только, что вначале Богословский работал еще при Рогове в административном отделе, а Шуцкий был назначен, кажется, народным судьей.

Завкомы

Как известно, во время Октябрьской революции фабрики и заводы бастовали. Предприятия, в которых были сосредоточены колоссальные богатства, вполне естественно, подвергались во время гражданской войны опасности быть разгромленными темными элементами—любителями легкой наживы. Не думайте, что хозяева предприняли какие-либо меры охраны,—нет, это пришлось взять на себя рабочим и их органам. Почти во всех предприятиях завкомы, совместно с нашими партийными ячейками, организовали охрану, вооружились чем только могли, а где не были в состоянии это сделать, просили помощи у нас. Эти самостоятельно возникшие вооруженные ячейки, разбросанные по всем углам района, сослужили нам великую службу: они были нашими очами и ушами; от них получали мы ценнейшие сведения,—о самой малейшей попытке контр-революционного населения организоваться и оказать помощь бело-

гвардейцам, о всякой стрельбе из домов, просто о подозрительных людях, о воровстве, погромах и т. п. мы были немедленно извещаемы. Кроме того, завкомы сами интересовались положением вещей и постоянно наводили справки о ходе событий.

Но были у нас фабрики и заводы, которые представляли вполне определенную военную силу и сыграли крупную роль. Например, группа телефонного завода и электрической станции 1886 г. занимала целый участок Чугунного моста и яростно оборонялась от нападения юнкеров. Говоря об этом, нельзя умолчать об инженере Адольфе Карловиче Бренер, служившем на электрической станции 1886 г. С первой же минуты столкновения с белогвардейцами этот человек решительно стал на сторону рабочих. Он каждый день бывал у нас в штабе, оказывал те или иные услуги, давал нужные технические советы, беспрерывно поддерживал работу станции и этим самым оказывал нам большую помощь. По нашим указаниям он регулировал освещение города в нашу пользу и, насколько это было возможно, выключал свет в местах расположения белогвардейцев, поддерживая его в наших районах.

Группа трамвайной электрической станции держала центральный, самый сильный и опасный фронт. Со стороны храма Христа Спасителя белогвардейцы сосредоточили большие силы и, имея несколько пулеметов, держали наших под постоянным обстрелом.

Крупнейшую роль сыграли рабочие бутиковских мастерских. Эти прекраснейшие, преданные и самоотверженные люди действовали в контакте со специальной нашей группой, во главе с тов. Бруном, и удерживали со стороны Остоженки и Крымского моста неприятельскую группу, неоднократно переходившую в наступление. Кстати сказать, тов. Брун здесь проявлял чудеса храбрости. Были моменты, когда он чуть ли не один отстреливался от неприятеля.

Рабочие Михельсоновского завода были сравнительно хорошо вооружены. Они играли роль крепкого кулака, которым мы били юнкеров в решительных местах. Они проявляли массу находчивости и инициативы. Они завязали тесную связь с 55 полком, имели там специального комиссара тов. Стрелкова и исполняли массу особых поручений.

Весьма энергичную и активную роль играли рабочие трамвая. Они предоставили в наше распоряжение трамвайные вагоны и имели прекрасно вооруженную и дисциплинированную группу передовых товарищей, выступавшую по первому нашему требованию. Они ездили то на разведку, то за перевозкой оружия, и они же отпускали нам необходимое количество инструментов для рытья окопов. Хара-

ктерно, что они давали все инструменты по счету и требовали их возвращения. Словом, трамвайцы оказались в эти дни на высоте сознания пролетарского долга. Они действовали не за страх, а за совесть, чувствуя, что кровно заинтересованы в исходе дела. Насколько мне помнится, из трамвайцев наиболее выделялись своей сознательностью и активностью тт. Апаков, Мохов и др.

Довольно солидная группа, около 50 человек, была у завода «Поставщик».

Наконец, Даниловская мануфактура почти самостоятельно обороняла всю западную часть Замоскворечья, откуда грозила нам опасность со стороны казаков.

Все эти разбросанные ячейки, из которых каждая в отдельности не представляла собою боевой силы, ибо не была обучена и дисциплинирована, однако, оказались именно той силой, на которую мы могли опереться, и которая нам дала победу. Иначе нельзя, конечно, об'яснить того, что мы в конце концов победили. Ведь против нас была настоящая, вымуштрованная, дисциплинированная, снабженная всей военной техникой и военными спецами воинская сила, тогда как у нас ни соответствующей силы, ни выработанного плана не было и не могло быть.

Мы, которые назывались штабом, конечно, никакого руководства боями на участках вести не могли и не умели. Мы действовали от случая к случаю и были скорее техническим об'единяющим органом, чем штабом. Только участие всех этих рабочих ячеек и всей рабочей массы, кровно заинтересованной в исходе дела, действующей не по указанию, а по своему классовому чутью, твердо, решительно, самоотверженно и вполне сознательно, спасло положение и привело нас к победе [1]).

Мортиры

С самого начала военных действий все улицы нашего района абсолютно опустели. Вся злобствующая и брюзжащая против нас мещанская публика в первые же дни проявила максимум трусости и сунула головы под подушки. Но как только выяснилась трудность нашего положения, и в район проникли белогвардейские шпионы и провокаторы, эта масса злобным и змеиным шипением постепенно заполнила улицы и площади, особенно Калужскую. И чем дальше,

---

[1]) Более подробно о состоянии наших боевых участков мог бы указать тов. Файдыш, член штаба, специально занимавшийся систематическим об'ездом и руководством их.

тем она больше наглела и держала себя вызывающе, распространяя всякие клеветнические и панические слухи.

Но положение снова и быстро изменилось к лучшему. Бутиковские ребята давно приставали к нам с требованием пустить в ход против белогвардейцев артиллерию. С подобным же советом приходил к нам инженер-анархист Гиппиус; он советовал нам обратить внимание на химический завод в Хамовниках, где готовились взрывчатые вещества. Он просил поручить ему организацию производства бомб и наладить стрельбу из Бутиковской артиллерии.

И вот, видимо, в осуществление этого плана, из Бутиковских же казарм прислали нам на Калужскую площадь две французских мортиры. Мы к ним приставили охрану. (Как потом оказалось, одним из охраны оказался вор-рецидивист, и когда случайно мимо проходил агент уголовного розыска, этот вор гордо кашлянул и сказал ему: «А теперь—мы с оружием».) Правда, для мортир у нас не было ни обслуживающего персонала, ни снарядов, но на трусливую мещанскую публику они произвели потрясающее впечатление, и Калужская площадь вновь очистилась от народа.

Провокационные слухи

Вследствие неорганизованности нашего штаба, отсутствия организованной контр-разведки и нашей неопытности мы оказались почти в полной власти всевозможных панических слухов. Правда, многие из этих слухов, без сомнения, имели основание, но, как теперь с уверенностью можно сказать, большинство из них шло от контр-разведки противника.

В двери штаба то и дело стучались с «важными донесениями»:

— Что такое, в чем дело?

— На Павелецкий вокзал только что прибыл казачий полк и выставил пулеметы.

Моментально посылаем наших разведчиков, и все оказывается ложью. Вдруг опять:

— Важное донесение.

— Что такое?

— Сейчас в конце Калужской появился казачий раз'езд и двигается по направлению к Калужской площади.

Опять бросаем туда разведчиков, а сами мобилизуем все силы. Помню, вышли на улицу вооруженными все члены штаба.

Откуда ни возьмись, со стороны Серпуховской площади идет к нам тов. Антонов с ротой солдат 55 полка. Вздох облегчения—положение спасено! Команда: «В цепь», и мы все вместе направляемся навстречу казакам. Но натыкаемся

на нашего же мотоциклиста-разведчика, сообщающего нам, что «никаких казаков там не обнаружено».

Подобные слухи упорно летели к нам в продолжение всего хода событий, и жаль, что мы не догадались тогда арестовывать этих добровольных «важных доносчиков»; нет сомнений, что 90% их оказались бы белогвардейскими шпионами. Нужно, впрочем, сказать, что часто мы оказывались жертвами и своего собственного воображения. Я помню такой случай. Однажды в штабе находились я, тов. Файдыш, Витковский и, кажется, Ротшильд. В отдельной комнате для коменданта сидели и беседовали Паталовский, Фельдман, кажется, Герцовская и некоторые другие. В зале масса народа, буквально яблоку негде упасть. Здесь организуется отряд для посылки на смену, там располагаются только что прибывшие для отдыха, иные спят, иные пьют чай и ведут оживленный спор. Вдруг крик: «Казаки!» Происходит нечто невообразимое,—именно то, что всегда происходит с неорганизованной массой. Все бросаются куда попало, находящиеся с Фельдманом женщины бьют стекла, выбрасываются из окон; некоторые беспорядочно стреляют. Помню, тов. Файдыш первый бросается к толпе с нечеловеческим криком: «Тише, без паники!» Мне кажется, он перекричал этот адский шум. Я схватываю карабин и бросаюсь вслед за ним. Выглядываю через окно и вижу, что и наш караул раскинулся цепью и стреляет. Действительно, со стороны Крымской улицы видно несколько лошадей, но казаков как будто нет. Оказалось, что ребятишки ведут лошадей с водопоя, и какому-то трусу почудились казаки.

Все улеглось. Мы даем некоторые указания, чтобы вновь не повторилось что-нибудь подобное. Вдруг появляется тов. Ангарский. Отзывает меня в сторону и на ухо говорит: «Дело плохо, казаки только-что окружили Хамовнический ревком... Я немедленно отправляю мотоциклиста, который, как и всегда, выясняет, что никакие казаки Хамовнического ревкома не окружали. Тов. Ангарский, к счастью, оказался введенным в заблуждение.

Казаки

Слухи о появлении казаков не оправдались ни разу, но что они имели под собой почву—в этом нет сомнения. Во-первых, как уже было сказано, в Котлах казаки существовали «реально». Правда, они были в незначительном количестве, не проявляли себя агрессивно, но, находясь у нас в тылу, постоянно нас нервировали. К счастью, ликвидация их произошла впоследствии совершенно безболезненно, пу-

тем переговоров с ними. Инициативу переговоров с ними взяли рабочие Даниловской мануфактуры, и если не ошибаюсь, при участии михельсоновцев. К большому удивлению, казаки согласились не только быть нейтральными, но и выдать имеющееся у них оружие.

Как теперь доподлинно известно, другие части казаков действительно двигались против нас. Если им все же не удалось войти в Замоскворечье и перетянуть чашу весов на сторону юнкеров, то это произошло по многим случайным обстоятельствам, а главное потому, что о наших боевых силах они были весьма преувеличенного представления и не легко решались вступать с нами в бой.

Вероятно, с целями рекогносцировки в наш район проникли только три члена комитета 1 Сибирского казачьего полка. Мы их обнаружили, если не ошибаюсь, в тот самый день, когда у нас в штабе произошла паника, т.-е. 29 октября, почти у самого штаба, где их арестовал рабочий телефонного завода тов. Томашевский.

Арестованные казаки, видя, что к ним относятся довольно мягко, первые заговорили с нами о необходимости вступить в переговоры о соглашении с их полком. Сначала мы не решались, но когда получили достоверные сведения, что на нас, кажется, из Балашова, двигаются казаки (очень возможно, что они двигались на выручку своего арестованного полкового комитета), мы попытались начать эти переговоры. К этому моменту подвернулся тов. Карпов, как оказалось, тоже казак, который предложил свои услуги в качестве посредника между казаками и нами. Мы его снабдили мандатами и отправили навстречу казакам.

Миссия тов. Карпова вполне увенчалась успехом, и 31 октября ему удалось заключить с казаками вполне удовлетворяющий нас договор. В заключении этого договора принимал участие и тов. Штернберг.

Перемирие

Перемирие, об'явленное Ревкомом 29-го, вечером, застало нас в том момент, когда указанный договор тов. Карповым еще не был заключен, но уже намечался.

Ни казаки в Котлах, ни юнкера, оставшиеся в Александровских казармах, не проявляли никакой агрессивности, тем более, что за ними зорко следили 55 полк и михельсоновские рабочие. 29-го положение нельзя было считать особенно блестящим, но отчаянию предаваться не было никаких оснований. Бутиковские ребята вместе с инженером Гиппиусом уже работали над артиллерией. К этому дню Крымский мост был захвачен тов. Бруном. Самый большой во-

прос—недостаток оружия—счастливо разрешился известием о взятии Симоновских пороховых складов и нескольких вагонов винтовок. За доставкой этого оружия немедленно бросились товарищи трамвайцы во главе с тов. Сычевым. Несколько ящиков с винтовками, кажется, уже притащили в штаб. Мне в данный момент трудно установить, когда это было но мне кажется, не позднее 29-го по распоряжению центра к нам прибыла с Ходынки во главе с тов. Блохиным батарея артиллерийского дивизиона «S» с двумя офицерами. Нашей радости не было конца. Мы расположили прибывших в здании райкома. Солдат накормили в студенческой столовой, находящейся там же, и дали им отдохнуть. Офицеров я отправил к себе на квартиру, где они всю ночь разбирались в картах и составляли таблицы. Пушки оказались французской системы, и они очень боялись, что не в состоянии будут разобраться.

Батарея была отправлена на Воробьевы горы, и мне кажется, что она первая открыла стрельбу по Кремлю.

Все это не могло не создать в районе более или менее твердого настроения. Поэтому об'явление перемирия было встречено довольно несочувственно. В штаб то и дело поступали протесты против об'явления перемирия и жалобы, что юнкера нарушают условия перемирия и стреляют в нас. Но, признаться, мне кажется, что нарушений условий с нашей стороны было гораздо больше, чем со стороны противника. По истечении срока перемирия бой возобновился еще с большей энергией и ожесточением.

Новые члены штаба

Очень сожалею, что никак не могу восстановить в памяти дату такого чрезвычайно знаменательного для нашего района факта, как прибытие в наш район тов. Штернберга на постоянную работу в штаб. Мне кажется, он к нам пришел не раньше 30 октября, хотя в качестве гостя он заглядывал к нам и раньше. С тов. Штернбергом я находился в самых близких товарищеских отношениях еще до Октября. С его приходом я почувствовал себя гораздо крепче. Вместе с величайшей мягкостью и благородством, он обладал большим спокойствием и уравновешенностью. Он был тверд в работе, решителен и непоколебим, как истый революционер. Этими качествами он наполнил атмосферу штаба; он был против переговоров с белогвардейцами и стоял за более решительные действия. В частности, по вопросу о бомбардировании Кремля он настоятельно требовал от Революционного комитета разрешения этого вопроса без всякой затяжки. Вслед за тов. Штернбергом, не то в тот же

день, не то на следующий, прибыл к нам и тов. Волин (Фрадкин), и таким образом наш штаб пополнился двумя крупными работниками. Оба они, конечно, вошли в штаб и приняли живейшее участие в работе. Руководителем штаба был тов. Штернберг. После этого штаб приобрел более оформленный характер, и работа расширилась значительно. Формирование резервов для пополнения частей и их смены должно было принять более систематический характер. Вместе с тем необходимо было правильнее наладить и продовольственный вопрос. Расширились также и другие отделы. Так, для хранения и распределения оружия и обмундирования пришлось занять здание электротеатра «Великан».

После перемирия положение на фронтах приняло ожесточенный характер. Подробнее о состоянии фронтов известно тт. Файдышу, Сычеву, Пану, Мышкину и другим товарищам. Здесь я ограничусь несколькими словами. У всех мостов белогвардейцы имели крупные силы. У них была масса пулеметов и бомбометов, из которых, почти не переставая, обстреливали нашу сторону. Они то и дело делали попытки наступления для овладения мостами. Однажды несколько белогвардейцев проскочили на автомобиле через Москворецкий и Чугунный мосты и пустились, стреляя залпами, вдоль по Пятницкой улице, желая, видимо, произвести панику и в суматохе захватить мост. Но мы не растерялись, дали им решительный отпор и заставили их повернуть обратно, бросив автомобиль.

Неоднократные попытки к наступлению были и у Каменного моста, где геройски отбивались группы рабочих центральной трамвайной электрической станции.

Но особенно серьезные и ожесточенные бои были в направлении Остоженки. Здесь наши части с мужеством и самоотвержением бросились в атаку, заняли Крымский мост и распространились вдоль берега, двигаясь по Остоженке в направлении к штабу белогвардейцев.

Тут открылась чисто позиционная война. Белогвардейцы, которым грозила смертельная опасность захвата их штаба, сосредоточили лучшие юнкерские части, вырыли траншеи по всем направлениям и поставили массу пулеметов и бомбометов. Наши засели шагах в тридцати или сорока также в траншеях. Завязалась ожесточенная перестрелка.

Кроме Бруна, здесь бились тт. Мышкин, Сычев Николай, Добрынин и др. Особенную энергию, находчивость и инициативу, насколько нам в штабе было известно, проявляли тт. Мышкин и Добрынин. С такой же самоотверженностью действовал санитарный отряд, среди которого выделялась сестра милосердия, курсистка Коммерческого института тов. Лисинова, активная работница нашего района еще до Февральской революции.

Почти всегда погибают наиболее храбрые и самоотверженные. 1 ноября не стало ни тов. Добрынина, ни тов. Лисиновой. Я прекрасно помню, как тов. Добрынин еще накануне своей гибели, весь красный, со своей львиной гривой и сверкающими веселыми глазами, прибежал ко мне в штаб и сказал: «Тов. Илья, у нас на фронте все хорошо, мы белогвардейцев сюда не пустим, а может быть, скоро возьмем их штаб. Скажите, что еще нужно сделать?»

Я ему предложил организовать рытье окопов с участием возможно большего количества рабочих масс и устроить для этой цели по заводам, фабрикам и площадям митинги. Тов. Добрынин многозначительно приложил палец ко лбу и немедленно помчался. Ему, видимо, особенно понравилась идея массового участия рабочих в деле обороны своего класса. Эта задача была блестяще выполнена тт. Добрыниным и Паном при участии тт. Мышкина, Борисова и других агитаторов.

Победа

Как бы крепко ни держался Замоскворецкий или какой-либо другой район, и какие бы победы они ни одерживали, окончательный исход битв все же зависел от центра. А из центра мы получали тревожные вести: то будто Революционный комитет не выдержал натиска белых и оставил здание Совета и перебирается в район (действительно, в Замоскворецкий район перебрались некоторые товарищи, но, как известно, не из Ревкома, а из партийного центра, и то не все), то броневик белых напал на Совет и занял его, то что-нибудь в этом роде. К счастью для рабочего класса, Ревком не только выдержал напор белых, но и поставил их на колени и вынудил просить мира.

2 ноября мы получаем радостную весть, что мы победили. С Остоженки наши товарищи получили уже печатное извещение об этом, изданное Рябцевым. Трудно описать наше душевное состояние, наше переживание в этот момент. Раньше всего у нас у всех вырвался вздох физического облегчения, ибо мы были настолько переутомлены от восьмисуточного беспрерывного напряженного состояния, что я не знаю, что с нами было бы, если бы еще несколько дней продолжались военные действия. Но одновременно наши сердца были переполнены невыразимой радостью. Ведь мы одержали великую победу, мы ощущаем, переживаем эту победу. Вот она, та, которую мы по книгам изучали десятки лет, лелеяли, добивались тяжелыми жертвами, та победа, о которой мечтали и которую сотни лет до нас предчувствовали и ожидали. Но нужно сознаться, что победа эта не принесла нам успокоения, ибо перед нами встала

грандиозная, пугающая нас задача—удержание этой победы, использование ее результатов. Оказалось, что мы только сбросили машиниста, ведущего нас в пропасть, и овладели машиной. Но попробуйте справиться с ней, повернуть ее и вывести на желанный путь. И какое-то раздвоение: и тяжело, и радостно.

Хочется чем-нибудь ознаменовать этот момент, но ничего не придумаешь. Для манифестации и празднеств еще не настало время. Надо убрать пленных и озаботиться о товарищах, павших в бою. Я растерянно оглядываюсь кругом. В углу стоит наше районное красное знамя. И странно: боевое знамя, этот символ, имеющий задачей вдохновлять нас именно во время битв, было забыто и простояло в углу.

Но хорошо и теперь. И я с одним товарищем везем это знамя и водружаем в наших окопах на Остоженке.

Когда я вернулся в штаб, там никого уже не было. Все ушли отдыхать. Необходимо было набраться новых сил для новой борьбы...

Октябрь победил. Пролетариат был организующей силой Октября, а крестьяне-солдаты его иногда колеблющимися, но все же верными союзниками.

★

Ю. Шиллерт

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ И. ЦИВЦИВАДЗЕ

Дорогой товарищ Илья!

Я очень извиняюсь, что не вернул вам к обещанному сроку, а задержал на несколько дней ваш материал воспоминаний „Об Октябрьских днях в Замоскворечье". Прочитав его, я счел необходимым внести кое-какие поправки в ваше изложение с целью предупредить те неточности, которые могут внести в дело восстановления картины Октябрьских дней излишнюю путаницу. Необходимо, по возможности, облегчить будущему историку его задачу. Полагаю, что для восстановления означенной картины чрезвычайно важное значение имеет установление правильной хронологии событий. От этого в значительной мере зависит то или иное освещение самих событий и в особенности таких, как Октябрьские, где дни можно сравнить с годами, а часы—с неделями или месяцами.

Верно, что „о перевороте в Петрограде мы узнали 26-го утром", но тогда, т.-е. 26-го, в Замоскворечье уже заседал Военно-Революционный комитет. Должен отметить, что Замоскворецкий район своим революционным настроением являлся большим толчком для центра, а для Замрайкома—некоторые местные заводы, в особенности михельсоновцы.

Еще вечером 24 октября, накануне образования Центрального Московского Военно-Революционного комитета, мы в Замрайкоме установили конструкцию и порядок создания нашего районного военно-революционного комитета, а 25-го вечером он уже начал функционировать. Военно-Революционный комитет было решено создать на коалиционных началах: из двух представителей исполкома, где мы уже находились в большинстве и наверняка рассчитывали провести своих, и по одному представителю от советских партий—меньшевиков, левых эсеров и большевиков—всего 5 человек, с нашим обеспеченным большинством. Исполком избрал товарищей Иосифа Коссиора и Витковского, райком делегировал меня, а меньшевики и эсеры своих представителей—двух рабочих, фамилий которых я, к сожалению, уже не помню.

Все руководство делами в районе по советской линии перешло в руки ВРК, а исполком перестал на это время существовать.

Штаб Красной гвардии должен был быть создан на тех же основаниях, как ВРК. От нас в него был намечен тов. Файдыш, и он был избран на собрании представителей заводских дружин начальником штаба. Собрание состоялось днем 25 октября в помещении совета на Калужской площади. В нем принимало участие человек 50, в том числе и я. От эсеров в штаб должен был войти Зитта—интеллигент, и кто-то из меньшевиков; повидимому, от этих горе-революционеров никто в штаб так и не вошел.

Нужно вообще иметь в виду, что с момента образования ВРК и до переезда райкома в помещение совета в районе существовали два центра: на М. Серпуховке и Калужской площади. Что делалось на М. Серпуховке в этот период времени, я не знаю, так как находился неотлучно на Калужской

площади. Вечером 25 октября сконструировался ВРК. Тов. Коссиор был избран его председателем, а я секретарем, и с места в карьер ВРК об'явил свои заседания беспрерывными, так как уже вадвигались решительные события. Должен отметить, что никогда раньше (а позже и речи быть не может) я не имел случая так дружно работать совместно с меньшевиками и эсерами, как те двое суток (до отозвавия их) в ВРК. Ни единого разногласия между членами ВРК не было, несмотря на разношерстный его состав, при разнообразной, интенсивной его работе. Поэтому весьма странное впечатление произвела на всех нас миссия лидера меньшевиков Малкина. Утром 27 октября, чуть свет, в ВРК является Малкин и от имени ЦК меньшевиков заявляет, что партия меньшевиков решила сложить с себя всякую ответственность за дальнейший ход событий в виду безумия лезущих на рожон большевиков, по вине которых переговоры о мирвом улажении конфликта между двумя враждебными лагерями прерваны,—и отозвать своего представителя из ВРК. Нам, большевикам, оставалось только ответить: „Ну, что ж, обойдемся без вас". Вместе с меньшевиками, по собственной инициативе, удалился и представитель эсеров.

Мы остались одни. О том, что переговоры между двумя враждебными сторонами прерваны, мы впервые узнали из уст меньшевика Малкина, и, таким образом его заявление являлось для нас одновременно и предательским ударом в спину и боевым приказом—„к оружию".

В это же утро, скоро после ухода предателей, наши дружинники, которые ночью начали занимать милицейские комиссариаты, привели к ВРК в полном составе все начальство (человек 10) 2-го Пятницкого или Якиманского комиссариата, которых арестовали за несогласие уступить свое место нашим. После небольшого совещания мы решили отпустить их на все четыре стороны с тем условием, чтобы они своего воса не показывали в комиссариат до окончательного определения вопроса о власти в Москве. Остальная часть этого дня прошла более или менее гладко и без боевых столкновений. К вечеру тов. Файдыш расставил свои отряды на разных стратегических пунктах, и в помещении ВРК оставалось в общей сложности человек 15. Вдруг врывается в сильно возбужденном состоянии несколько наших товарищей, кажется, Стрелков, Фельдман и др., с криком: „Что вы тут сидите, когда на Серпуховской площади наших бьют и арестовывают белогвардейцы... скоро окружат ВРК и заберут всех голыми руками". Мигом все вооружились,—кто винтовкой, кто револьвером,—и решено было пойти на выручку всем товарищам.

Помещение ВРК опустело, не оставалось, кажется, ни одного человека. По дороге на Серпуховскую площадь встретили несколько человек наших товарищей, которые наткнулись на группу студентов белогвардейцев, но благополучно отделались. Оказалось, что это райком решил перебраться с М. Серпуховской на более безопасное место, на Калужскую площадь, в помещение ВРК. Райкомовцы и наткнулись на белых. На площади уже никого не обнаружили, и часть товарищей решила итти занять Коммерческий институт, часть вернулась в ВРК. Когда я вернулся в ВРК, то мне товарищи рассказывали о происшедшей панике с битьем стекол и т. п. Утром 28-го, не будучи в состоянии после трех бессонных ночей не только работать или что-либо обмозговывать, но даже двигаться, мы, члены ВРК, посовещавшись, решили по очереди отдохнуть и поспать. Я отправился и беспрепятственно добрался к себе на квартиру около Курского вокзала, на Сыромятнической ул., и пробыл там до обеда следующего дня.

Возвратившись в ВРК, я застал за картой гор. Москвы тов. Штернберга, Цивцивадзе и Волина. На мой вопрос тт. Коссиору и Витковскому, что произошло в мое отсутствие, они в недовольном тоне об'яснили, что явились тов. Илья с тов. Штернбергом и без всяких об'яснений с ними начали распоряжаться делами ВРК, что они рассматривают поведение вновь прибывших товарищей как узурпацию прав членов ВРК, и что считают ваше дальнейшее присутствие в ВРК излишним. Тов. Коссиор собрался отправиться в окопы. Я, соглашаясь с тт. Коссиором и Витковским в том, что вновь прибывшие товарищи поступили неправильно, не столковавшись с членами

ВРК, настаивал на том, чтобы тт. Коссиор и Витковский оставались на своих постах, по крайней мере до совместного обсуждения вопроса о реорганизации ВРК. Я указал на то, что мы только что убедились в том, что нам троим не справиться с этой сложной, беспрерывной и крайне напряженной работой; что уйти с поста мы, как выборные и несущие полную ответственность за все, что делается, не имеем права, и что, наконец, совершенно не важно, кто вытащил теленка из колодца, лишь бы он был спасен. Тов. Коссиор и Витковский под конец согласились со мной, и мы остались, а вопроса о реорганизации ВРК на обсуждение поставить не пришлось,—не до него было,—и он вообще казался неуместным, ничтожным, никчемным. В сказанном скрывается об'яснение, почему тов. Коссиор „совершенно стушевался и абсолютно устранился от руководства". Должен добавить, что первые дни тов. Коссиор очень энергично и не покладая рук работал.

По мере развертывания событий ВРК все рос и расширял свою деятельность: приютившись вначале в одной комнатушке, а в другой, такой же малюсенькой, поместив канцелярию, где в качестве делопроизводителя работала тов. Наджарова и машинистка тов. Соколова, тогда меньшевичка, он постепенно занял все помещение совета, состоявшее из 7 маленьких и двух больших комнат. В последних с самого начала помещался штаб. К 1 ноября и в этом помещении стало тесно, и тогда было решено реквизировать ту часть здания, где в то время существовал ресторан. К вечеру он был занят ВРК и превратился в целое большое учреждение с отделами: продовольственным, транспортным, юридическим, комендатурой, арсеналом и еще какими-то подсобными органами. Большой недостаток чувствовался в отсутствии телефонной связи. Вопрос о приобретении телефонных аппаратов обсуждался 30-го утром. Я вспомнил, что в Лефортовском районе на Семеновской улице, близ Покровского моста, находится аппаратный завод, и имеется масса готовых телефонных аппаратов. Дело в том, что еще в сентябре мне приходилось дважды побывать на этом аппаратном заводе по делу инженера Жилинского, которого рабочие Московского телефонно-телеграфного завода хотели прогнать, и который раньше служил на аппаратном заводе. Познакомился я тогда с членами завкома того завода и знал, что большинство в завкоме является членами нашей партии. И вот было решено сделать попытку реквизировать на аппаратном заводе 50 штук телефонных аппаратов. Мне был дан соответствующий мандат, и в тот же день, 30 октября, я в закрытом автомобиле поехал за ними. Моя миссия увенчалась успехом: товарищи на аппаратном заводе охотно шли мне навстречу, проверили аппараты, чтобы они функционировали, вагрузили в автомобиль 25 штук (больше места не было), я расписался в получении их и благополучно добрался с аппаратами в свой район. Дело было за проводом, но он также нашелся и был реквизирован в каком-то складе в нашем районе. В дальнейшем я работал по налаживанию аппарата ВРК и уже никуда не отлучался.

Вот приблизительно те поправки, которые, однако, как вы видите, превратились „в поправочки", и которые я хотел сделать к вашим воспоминаниям.

Предоставляю на ваше усмотрение воспользоваться ими, как вам заблагорассудится.

★

И. Цивцивадзе

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Представленные при этом мои воспоминания об Октябрьских днях просмотрены следующими товарищами, принимавшими активное участие в перевороте в Замоскворечье: Арутюнянцем, Ротшильдом, Семевовым, Карповым, Шиллертом и Борисовым (Гуревич).

Большинство товарищей делало свои замечания фактического характера на полях моей рукописи; тов. Карпов дал мве свои воспоминания, а Шиллерт прислал мне письмо, в котором отмечает ряд неточностей в моих воспоминаниях. Все фактические указания товарищей, которые я возобновил в памяти и с которыми оказался согласным, я принял во внимание, за исключением некоторых указаний тов. Шиллерта, с которыми я не могу согласиться.

Поэтому я счел необходимым предоставить это письмо в распоряжение Истпарта, сопроводив его моими об'яснениями.

Мне кажется, что тов. Шиллерт прав в отношении срока и состава ВРК, который, действительно, предварительно был намечен райкомом и проведен исполкомом за поскольку дней до начала военных действий, т.-е. 25 октября, в указанном тов. Шиллертом составе. Прав он и в том, что в районе до начала военных действий существовали два центра, но связь между ними была минимальная. Поэтому и понятно, что тов. Шиллерт, как работавший в ВРК, не знает, что происходило в райкоме, точно так же как и мне за два предшествующие военным действиям дня ни разу не приходилось зайти в ВРК, поэтому и не знаю, что там происходило. Знаю только, что все распоряжения центров (партийного и советского) получались в райкоме, и, кажется, важнейшие из них мы передавали в ВРК. Но тов. Шиллерт ошибается глубоко в отношении остальных фактов. Тов. Шиллерт указывает, что о разрыве между двумя враждующими сторонами, — очевидно, между нами и Рябцевым,—они узнали от меньшевика Малкина, но не указывает когда: в день отзыва представителей меньшевиков из ВРК, т.-е. 27-го, или в день разрыва, т.-е. 26-го, вечером. Если 27-го, то это неправдоподобно, так как с вечера 26-го, разрыв был совершившимся фактом, о чем свидетельствовал ожесточенный бой на улицах Москвы. Если же он разумеет 26-е, вечером, то это означает, что мы из райкома не успели передать в ВРК телефонограмму, полученную нами из центра, которая извещала нас о разрыве и о начавшихся боевых действиях и предлагала принять соответствующие меры.

Неправильно тов. Шиллерт представляет, будто столкновение с юнкерами на Серпуховке у нас было 27-го, и будто этот день (до вечера) „прошол более или менее гладко и без боев“. Видимо, тов. Шиллерт думает, что днем начала военных действий было не 26 е,—что уже установленный и ничем не оспариваемый факт,—а 27-е, так как столкновение с юнкерами у нас произошло сейчас же после официального разрыва в центре. Картина совершенно ясна. Отряд белых студентов Коммерческого института, вооруженный Рудневым, получив извещение из своего центра, выслал патруль, который через Б. Серпуховку направился на Серпуховскую площадь, где

и столкнулся с нами, шедшими из райкома в ВРК. Очевидно, тт. Стрелков и Фельдман шли несколько впереди меня и Борисова и раньше прибежали в ВРК. Патруль белых пошел дальше по М. Серпуховке в направлении райкома и у Стремянного переулка столкнулся с отрядом тов. Макса. Этот эпизод совершенно правильно описан у тов. Карпова.

Паника, описанная мною, была вовсе не в тот вечер, когда произошло столкновение, как говорит тов. Шиллерт, но на несколько дней позднее, и при этом это было днем, а не вечером.

Совершенно неожиданным для меня является об'яснение устранения тов. Коссиора от работ в ВРК. Неправдоподобным кажется, что тов. Коссиора, человека чрезвычайно энергичного и настойчивого, помимо его воли и без всяких оснований мог бы кто-нибудь устранить.

Я утверждаю, что после столкновения с юнкерами на Серпуховке состоялось заседание ВРК, на котором присутствовал тов. Будзинский, в полном составе, т.-е. с Коссиором вместе, и я. как не член ВРК, не счел даже возможным принимать участие на заседании, а стоял скромно в дверях. Но после заседания и ухода тов. Будзинского тов. Коссиор куда-то ушел, кажется, на боевые линии, в виду неблагоприятных для нас сведений, и больше я его не видел. А тов. Шиллерт, как он сам говорит, ушел отдыхать и вернулся только 29-го. Ясно, что мы, активные работники района:—я, Ротшильд, Файдыш и Витковский,—видя, что комитета не стало, не могли остаться безучастными и вынуждены были занять его место. Это произошло совершенно естественно и без всяких предвзятых намерений. И во всяком случае никто из нас представления не имел, что мы „узурпируем“ чьи-то права.

★

В. Карпов

ОКТЯБРЬ В ХАМОВНИКАХ *)

Московское восстание

Октябрьское восстание в Москве характеризуется мощным и стихийным под'емом рабочих и солдатских масс против буржуазии, возглавляемой в то время контр-революционным офицерством—душой подавления московского Октября,—и против соглашателей-эсеров, тесно, в лице городской думы и ее председателя Руднева, связавшихся с буржуазией в совместной кровавой борьбе на улицах Москвы с рабочими и крестьянами и солдатами старой армии.

Начиная с Февральской революции, вплоть до октября развертывается и непрерывно растет руководимая большевиками политическая борьба пролетариата и середняцкого и бедняцкого крестьянства под лозунгом «мира, земли и хлеба» против урезывания и уничтожения революции.

Политические партии, пользуясь небывалой до того свободой слова, печати, союзов и т. д., ведут напряженную политическую борьбу. Особенно удачно ведут ее большевики.

Экономические требования рабочих, безудержная тяга солдат к миру и в деревню, на дележку помещичьей земли, обнищание и тяжелый продовольственный кризис страны, угрозы буржуазной и генеральской контр-революции и соглашение с нею за спиной революции коалиционного Временного правительства и плетущихся за коалицией меньшевиков и эсеров,—все используется большевиками для политической подготовки Октябрьской революции.

В свою очередь буржуазные политические партии и организации и мелкобуржуазные соглашатели напряженно борются против нарастающей революции и пытаются организовать свои силы.

---

[1]) О редакции: По заявлению т.т. Н. Ангарского и Соврасова, в статье Карнова (которая печатается после смерти автора) имеются некоторые неточности, главным образом в отношении дат. В виду того что заявление поступило после верстки сборника, Истпарт был лишен возможности документально проверить и выяснить спорные места.

Но буржуазии удается организовать только самое себя непосредственно, интеллигенцию, офицеров, юнкеров и студентов.

У соглашателей же дело обстоит значительно хуже. Шедшие вначале за ними трудящиеся массы переходят к большевикам; и соглашатели постепенно становятся генералами без армии, или, вернее, с ничтожной армией части интеллигенции и зажиточного крестьянства.

Но все же к Октябрю обе стороны политически подготовлены хорошо.

Совсем не так дело обстоит с военной подготовкой революции и контр-революции, особенно в Москве. Высшее командование армией, представляя интересы наиболее реакционного дворянства и крупной капиталистической буржуазии—Рябушинских, Гучковых,—не имеет возможности после неудачной попытки мятежа Корнилова планомерно организовать достаточные вооруженные силы для непосредственного военного подавления восстания рабочих.

В кругах средней и мелкой буржуазии еще отсутствует понимание мощности пролетарской революции и неизбежности разрешения социальных вопросов только оружием.

Сменившее, с легкой руки Керенского, старых царских генералов на высших командных постах внутри России молодое офицерство, преимущественно соглашательское, не верило в возможность серьезного вооруженного восстания пролетариата. Оно ожидало в крайнем случае повторения июльского восстания, с которым можно легко справиться обычными карательными мерами, и потому, недооценивая силы противника, серьезно не готовилось к новому восстанию.

В свою очередь и большевики еще не вполне осознали неизбежность ожесточенной и вооруженной борьбы за захват и удержание государственной власти. Иллюзии о мирном или почти мирном совершении революции значительно господствовали в партии, особенно в Москве, которая не испытала кровавых предметных уроков Петрограда в Февральскую революцию и в июльское восстание.

Поэтому собственно военная планомерная подготовка вооруженного восстания в Москве не велась. Плана восстания, его боевых действий, учета вооруженных сил своих и противника и изучения города для боя не было. Не было продумано развертывание небольших ячеек Красной гвардии в сравнительно крупные отряды, а также захват достаточными силами важных государственных и городских учреждений, арсеналов, складов огнеприпасов и продовольствия и вооружение и питание восставших.

Октябрьская революция—до известной степени захватила в Москве всех врасплох. Нужно было драться на улицах, к бою никто не был готов. Восстание в Москве победило

только благодаря неудержимо нарастающему в самом восстании порыву трудящихся масс и благодаря неорганизованности, неподготовленности и сравнительно слабой численности противника.

Бои восставших в октябре в отдельных районах Москвы,— это эпизоды всего московского восстания; они также характеризуются порывом, неорганизованностью и стихийностью.

Стягивание командующим Московским военным округом полковником Рябцевым к центру города своих вооруженных сил; наличие на окраинах, в Хамовниках, у Смоленского рынка, 5-й школы прапорщиков, в Лефортове—Алексеевского военного училища и Москва-река, как сильный местный рубеж, разделили уличные бои в городе на ряд отдельных изолированных участков:

1. Городской—в центре города. К нему же следует отнести Пресню, ведущую совместные с центром боевые операции у Никитских и Арбатских ворот.

2. Замоскворечье и Хамовники—по Москва-реке; по Остоженке и Пречистенке, против штаба округа, и у Смоленского рынка, против 5-й школы прапорщиков.

3. Лефортово, ликвидирующее Алексеевское военное училище.

Остальные районы, так же как и прибывающие из провинции отряды солдат и красногвардейцев, служили резервом, питающим главным образом бои в центре города.

В Хамовниках

В Хамовническом районе были заводы: Второва (до 8.000 рабочих), Уваровский парк (до 2.000), завод «Каучук» (500), фабрика Гивартовского (около 300), Брянский вокзал (до 2.000). Рабочие шли за большевиками; солдаты сочувствовали большевикам. Партийная работа велась энергично, но сил нехватало. Особенно это сказывалось па Дорогомиловском районе, отделенном от Хамовнического района Москва-рекой с единственным через нее Дорогомиловским мостом, являющимся в сущности подрайоном Хамовников. Дорогомилово, со слабым промышленным пролетариатом, за исключением Брянского вокзала (всего 6.000—7.000 рабочих, распыленных по мелким предприятиям), было населено главным образом городской беднотой и ремесленниками.

В Хамовниках перед Октябрем совет имел большевистское большинство.

Но в Дорогомилове прошли перевыборы только в совет, исполком совета еще не переизбран, и в нем господствовали эсеры и меньшевики.

193 полк, стоявший в Хамовнических казармах, был под влиянием большевиков, но еще не вполне изжил и влияние соглашателей и потому несколько колебался и не сразу дружно выступил по призыву Военно-Революционного комитета. Остальные, более мелкие воинские части—команда выздоравливающих в Дорогомилове, батарея «Е» 4 отдельного тяжелого дивизиона в Бутиковских казармах на Предтеченской набережной—были так же, как и 193 полк, под большевистским влиянием.

Бульвар Садового кольца как бы делил Хамовники на две части и служил границей между пролетарскими кварталами, расположенными к окраине, и буржуазными, расположенными к центру, вдоль Остоженки, Пречистенки и Арбата.

Сборными пунктами контр-революции были: штаб округа—на Остоженке и Пречистенке, 5-я школа прапорщиков у Смоленского рынка и Александровское военное училище, расположенное близ района на Арбатской площади. Высшие женские курсы, не имеющие мужского боевого материала, нужной опоры буржуазии дать не могли.

Красная гвардия. Вооружение района

Начало возникновения Красной гвардии в Москве (не считая дружинников 1905 г.) относится ко времени непосредственно после Февральской революции. Частичное вооружение рабочих началось в феврале при ликвидации полиции и выводе войск из казарм восставшими.

Материалы об организации Красной гвардии Хамовнического района отсутствуют. Красная гвардия в Хамовниках начала организовываться в июне и июле, и главным образом после корниловского восстания.

С вооружением в районе дело обстояло из рук вон плохо. Член Хамовнического ВРК тов. Ангарский в своих воспоминаниях пишет: «25/X мы располагали в районе дюжиной старых винтовок» [1]). Начальник Красной гвардии на вопрос, «сколько он может выставить вооруженных людей», едва мог насчитать два десятка человек, но надо думать, что все же у рабочих на руках после Февральской революции находилось еще немного оружия, не числящегося на учете начальника гвардии.

Известно также, что на наиболее большевистски настроенном заводе района «Каучук» накануне восстания было оставлено на дежурство 50 красногвардейцев, у которых имелось «двенадцать старых австрийских ружей».

---

[1]) Сборник „Хамовники в Октябре“, стр. 2.

В Дорогомиловском районе перед самым Октябрем было организовано «десятка 2—3 красногвардейцев, добыли несколько винтовок и приступили к обучению».

Пред'октябрьские дни

24 октября командующий Московским военным округом полковник Рябцев, в связи со слухами, «будто бы округу, в частности в Москве, кто-то откуда-то и чем-то грозит, и что «эти слухи волнуют и без того взволнованное население и еще более сгущают напряженную атмосферу», опубликовывает приказ по округу: «Заявляю, что никакие погромы, никакая анархия не будут допущены, в частности в Москве они будут раздавлены верными революции и народу войсками беспощадно. Сил же на это достаточно» [1]).

Но события развертываются своим чередом. Московские большевики держат курс на «восстание», принятый сначала 10 октября ЦК партии в Петрограде, а затем через несколько дней в Москве на областном бюро партии. 24 октября городская конференция партии в Политехническом институте принимает резолюцию, ставящую восстание в порядок дня. В тот же день пленумом Московского Совета принимается, наконец, почти после месячной борьбы большевистской фракции с меньшевиками и эсерами устав Красной гвардии (374 голосуют за устав, 8—против, 27 воздерживаются; эсеры в голосовании участия не принимают).

25 октября Московский Совет выбирает ВРК (семерку) в составе 4 большевиков, 2 меньшевиков и 1 об'единенца. Эсеры вновь отказываются от участия в голосовании. Меньшевики входят в ВРК для продолжения борьбы с большевиками внутри Революционного комитета. Эсеры и исполком совета солдатских депутатов уходят в городскую думу. 25 октября в Москве получается директива ЦК партии большевиков: «25 октября взять власть в свои руки; солдаты и матросы за нас, ведите агитацию на фабриках и заводах».

26 октября городская дума совместно с исполкомом совета солдатских депутатов, советом крестьянских депутатов и офицерскими организациями организует боевой орган контр-революции—Комитет общественной безопасности, который берет на себя организацию вооруженной борьбы с ВРК. В противовес эсеровскому исполкому совета солдатских депутатов, давно не переизбираемому, не отражающему настроения солдатских масс и открыто перешедшему на сторону контр-революции, большевики днем 26 октября созывают первую конференцию ротных, полковых, батарейных и команд-

---

[2]) Из дел ВРК архива Октябрьской революции.

ных комитетов гарнизона, которая постановляет поддерживать ВРК.

ВРК отдает приказ всем районным комиссарам: «Все красногвардейцы должны быть в полной боевой готовности. Невооруженные должны немедленно следовать к Совету в распоряжение ВРК».

25 и 26-го Рябцев стягивает школы прапорщиков в центр и 26 октября окружает юнкерами Кремль, не дает большевикам вывозить на грузовиках оружие из кремлевского арсенала и требует вывода из Кремля революционного 56 пехотного полка и замены его юнкерами.

В 8 ч. 45 мин. 26 октября Москва получает радиотелеграмму петроградского ВРК: «Петроградский гарнизон и пролетариат свергнул правительство Керенского, восставшего против революции и народа. Переворот, упразднивший Временное правительство, произошел бескровно».

27 октября в большевистской газете «Социал-Демократ» об'является приказ ВРК: «Гарнизону быть в боевой готовности, исполнять приказы только ВРК».

27 октября идут переговоры между Рябцевым и ВРК. По настоянию Рябцева из Кремля выводится рота 193 полка, накануне введенная ВРК в Кремль на усиление 56 полка.

2-я конференция частей гарнизона требует со стороны Рябцева и Комитета общественной безопасности прекращения провокации гражданской войны, в противном случае обещает силою оружия подавить провокацию буржуазии.

Собравшийся вечером большевистский совет районных дум на Сухаревке постановляет поддержать ВРК.

Вечером 27 октября Рябцев пред'являет ВРК ультиматум сроком в 15 минут, требуя ликвидации ВРК, вывода из Кремля 56 полка и сдачи оружия.

ВРК отвечает отказом. Начинаются боевые действия.

25 октября в Хамовниках организовался ВРК в составе: Лихачева, Ангарского, Савельева и Совrасова. Но чрезвычайного комиссара в Хамовники, как это было сделано по отношению ко всем другим районам Москвы, ВРК Моссовета не назначает.

26-го Красная гвардия также приводится в боевую готовность. С утра 26-го выставляются посты красногвардейцев— по 10 человек на Крымской площади, на Зубовской, на Смоленском бульваре, близ Сенной площади и на стрелке на Плющихе, близ Девичьего поля, для задержания «всех, кто будет появляться близ ревкома (находящегося в д. № 13 по Б. Царицынской улице) без его разрешения, а также вообще в районе, и задержанных доставлять в ревком» [1]). Так как вооружения в районе собственно не было, то «воору-

[1]) Сборник „Хамовники в Октябре", стр. 15.

жаться мы начали путем разоружения офицеров. Война не была об'явлена, но военные действия развертывались»,—пишет в своих воспоминаниях тов. Ангарский. «Патрули арестовывали и вели в совет всех военных и по внешнему облику похожих на офицеров: военных врачей, отставных генералов и так далее».

Дорогомиловский совет также 25-го выбирает свой ревком в составе тт. Фаслера, Близа, Шломина, Медниса, Панова. Меньшевик Кабинков от имени соглашательского исполкома пытается закрыть совет, но его «выставляют» и «отбирают у него наган» [1]).

Хамовники, имеющие небольшие силы, не могут помочь Дорогомилову и потому приказывают дорогомиловским «красногвардейцам и ревкому влиться в Хамовники» [2]).

Утром 26 октября тт. Федосов (начальник гвардии в Хамовниках—беспартийный рабочий), Панов и Панченко, «не мирясь с постановлением Хамовников, организуют самостоятельный ревком». Создается «Комиссия для конфискации оружия на Брянском вокзале у приезжих офицеров. Отобрали 12 револьверов и 1 винтовку» [3]).

Ультиматум Рябцева послужил сигналом к боевым действиям, так же как и во всех районах, в Хамовниках и Дорогомилове.

Тактические формы. Применение техники

Влияние брошюры о тактике уличного боя, составленной большевиками в 1905 г. и рекомендующей тактику партизанской борьбы мелкими подвижными и трудно уловимыми отрядами, а также и память старых бойцов декабрьского восстания в Москве в 1905 г. о прежних формах уличных боев оказали свое влияние на уличные бои Октября. С другой стороны, солдаты, участвовавшие в восстании, принесли с собою с германского фронта навыки позиционной войны и любовь к окопам. Импровизация и необученность красногвардейских отрядов, в которых большинство красногвардейцев в первый раз в жизни держало винтовку в руках, нежелание солдат наступать, о чем речь будет дальше, и стихийность всего восстания не позволили сложиться в восстании определенным и законченным тактическим формам. Красногвардейцы действовали редко дружинами,—обычно десятками, большею частью неполными, и реже—совершенно перемешанными людьми различных дружин. Солдаты дей-

1) Сборник „Хамовники в Октябре“, стр. 5.
2) То же, стр. 5.
3) То же, стр. 5.

ствовали отрядами из рот и взводов, конечно, численно очень небольшими, и часто отдельными людьми. В боях за дома играла большую роль высота дома. Противники всегда старались занять за собою высокие, особенно угловые дома. В тактике красных было соединение партизанской тактики уличного боя с его действиями мелкими подвижными отрядами в домах, с пассивностью позиционной войны. Между тем, явный перевес сил, главным образом в последние дни боев, при безусловном превосходстве в артиллерии, особенно тяжелой, требовал наступления сильными отрядами прямо по улице, а лучше по незанятым или слабо занятым переулкам, главным же образом—наступления через дома и дворы не крохотными, а сравнительно сильными отрядами.

Юнкера, также не подготовленные к восстанию и вообще незнакомые с формами уличного боя,—в старом полевом уставе об уличном бое ничего не говорилось, а специальной инструкции по этому вопросу штаб округа, видимо, своевременно издать не догадался,—несмотря на общую свою сравнительно высокую военную подготовку, вели бои на улицах Москвы пассивно и неумело.

Только отдельные отборные отряды, как двинцы—на Красной площади—и ударники прапорщика Петрова—на Дорогомиловском мосту,—действовали лихо, энергично и искусно. В массе же у сражающихся противников—пассивность, а у восставших часто, кроме того, героизм неорганизованного коллектива или отдельных лиц.

Решающее значение применения артиллерии, особенно тяжелой, уже было отмечено. Ошибкой руководящих органов восставших было позднее и с некоторыми колебаниями введение в дело тяжелой артиллерии. В этом отношении Замоскворечье, настоявшее на открытии огня тяжелой артиллерии по Кремлю, поступило правильно, решительно и революционно. Интеллигентское слюнтяйничество в напряженный и решающий момент революции оказалось чуждым работникам ВРК Замоскворечья.

Но практически применение артиллерии встречало громадные трудности. Офицеров на батареях не было. Прицельные приспособления с большинства орудий были заблаговременно сняты скрывшимся с батарей офицерством; таблицы для стрельбы тяжелой артиллерии были спрятаны, а главное—не было командиров, могущих вести артогонь.

В результате, когда взвод легкой артиллерии от Хамовнических казарм открыл огонь по противнику, то первые снаряды рвались в тылу наших позиций. Одним из таких снарядов в тылу остоженских позиций в своей квартире был ранен в ногу бывший главковерх ген. Брусилов. Но к концу боев та же батарея, пристрелявшись, удачно вела огонь по Кремлю и штабу округа. Особенно удачно действо-

вала батарея с Пресни по 5-й школе прапорщиков, изрешетив своими снарядами здание школы. Удачны также были попадания тяжелой артиллерии в Кремле.

Трудно было со снарядами, особенно для тяжелой артиллерии. Так, Замоскворечью пришлось прибегнуть к помощи инженера-химика, пришедшего в ВРК и предложившего свои услуги по снаряжению тяжелых снарядов. Инженер был направлен на снаряжательный завод Второва, с успехом выполнил эту работу, и первое время тяжелые орудия стреляли такими «самодельными» снарядами.

Бомбометы и у нас и у юнкеров имели широкое и удачное применение. Большим их недостатком было малое фугасное действие. Тяжелые минометы на их месте принесли бы несомненную пользу.

Сказывалось также отсутствие у противников ручных пулеметов и автоматов с их подвижным и гибким огнем,— они широко могли применяться в обходах через дома и для стрельбы партизан с чердаков и форточек в тылу противников. В этом отношении тяжелые станковые пулеметы для уличного боя недостаточны. Они со своим мощным настильным огнем хороши для обстрела улиц, главным образом из окон нижних этажей или из окопов.

Броневик много содействовал первое время некоторому успеху юнкеров у Смоленского рынка. Будь у юнкеров много броневиков и действуй они ими энергично и сразу, пока еще не были перерыты улицы, они могли бы сыграть очень крупную роль.

Активная и пассивная борьба с ними восставших—метание гранат и перерывание улиц—верные и единственно тогда возможные способы борьбы восставших с броневиками.

Применение блиндированных трамвайных вагонов для боя не выдерживает никакой критики. Перебитый трамвайный провод сразу лишает жизни такой импровизированный броневагон, а следовательно, выводит его из строя. Но трамваи в своем тылу, если трамвайная электрическая станция тоже у себя в тылу и работает, могут принести неоценимую услугу по перевозке тяжестей, строительного материала на позиции, огнеприпасов и продовольствия, что они с успехом сделали в Замоскворечье и Хамовниках.

Авиация имела в Москве чрезвычайно ограниченное применение из-за отсутствия своих летчиков у восставших и плохого состояния части; предполагали ей дать задачу бомбардировки и корректирования огня по Алексеевскому училищу и разведке города.

31 октября поднялся один аэроплан Ходынского аэродрома, перешедшего на сторону восставших. Над Воробьевыми горами мотор аэроплана отказался работать. И летчик, обнаружив на Воробьевых горах солдат и упряжки, видимо,

прибывшую туда тяжелую артиллерию, принужден был возвратиться на аэродром.

В центре города восставшие достали прожекторы, которыми с 3—4-го дня восстания начали освещать небо, ощупывая его, не появились ли белогвардейские аэропланы, возможность прилета которых с фронта не была исключена. Эти прожекторы только вводили восставших в сомнение. Так, Замоскворечье, не предполагая, что у нас может быть такая богатая «техника», с неудовольствием запрашивает ВРК Моссовета: «Чьи эти прожекторы, и зачем они светят?»

Разведка

Войсковая разведка в уличном бою часто стеснена. Только на короткие расстояния, через дома и дворы, может она работать. Но зато широко может применяться агентурная разведка. Женщины, мальчики и граждане, переодетые «под противника», с успехом разведывали в районах.

В Замоскворечье красногвардейцы задержали однажды около ревкома сестру милосердия, которая затем оказалась белогвардейской шпионкой. У Малого Каменного моста разведчицами работали 2 девушки-большевички, интеллигентный вид которых не вызывал никаких подозрений у юнкеров. В Хамовниках работницы «специализируются» на разведке и сообщают бойцам необходимые сведения. Они разведывают юнкеров у Крымского моста в ночь на 28 октября. Целая организация женщин-разведчиков работает при Хамовническом ревкоме.

Пролетарские мальчишки, своевременно уведомившие красных на Пречистенке об обходе юнкеров через Левшинский пер., спасли красных от окружения и уничтожения на пречистенских позициях.

Переодевание под врага, или «большевистское сердце под буржуазной одеждой», вводило противника в обман и значительно облегчало разведку.

«Белогвардейская организация действует во-всю. У них весь штаб, у них контр-разведка. У них интеллигенция. Они забирают мандаты у пленных рабочих. С этими мандатами студенты и курсистки являются к нам. Выведывают у нас, что можно, и отправляются обратно к своим. Семь таких белогвардейцев пытаются с ложными мандатами получить с наших складов оружие и снаряды. Случайно их обман раскрывается, и они арестованы».

При разведке всегда юнкерам давались точные сведения буржуазией, которая часто разведывала для них. Красным те же сведения давались пролетарским населением. Буржуазия всячески укрывала у себя юнкеров-разведчиков или

«вольных» стрелков из форточек по восставшим, а работницы и рабочие указывали красногвардейцам, где и из каких окон идет стрельба.

Управление и связь

В Хамовниках и Дорогомилове,—всюду, где велись бои, вся власть гражданская и военная была сосредоточена в руках ревкомов, и последние в общем хорошо справились со своей задачей. Члены Дорогомиловского ревкома благодаря слабости сил района, где каждая единица была на учете, кроме общего руководства, были одновременно и первыми бойцами в бою, особенно член ревкома—женщина, тов. Ванторина, удерживавшая своим отрядом Дорогомиловский мост; в этом—некоторый недостаток управления и организации района, но и громадная революционная заслуга. В ревкомах иногда функции отдельных работников перемешивались, но это вызывалось самым размахом событий и особенных трений не создавало.

В Хамовниках боевые операции, главным образом, но не полностью лежали на члене ревкома тов. Савельеве.

Начальники красногвардейцев и их районные штабы были как бы подсобными исполнительными, входящими в штаб ВРК органами. Начальники Хамовнической Красной гвардии тов. Лысов и Дорогомиловской—тов. Федосов, все время находились непосредственно в бою.

Стихийность восстания в первую голову сказалась на недостатках управления. Эта же стихийность и единство цели и горячее желание победы об'единяли действия разрозненных отрядов.

С военными специалистами, особенно так остро необходимыми в артиллерии, в районах дело обстояло плохо. Большею частью офицеров совершенно не было. Командование ложилось на командиров-самоучек из среды большевиков и рабочих. Командиры отрядов и участков были ранее выборные начальники десятков и дружин, теперь же назначаемые ревкомом.

Часто таких друг другу неподчиненных начальников и отрядов было несколько на одном участке, но единство цели, классовое сознание и революционный порыв об'единяют их действия.

Захват юнкерами городской центральной станции лишил районы в полной мере пользования городским телефоном—все советские, общественные, заводские, частные большевистские телефоны оказались выключенными, но частные буржуазные телефоны работали. Пришлось занимать буржуазные квартиры своими постами связи, большею частью жен-

щинами-большевичками, которые реквизировали на время буржуазный телефон и поддерживали связь по районам и с центром.

Красногвардейцы и солдаты

Красногвардейцы-рабочие и крестьяне-солдаты в ожесточенных боях пролетарской революции вместе идут на борьбу, вместе борются у баррикад и вместе умирают. Но все же разница между ними большая. Рабочий-красногвардеец, не обученный, не умеющий обращаться с винтовкой, весело и крепко постукивающий о пол прикладом заряженной винтовки, не поставленной на предохранитель, и удивляющийся ее неожиданному выстрелу, часто ранящий себя или товарища нечаянным выстрелом,—весело и с уверенностью в успехе или без мысли о смерти и поражении идет в бой. Он воспитан в трудовом коллективе на фабрике и заводе и захвачен интересами и порывами этого коллектива. Он спокойно и выносливо переживает лишения, неудобства и часто неудачи. Он более стоек и даже, пожалуй, менее впечатлителен; он не митингует, а выполняет полученное приказание, но в то же время он всегда сознательный, самостоятельный и свободолюбивый и независимый человек.

Солдат-крестьянин больше живет порывом; порыв же его короток. Он инертен, устал, в нем нет бодрости красногвардейца. Он не хочет уступить уже существующей свободы, ему нужна земля и мир от изнурившей его войны на фронте; но ему не хочется умирать ради этого, и он—профессионал военного дела—колеблется итти на смерть. Фронтовая формула солдат-окопников 1917 г.—«позиций не сдадим, наступать не будем»—часто применялась солдатами и в уличных боях Москвы, когда солдаты иногда говорили: «Пусть вперед наступать идут красногвардейцы. Мы наступали на фронте. Теперь их черед».

Один из бойцов остоженских позиций так вспоминает о солдатах 665 дружины: «Солдаты неохотно шли в бой. Они были за нас,—мы не сомневались,—но ни революционного энтузиазма, ни особого мужества и геройства. Так, вяло, колеблясь, критикуя все и вся».

Обеспечение внешнего порядка

Бои велись не только на позиции. В тылу из форточек, с чердаков все время велась стрельба буржуазией. Днем она ослабевала, ночью усиливалась. Во время наступления юнкеров на позициях, как это было в Хамовниках при наступле-

нии юнкеров по Смоленскому бульвару, буржуазия из окон открывала по красногвардейцам сильный огонь. Около позиций такой—чаще всего одиночный—огонь из форточек тушился залпами солдат и красногвардейцев по подозреваемым в стрельбе окнам. По районам ходили, кроме того, сильные патрули из 5—10 человек, которые следили за внешним порядком и производили обыски в подозреваемых домах, отбирали оружие и арестовывали виновных. Но часто такие обыски деморализованных солдатских патрулей приводили к «разведке» плохо лежащего частного имущества на обыскиваемых квартирах. Поэтому ревкомы старались не допускать обысков не уполномоченными на то лицами, но, конечно, это не вполне удавалось. Под предлогом обысков для отобрания оружия «две роты, 11 и 9 (193 полка), были вконец деморализованы «разведкой», не слушали приказаний и вместо действительной разведки грабили квартиры; им помогали солдаты из лазаретов и всякий примазавшийся к революции сброд» [1]).

Агитация. Политическая работа

Агитация на фабриках и заводах и среди солдат не прерывалась. Она велась так же широко, как и в предоктябрьские дни; но речи агитаторов были коротки, сжаты, полны порыва и призыва на немедленные действия. Сконфуженные противники—эсеры и меньшевики—не смели выступать, да им и не давали этого делать рабочие. Но агитация проявлялась не только в словах, а в кипучей организационной работе восстания. Рабочие захватывались этой работой, рыли окопы, реквизировали и распределяли продовольствие, шли в отряды драться на улицах, а работницы шли санитарками в окопы. Классовое единство и самосознание были настолько сильны, что большинство рядовых рабочих эсеров и меньшевиков с винтовкой в руках дралось против войск эсеровской городской думы и Комитета общественной безопасности, говоря, что, когда решаются судьбы рабочих, они не могут сидеть сложа руки или бороться против пролетариата.

Все же нельзя не отметить, что затяжка боев, а также перемирие с юнкерами тяжело отражались на настроении масс, создавая некоторую неуверенность в своем успехе, с которой, а особенно с лживыми слухами о разгроме советских войск в Петрограде, распускаемыми буржуазией, приходилось бороться.

Вот пример такой лжи—радиотелеграмма Никитина от 1 ноября:

---

[1]) Дело ВРК из архива Октябрьской революции.

«В распоряжении Керенского собрана армия в 200.000 человек казачьих частей. Части Керенского заняли Петербург. На улицах Петербурга порядок» [2]). В противовес телеграмма тов. Муравьева, главнокомандующего войсками, действующими против Керенского, рисующая действительное положение вещей: «30 октября в ожесточенном бою под Царским Селом революционная армия на-голову разбила контрреволюционные войска Керенского» [1]).

После этих двух радиотелеграмм представляется не совсем понятной депеша, переданная, очевидно, с запозданием, в половине первого часа ночи на 1 ноября на Москву по адресу Викжеля и всем районным комитетам: «Получена из Петрограда телеграмма министра внутренних дел Никитина. События в Петрограде развиваются благоприятно... Керенский с войсками приближается к Петрограду. В петроградских войсках колебание. Телефонная станция занята юнкерами. В городе происходят стачки. Население относится к большевикам с ненавистью. Комитет спасения принимает меры изолирования большевиков. Временное правительство принимает меры к восстановлению деятельности всего правительственного аппарата при полной поддержке служащих. Широко опубликуйте в России. 657 лч. Никитин».

Поэтому неудивительно, что буржуазные газеты реквизировались на улицах районов. Эсеровские и меньшевистские имели хождение, но изредка также реквизировались красногвардейцами. Это были правильные меры собственного самосохранения.

Меньшевики в тяжелую минуту напряженной уличной борьбы призывали рабочих воздержаться «от братоубийственной бойни» и тем, гася боевой порыв восставших, работали на-руку открытой контр-революции.

Печатная агитация в районах облегчалась тем, что в дни Октябрьских боев большевистская газета «Социал-Демократ» и «Листок социал-демократа», изд. Замоскворецкого района комитета большевиков, печатались в Замоскворечье; здесь же в столовке, на Малой Серпуховке, 28, помещалась редакция газеты, где работали: Степанов-Скворцов, Бухарин, Ольминский и Сольц.

В Замоскворечье же одно время в этой столовке помещался и партийный центр Москвы—тт. Яковлева, Ломов и другие.

Тыл

Вопросы вооружения были уже отмечены в других местах. Оружие в районах было, но о его существовании

---

[1]) Дело ВРК из архива Октябрьской революции.
[2]) То же.

никто не знал, и потому оно часто уплывало из рук. Так, в Дорогомилове в Октябрьские дни на Брянском вокзале «было установлено, что, как только началось восстание, пять вагонов с винтовками и патронами было отправлено в Калугу». Замоскворечье, припасшее вооружение в доoктябрьские дни, находилось в лучшем положении, чем Хамовники, которые в боях с броневиком у Смоленского рынка рисковали крупной неудачей. Отсутствие плана восстания и предварительной разведки особенно тяжело сказывалось в вопросах вооружения.

Но, начавшись с реквизиции револьверов у офицеров, вооружение закончилось подвозом вооружения и огнеприпасов на грузовиках. В последние дни боев в оружии, за исключением отчасти снарядов тяжелой артиллерии, нужды не ощущалось.

С продовольствием для Хамовников вопрос разрешился захватом интендантского продовольственного склада, реквизицией частных продовольственных запасов и подвозом продовольствия через Замоскворечье, видимо, из крупных продовольственных запасов, реквизированных Замоскворечьем на Павелецком вокзале, или от комиссара продовольствия г. Москвы тов. Шлихтера из Бауманского района. Продовольствие это подвозилось на трамваях; через Москва-реку, в виду того что Крымский мост обстреливался юнкерами,—на лодках выше Крымского моста.

В Дорогомилове продовольствие получалось из железнодорожного кооператива Брянского вокзала; кроме того, консервы, с риском для жизни, были привезены на автомобиле из Миусского парка.

Населению выдавалось в районах по $1/2$ фунта хлеба в паек, что было нормально для того времени. Распределение продовольствия совершалось через уже налаженный аппарат продовольственных отделов большевистских районных дум.

Транспорт ревкомов и районных дум был составлен также путем реквизиции. В Замоскворечье это был преимущественно автотранспорт, в Хамовниках—гужевой.

Санитарная помощь благодаря санитарным средствам была налажена сравнительно легко. Около позиций располагались санлетучки. Такая санлетучка на Остоженке была расположена в чайной, на углу 1 Ушаковского, совместно со штабом участка, за изгибом Остоженки, в 60—80 шагах от окопа. Из санлетучек после оказания им первой помощи раненые на санитарных автомобилях отвозились в городские больницы, где получали нужную медицинскую помощь.

Санитарное дело иногда осложнялось в первые дни отказом врачей, фельдшеров и сестер милосердия оказывать помощь раненым красногвардейцам или саботажем медпер-

сонала в своей работе. Поэтому, как это было в Замоскворечье, административный аппарат медпомощи и оказание первой помощи на позициях были поручены своим товарищам, работницам с заводов и фабрик и молодежи. Врачам и фельдшерицам попросту предложили выполнять свою работу; иные из них не хотели работать, но все же работали.

Боевые действия

Между тем как в Замоскворечье уже развернулись бои, в Хамовниках дело затянулось. Член Военно-революционного комитета тов. Ангарский в ночь на 28 октября вместе с большевиком, членом полкового комитета тов. Шелехес явился в казарму 193 полка, чтобы привести отряд из полка на помощь Моссовету. Тов. Шелехес построил одну роту и ушел с нею в район для охраны районного совета. Полковой комитет, не имея большевистского большинства, неохотно соглашался вести полк к центру, требуя предписания соглашательского исполкома совета солдатских депутатов. Все же решили выступить. Моросил дождь. Было холодно и темно. Медленно строились в ряды; спорили и ругались и, наконец, заявили: «Ночью не пойдем». С вооружением в районе было плохо. Тов. Шелехес удалось еще 27 октября из полка получить и передать ревкому 10 винтовок и 250 патронов к ним, а утром 28-го еще 20 винтовок. Полк имел всего около 100 винтовок, пока 28 октября не были обнаружены запасы оружия в полковом цейхгаузе[1]).

Начальник Красной гвардии района тов. Лепицкий уклонился от участия в боях; сменивший его тов. Страхов был ранен юнкерами у Кремля, куда он ехал за оружием к коменданту Кремля тов. Берзину. Тогда начальником Красной гвардии был назначен большевик, вагоновожатый Уваровского парка тов. Лысов, которому была поставлена задача овладеть Крымским мостом и интендантским продовольственным складом. Обладание Крымским мостом было важно для прочной связи с Замоскворечьем, интендантский же продсклад должен был дать району необходимое продовольствие. Разведчицы-кондукторши Уваровского парка донесли, что Крымский мост занят юнкерами. Лысов повел наступление двумя взводами солдат 193 полка из роты, пришедшей на охрану ревкома, и полутора десятками красногвардейцев. Наступали двумя отрядами по набережной Москва-реки и по Чудовской улице. После небольшой перестрелки юнкера очистили лицей, но, упорно обороняясь,

---

[1]) Сборник „Хамовники в Октябре 1917 г.“, стр. 3.

удерживались в забаррикадированном интендантском продскладе.

В Дорогомиловском ревкоме комиссия по из'ятию оружия у офицеров приводит в ночь на 28 октября трех арестованных офицеров, разоружает, а затем освобождает их. Через полтора часа эти офицеры возвращаются, приведя с собой около полуроты 5-й школы прапорщиков. В ревкоме было только несколько человек и только одна винтовка и три револьвера. Оказать юнкерам сопротивление не представлялось возможным. Благодаря своевременному предупреждению часового о налете юнкеров присутствующим удалось, потушив огонь, скрыться. Но трое членов ревкома были взяты в плен. Тов. Панов был тяжело избит юнкерами, две женщины, тт. Ванторина и Саруль, вместе с лицами, арестованными юнкерами на улице, были отведены в Александровское училище, но по дороге, как женщины, были отпущены. Помещение ревкома было разгромлено юнкерами.

Нарастание вооруженных сил. Развитие боевых действий

С рассветом, 28 октября, завязывается оживленный огневой бой по Москва-реке от Устьинского до Крымского моста. Юнкера засели в Воспитательном доме, в домах Москворецкой набережной, в Кремле, за каменной оградой сквера храма Христа Спасителя и на заводе Бутикова. Устьинский и Крымский мосты непосредственно были свободны от юнкеров, но обстреливались их фланкирующим огнем: Устьинский— от Воспитательного дома, Крымский—от завода Бутикова. Главные силы юнкеров сосредоточены у Большого Каменного и Москворецкого мостов, где ведется, особенно у Каменного моста, юнкерами от храма Христа ружейно-пулеметный огонь. В тылу небольшой группы юнкеров, занимавшей лицей и Бутиковский завод, в Бутиковских казармах расположена батарея «Е» 4 отдельного полевого тяжелого артдивизиона 155-*м/м* орудий, предусмотрительно лишенная своим начальством винтовок и патронов, частей, замков к орудиям и таблиц стрельбы. Артиллеристы посылают к Крымскому мосту своего солдата к восставшим просить скорей вести наступление, поддержать и вооружить артиллеристов. С рассветом к Хамовническому отряду тов. Лысова, который не может овладеть упорно обороняемым юнкерами интендантским складом, подходит по Чудовской улице председатель полкового комитета 193 полка тов. Померанцев с ротой полка. Полк уже знал, что его солдаты дерутся у интендантского склада, и утром решил выступить. Совместной атакой роты прапорщика Померанцева и отряда тов. Лысова красные

овладевают интендантским складом, «причем было захвачено 10 пленных (главным образом студентов и гимназистов» [1]).

Последний грузовой автомобиль юнкеров, груженный продовольствием, от'езжает, отстреливаясь от наступающих. Замоскворечье своим наступлением от моста вдоль набережной и на лицей содействует атаке Хамовников.

Бой на Остоженке временно затихает. Юнкера отходят в глубину Остоженки. Одновременно юнкера теснятся по Пречистенке. Центром их сопротивления является штаб Московского округа, выходящий у Всеволожского переулка на Пречистенку и Остоженку. До штаба округа юнкера теснятся сравнительно легко, но у штаба оказывают упорное сопротивление и останавливают наступающих по Остоженке у Полуэктова переулка, по Пречистенке—у Мертвого переулка. Мелкие переулки вправо от Остоженки и влево от Пречистенки наступающими, а также и юнкерами вначале не занимаются. Сплошной фронт отсутствует. По Остоженке наступает преимущественно Замоскворечье, мелкие отряды красногвардейцев заводов—Телефонного, Протезного, Варшавского Арматурного и «Поставщик», немного солдат 193 и 55 полков и отряд 665 дружины, а также хамовнические красногвардейцы под командой тов. Новикова и студента тов. Горохова. Наступление ведется преимущественно красногвардейцами, солдаты в большинстве от наступления уклоняются. По Пречистенке наступают Хамовники—193 полк и мелкие отряды красногвардейцев, среди них встречаются также и красногвардейцы Замоскворечья.

Между тем шум боя всколыхнул пролетарские районы; требование заводами оружия удовлетворяться ревкомами не может. Рабочие безоружными теснились у ревкомов. Шла энергичная запись в отряды Красной гвардии, задержка была только в оружии. Его можно было получить в центре, но оба района были отрезаны от центра. Хамовники все же как-то случайно смогли привезти из центра два ящика винтовок. Дорогомиловский ревком, вновь организовавшийся вместе с рабочими-железнодорожниками Брянского вокзала, утром 28 октября в составе тт. Попченко, Федосова и Ванториной организует Красную гвардию из рабочих района, железнодорожников и солдат команды выздоравливающих. Дорогомилово достает несколько винтовок, вооружает ими красногвардейцев, которые под командой женщины, тов. Ванториной, занимают Дорогомиловский мост, где захватывают легковой автомобиль у офицеров, едущих на Брянский вокзал. Юнкера, не нанося красногвардейцам потерь, обстреливают издали мост пулеметным огнем.

---

[1]) Сборник „Хамовники в Октябре 1917 г.“, стр. 20.

Воинские части Замоскворечья мобилизуются. Дополнительные отряды дают 55 пехотный полк, 665 дружина и команда выздоравливающих, но и у них ощущается недостаток в оружии.

Утром 28 октября офицеры 193 полка сделали попытку захватить казарму и начали ее обстреливать. Не успел ревком отдать приказание строиться, как сами солдаты с винтовками буквально ринулись на приступ общежития офицеров, расположенного против казарм, откуда стреляли офицеры, ворвались в общежитие и перекололи значительное число офицеров (в том числе нашего бывшего командира полка, который был тяжело ранен[1]).

Около 12 часов 28 октября полк дает 3 роты, которые по набережной Москва-реки проводятся тов. Ангарским на Пресню для прикрытия артиллерии на Ходынке и поддержки Московского Совета. На другой день с Ходынки приходит взвод легких орудий, расположенных на плацу у Ходынских казарм.

День 28 октября проходит в непрекращающемся огневом бою. У Большого Каменного моста Замоскворечье приспособило трамвай досками и прослойками песка под блиндированный вагон, пыталось наступать через мост, но провода трамвайной линии были перебиты юнкерами, и трамвай, лишенный электрической энергии, остановился. Красные заняли вышку трамвайной станции, огнем с которой тушили огонь юнкерских пулеметов от храма Христа Спасителя.

В огневом бою перевес был на стороне юнкеров, прекрасно вооруженных и обладающих большим количеством пулеметов. Положение в районах из-за недостатка патронов и винтовок создавалось тяжелое.

Вечером 28 октября с наступлением темноты юнкера переходят в наступление по Остоженке, Пречистенке и у Смоленского рынка, по Сенной площади и Плющихе. Одновременно взводом легкой артиллерии с Арбатской площади юнкера открывают артогонь по ревкому, на Царицынской улице и по Уваровскому трамвайному парку. На Остоженке наступление юнкеров отбивается; на Пречистенке им удается оттеснить восставших к Мансуровскому переулку; у Смоленского рынка при поддержке броневика юнкера ведут энергичное наступление по Сенной площади, Плющихе и 3 Ростовскому переулку. С трудом наступление юнкеров и броневика у Смоленского рынка останавливается бросанием гранат. Быстро организуются команды гранатчиков, в которые вошли наиболее испытанные большевики и рабочие, преимущественно бывшие солдаты: тт. Лысов, Пупукин, Савин, Черных, Познанян, Петров, Николаев. Когда броне-

[1]) Сборник „Хамовники в Октябре 1917 г.“, стр. 20.

вик вновь пытался атаковать, то гранатчики забрасывали его гранатами, и броневик отходил.

Ночью рабочий трамвайного парка Дрожжин мобилизует с шанцовым инструментом 200 рабочих трамвайного парка и по плану штаба ревкома роет окопы на Плющихе и Смоленском бульваре, у Ружейного переулка, и перекапывает против броневика 3 Ростовский переулок и набережную у Дорогомиловского моста. Затем роются окопы на Пречистенке. Замоскворецкий район ночью привозит на грузовике громадные тюки ваты, сваливает их у загиба Остоженки, у чайной на углу 1 Ушаковского переулка. Перекатывая вперед непробиваемые пулей тюки с ватой, красногвардейцы под их прикрытием разбивают ломами мостовую и роют окопы.

Одновременно в Замоскворечье у Каменного моста роется окоп, и у Москворецкого—строится барикада.

29 октября бой усиливается. Оба противника закрепляются в окопах, домах и местами на барикадах (барикады юнкеров—на Остоженке, красногвардейцев—у Москворецкого моста).

Противниками сравнительно сильно занимаются главные улицы—Остоженка, Пречистенка, Смоленский бульвар и Плющиха, где развиваются крупные бои. Смежные переулки прикрываются постами, изредка караулами; иногда ничем не прикрываются. Не сразу начинают перерывать эти переулки от броневиков,—так, Левшинский переулок начинает перерываться только на 3-й или 4-й день боев, после того, как броневик юнкеров показался в этом переулке.

Мелкие партии красногвардейцев, обычно силою до 5 человек, пробираются домами и дворами в тыл противнику, забрасывают его гранатами и открывают неожиданно фланговый ружейный огонь. При этом красные высылают своих разведчиков между Москва-рекой и Остоженкой, у района Зачатьевского монастыря, охватывая левый фланг юнкеров. Юнкера, в свою очередь, переулками с Арбата более сильными разведывательными партиями и отрядами нападают на левый фланг наших пречистенских позиций. Появление таких разведывательных партий обычно сопровождается новыми вспышками огня. Из окопа высунуться нельзя. На Остоженке между окопом красных и барикадой и окопами юнкеров—250—300 шагов. Малейшая попытка высунуться из окопа—и смельчак выбывает из строя. Окоп неумело вырыт через всю улицу. Идет сильный дождь, и вода, стекая по обочинам мостовой, заполняет окоп. Стрелки сидят в окопе по колено в воде.

193 полк на Остоженку и Пречистенку приносит бомбометы. У юнкеров напротив тоже имеется несколько бомбометов. Бомбомет красногвардейцев на Остоженке распола-

гается сначала на третьем этаже одного дома, затем в Зачатьевском монастыре и затем в окопе на самой Остоженке.

29 октября рабочие Уваровского трамвайного парка «бронируют» два трамвайных вагона, приспосабливая их к обороне, досками и прослойкой песку.

Но во время наступления «бронированных» трамваев белогвардейцы догадались порвать провода воздушной сети, и вагоны были выведены из строя прежде, чем они смогли вступить в бой. Первый вагон остановился против Ружейного и Ростовских переулков на Плющихе, а второй—около Неопалимовского. Со стороны белогвардейцев появился броневик. Наступление не удалось, прапорщик Померанцев был ранен.

Ревкомами районов на позиции посылается много мелких отрядов красногвардейцев и отряды солдат. Те и другие требуют смены. Кроме того, необходимо вести охрану заводов, фабрик и домов в районах, и красногвардейцев поэтому нехватает. Солдаты, которых сравнительно много в районах, не все идут на позицию. Из тех же, кто идет, много уходит самовольно с позиции. Так, на Остоженке обычно гарнизон не превышает 60 человек, редко 70—80, а иногда доходит до 30 человек. У многих стойких, но изнуренных бойцов сил нехватает. Дать им своевременно смену не представляется возможным.

В Дорогомилове на Брянский вокзал прибывает из Брянска отряд безоружных ударников, навстречу им выходят члены ревкома—Ванторина, Фопченко и Федосов—и агитируют их не выступать против рабочих. Все же часть ударников переправилась через Москва-реку, где встретила агитатора района Голенко-младшего, который также попробовал сагитировать их и вместе с их представителем ушел в Хамовнический ревком. Но офицеры, воспользовавшись отсутствием наших представителей, увели ударников в Александровское училище. Часть же оставшихся ударников дралась на стороне восставших.

В ночь на 30 октября, когда по договору ВРК Московского Совета с Комитетом общественной безопасности было заключено перемирие, на Дорогомиловском мосту произошел сильный бой, в результате которого белые овладели мостом, а затем через некоторое время на Брянский вокзал прибыл отряд ударников, который свободно прошел в центр к юнкерам.

Предоставим, однако, слово действующим лицам. В архиве ВРК сохранилось следующее донесение:

«В 17 часов из Политического отдела штаба округа было сообщено, что, по имеющимся сведениям, сегодня ночью из Брянска должны прибыть ударники, которых во что бы то ни стало нужно встретить. По приказанию начальника охраны, полковника Трескина, был отправлен отряд удар-

ников в количестве 15 человек с прапорщиком Гуровым под общей командой прапорщика Петрова, которому было приказано очистить от большевиков все пути, прилегающие к Брянскому вокзалу, и встретить приехавших брянских ударников. Отряд отправился из театра в 18 час. 30 мин. Через минут 20 по телефону от прапорщика Петрова поступило донесение, что весь Арбат, до Смоленского рынка включительно, очищен от большевиков, и что он (прапорщик Петров) продвигается дальше. Впереди своего отряда им был послан разведочный дозор из трех человек под командой ударника Гончара (батальона смерти 38 пехотной дивизии), который обнаружил на Бородинском мосту заставу красногвардейцев (около 40 чел.). Рядовой Гончар сказал им, что он—193 большевистского полка, подошел вплотную к заставе и вступил с ними в разговор, из коего узнал, что у них главный штаб в Хамовниках, пулеметов нет и т. д. Почти все красногвардейцы были сильно пьяны. Поговорив с ними, рядовой Гончар отправился дальше по Дорогомиловской улице на Брянский вокзал. По пути ему встречались небольшие патрули солдат. Вся публика, находившаяся на вокзале, относилась к большевикам враждебно. На обратном пути на Бородинском мосту красногвардейцев уже не было, а был прапорщик Петров с остальными людьми отряда. При взятии Бородинского моста прапорщиком Петровым было схвачено 5 красногвардейцев, из коих два были сброшены в реку, а остальные взяты в плен. Относительно приезда брянских ударников никаких сведений не имелось. Указанные выше сведения были получены от прапорщика Петрова в 1 час ночи. После этого отряд, захватывая по пути отдельных большевиков, отправился на Плющиху во 2-й Хамовнический комиссариат, где были взяты запас оружия, состоящий из 18 берданок, и 10 милиционеров, свободных от службы (верных правительству). В пятом часу отряд вернулся домой, оставив на Смоленском рынке наблюдательный пост из 5 человек, который в седьмом часу утра и встретил 170 ударников и провел их благополучно в Александровское училище. Таким образом, задача была выполнена блестяще. В этой операции участвовали: прапорщик Петров, Гуров и ударники рядовые: Гончар, Яновский, Лайонов, Кочнев, Желтов, Матюхин, Ворошилов, Салангин, Куранов, Петров Михаил 1-й, Успенский, Меньшов, Кузнецов, Полухин, Федоренко. В разведывательном дозоре на Брянском вокзале были рядовые: Гончар, Куранов, Федоренко. В течение суток неоднократно вызывались от различных домовых комитетов небольшие отряды ударников для задержания стреляющих с крыш большевиков» [1]).

[1]) Дело ВРК из архива Октябрьской революции.

В ночь на 30 октября Дорогомиловским районом в центр за оружием «был послан тов. Шломин, который в центре получил 75 винтовок и несколько ящиков патрон. На обратном пути тов. Шломин был задержан юнкерами 5-й школы, расстрелян и брошен у Смоленского рынка. Оружие было юнкерами отобрано» [1]).

30 октября бой продолжался. Перемирия на позициях почти не было. Красногвардейцы и солдаты были в массе недовольны перемирием и не хотели его признавать, тем более, что юнкера не прекращали огня. На боевую готовность восставших перемирие, внеся неопределенность в напряженную уличную борьбу, подействовало только отрицательно. Многие бойцы даже сомневались в революционности ревкомов, подписавших перемирие.

На Остоженке перемирие продолжалось 1½—2 часа, затем разведки противников зашли в чужое расположение, и бои, вернее—перемежающиеся ружейные пачечные и пулеметные вспышки, не прекращались. Из Бутиковских казарм вывезли три 155 *м/м* французских тяжелых орудия 4 отдельного тяжелого полевого дивизиона с неисправными затворами и без снарядов. Одно орудие установили около ревкома на Калужской площади, где оно своим мощным видом, никому не нанося вреда, пугало и без того перепуганных замоскворецких буржуа. Два других орудия установили на набережной у Крымского моста, и они, починенные к концу боев, дали несколько выстрелов по Кремлю.

Начальником остоженской позиции был энергичный и смелый начальник дружины Красной гвардии—молодой рабочий Телефонного завода, большевик тов. Добрынин. В бою он был ранен пулей в плечо навылет, но продолжал командовать участком, показывая красногвардейцам и солдатам личный пример мужества, и часто лично ходил в разведку во фланг юнкерам. В одну из таких разведок он был убит юнкерами. Тело его удалось вытащить только через несколько дней. Вскоре после него там же на Остоженке смертью храбрых погибла молодая девушка—подпольная большевичка тов. Люсинова, работавшая на Остоженке сестрой милосердия. Убитого товарища Добрынина на посту начальника остоженского участка сменили два студента—подпольщики-большевики тт. Петр Арутюнянц и Юрий Мышкин. Тов. Петр, отличающийся большой энергией и мужеством, руководил главным образом боевыми операциями. Мышкин вел большею частью организационную и агитационную работу. Конечно, оба ни в малой степени не были знакомы с военным делом.

---

[1]) Сборник „Хамовники в Октябре 1917 г.“, стр. 7.

30 октября в Дорогомилово прибывает рота 193 полка прапорщика Сулацкина. Положение в районе упрочивается.

Наша легкая артиллерия, обстреливающая от Хамовнических казарм штаб округа и Александровское военное училище, много содействовала приданию бодрости нашим бойцам. Артиллерия белых вела по Хамовникам очень слабый и редкий огонь. Бои принимали затяжной и упорный характер и тяжело сказывались на духе восставших. Буржуазией и соглашателями распускались слухи о победе Керенского под Петроградом, движении на подавление восстания войск генерала Эверта с Западного фронта. Слухи о вездесущих казаках, кроме того, пассивность и затяжность боев и изнуренность бойцов, разлагали их. Все же в цитируемом ниже донесении тов. Арутюнянца в Замоскворецкий ревком нам кажутся краски сгущенными (донесение, видимо, относится к 31 октября или 1 ноября). Это же донесение определяет и линию фронта на Остоженке и Пречистенке.

«Товарищу Штернбергу.

Пулемет замолк—пришлите человека за извлекателем.

Расположение линии таково: на Пречистенке—окоп на углу Мансуровского переулка; на Остоженке—окоп на углу 1 Ушаковского и, наконец, на углу 3 Зачатьевского и 2 Зачатьевского. В Зачатьевском монастыре установлен пулемет. Наступать невозможно. Есть опасность с левой стороны Пречистенки. Это—переулки с Денежного, выходящие на Пречистенку, т.-е. Левшинский и Штатный переулок, где была засада юнкеров, и нет возможности их выбить. Наступления не предпринимаем—масса настроена подавленно. Все дезертируют. Только орудием можно будет взять верх.

В Хамовники сейчас сообщим.

Прошу просьбу, присланную с Мышкиным, выполнить незамедлительно. Пришлите для связи мотоциклет.

П. Арутюнянц.

Наш пулемет окончательно испортился, прошу прислать немедленно новый. П. Арут.» [1]).

Брянский вокзал занял отряд 193 полка (60 чел. из 13 роты и 10 роты). Занята товарная станция в 4 верстах от Москвы. Железнодорожники опровергают слухи о чеченцах и карательных отрядах на железной дороге. У Дорогомиловского моста наша охрана выбита. Юнкера заняли Хамовническую районную думу—опорный пункт 5-й школы прапорщиков. В Дорогомилове красногвардейцами готовится

[1]) Архив московского Музея революции.

отряд 193 полка. У Зоологического сада стоит наша артиллерия,—предлагает услуги.

31 октября красногвардейцы Дорогомиловского района вновь занимают Дорогомиловский мост. Вечером того же дня рукою прапорщика Померанцева было написано донесение: «В Зубовском и Пречистенском районах положение устойчивое. База наша—Хамовнический совет. Пречистенка наполовину занята войсками 193 полка, противник стреляет из пулеметов, действия затруднительны. Остоженка: наиболее решительные действия 193 и 55 полков—поперек улицы наши и неприятельские окопы. Окопы юнкеров незначительно выдвинуты перед штабом, наши у заворота впереди 1 Ушаковского переулка, у нас весь 1 Зачатьевский переулок, угольная церковь и колокольня, огонь по ней противоположного дома, закрепиться на ней не удается. Бомбомет в окопах (предполагали на церковь), удачные попадания бомбомета по штабу».

Тогда же другое донесение: «Собрание местных районных и главного комитетов ж. д., ссылаясь на нейтральность ж. д., просит ВРК вывести роты 193 полка с Брянского вокзала. (Москва, М.-К.-В. жел. дор.). Вокзал занят 30 октября, в 10 час. вечера, ротой 193 полка. Померанцев, председатель комитета 193 полка, приказывает в ответ—отряду оставаться на месте до особого распоряжения ВРК» [1]).

В Хамовниках на третий или четвертый день борьбы завод Второва выставил около 200 вооруженных рабочих. Наиболее ответственный и хорошо дисциплинированный боевой отряд дал завод «Каучук»; этому отряду под командой тов. Юревича поручались наиболее ответственные задания.

Попытка наступать на Остоженку тотчас тушится огнем сосредоточенного здесь противника.

Ночью 1 ноября солдатами выдвигается вперед, шагов на 100, новый окоп. С рассветом защитники окопа попадают под пулеметный и ружейный огонь из высокого, впереди расположенного дома. Из 12—15 защитников окопа моментально выбывают убитыми и ранеными 8 человек. Остальные поспешно отступают в старый окоп. 31 октября—«в Дорогомилове ночь спокойна. Надо людей и оружия» [2]).

Особенно сильные бои происходят на Остоженке.

1 и 2 ноября бои по всему фронту продолжаются. Иногда ведется сильный огневой бой у Москворецкого моста и электрической станции 1886 г. От электрической станции, правее, через Устьинский мост, держится связь с наступающими Рогожско-Симоновского района. Идет также сильный бой и у Каменного моста. Но Москва-река и мосты не по-

1) Дело ВРК в архиве Октябрьской революции.
2) Тоже.

зволяют здесь противникам сколько-нибудь активно действовать, и, несмотря на сильный иногда огонь, участок фронта Замоскворечья по Москва-реке—пассивный.

ВРК Моссовета получил крупные подкрепления из солдат и красногвардейцев из провинции и, перебросив их в центр, ведет энергичное наступление, овладев Китай-городом и городской думой и ведя наступление на Кремль. Замоскворечье и Хамовники почти не получили подкреплений и ведут бой на старых позициях.

Не то на Остоженке и Пречистенке, где противники пытаются наступать, но открытое наступление сейчас же тушится мощным огнем. Тогда восставшие стремятся охватить левый фланг юнкеров из района Зачатьевского монастыря, а юнкера переулками с Арбата—левый фланг восставших. Один из таких неожиданных обходов сильной партией юнкеров по Левшинскому переулку,—постовые восставших, видимо, покинули пост в этом переулке,—мог привести к окружению и уничтожению пречистенской группы восставших. К счастью, мальчики-разведчики своевременно предупредили восставших. Эти поспешно заняли дом на Пречистенке, против Левшинского переулка, и пачечным огнем из окон отбили обход юнкеров.

1 ноября с Воробьевых гор был открыт огонь тяжелой артиллерии по Кремлю. Общая обстановка боев в Москве сразу изменилась к лучшему. Но московский ВРК вначале колебался разрешить вести по Кремлю огонь тяжелой артиллерии. Тов. Штернберг, непосредственно руководящий в Замоскворецком ВРК военными действиями района, учитывая деморализацию восставших от оттягивания боев, настаивал перед ВРК Моссовета на открытии огня тяжелой артиллерии.

1 ноября Штернберг секретно писал: «Дальнейшее промедление и малая решительность могут весьма гибельно отразиться на успехах революции, поэтому Замоскворецкий военно-революционный комитет предлагает начать работу 6-дюймовых орудий и просит Военно-Революционный комитет высказать свое мнение по этому поводу. Предварительно предлагает юнкерам сдаться и, в случае отказа с их стороны, начнет свои действия с 10 час. утра».

В ответ на предложение П. К. Штернберга в особом приказе от того же 1 ноября было изложено: «Военно-Революционный комитет советов рабочих и солдатских депутатов разделяет вашу мысль о необходимости быстрого решения вопроса; поэтому мы еще вчера послали вам спешный приказ о необходимости открыть рано утром огонь по Кремлю, заняв предварительно теми орудиями, какие стоят на Москва-реке, угол Волхонки и Моховой, а также место около Большого Каменного моста. Если есть артиллерия

в других местах, то тоже необходимо открыть огонь по Александровскому училищу и Кремлю, и сделать это надо не к 10 часам, а гораздо раньше» [1]).

Еще до этого артиллерия, стоявшая у Красной Пресни, открыла огонь по зданию 5-й школы прапорщиков у Смоленского рынка и удачными попаданиями разрушила часть здания и нанесла потери противнику. Артиллерия в Хамовниках огнем по штабу округа, по Александровскому училищу и Кремлю содействовала общему успеху и упорству обороны участков.

Открытие огня 6-дюймовых орудий с Воробьевых гор по Кремлю сыграло решающую роль. 1 ноября днем заговорила тяжелая артиллерия,—в ночь же на 2 ноября заговорили эсеры, заговорил эсеровский городской голова Руднев об условиях своей сдачи. 2 ноября с утра тяжелая артиллерия продолжала свою работу, и уступчивость и сговорчивость Руднева увеличивались, и к вечеру он подписал договор о прекращении сопротивления и сдаче оружия.

2 ноября бои продолжались. Тяжелая артиллерия делала свое дело. Противник разлагался. Взятые в плен в Лефортове юнкера Алексеевского училища выслали своих делегатов сражающимся на Пречистенке и Остоженке юнкерам—уговорить их положить оружие. Замоскворецким ВРК было послано в «штаб пречистенских позиций» приказание: «Не стрелять по делегации Алексеевского военного училища, проходящей через наши позиции в Александровское училище по направлению от Каменного моста к Кремлю и обратно. Отличительный знак—белый флаг» [2]).

В 21 час 2 ноября был подписан мир. Юнкера сдавались ВРК. Комитет общественной безопасности распускался.

В ночь на 3 ноября юнкера 5-й школы прапорщиков вынесли и сложили свое оружие на улице, у школы, и сдались красногвардейцам. Утром 3 ноября сдались юнкера, сражавшиеся у штаба округа.

В ночь на 3 ноября бои затихли, изредка вспыхивала редкая перестрелка.

Утром 3 ноября у штаба округа на Пречистенке и Остоженке сдалась 3-я школа прапорщиков. В штабе округа у юнкеров было захвачено 14 пулеметов, 3 бомбомета и много другого оружия и продовольствия, здесь же в штабе лежало 40 раненых юнкеров.

★

[1]) Дело ВРК в архиве Октябрьской революции.

[2]) То же.

Н. Ангарский

ХАМОВНИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РКП(б) В 1917 г.

Единственным большевиком, с которым у МК имелась после Февральской революции связь в Хамовническом районе, был студент Иванов В. И. Проживал он в студенческой столовой, в проезде Девичьего Поля, как секретарь правления. Вечерами столовая использовалась нами для организационных собраний и пропагандистских бесед. Из-за помещения столовой были постоянные столкновения с меньшевиками и другими партиями, пока нам не удалось взять все помещение в аренду. Наши связи с фабриками и заводами района находились в то время в зачаточном состоянии. Первая большевистская ячейка была нами организована на заводе «Каучук»; в нее входили товарищи Лайва, Касперович, Коризна, Зубарев, Дарзнек, Заккис и др. В конце марта ячейка значительно расширилась. Следует отметить, что влияние партии большевиков на «Каучуке» было довольно значительно еще в Риге, до эвакуации завода в Москву.

Много хуже обстояло дело на заводе Второва (теперь Гознак), в Уваровском (Артамоновском) парке, на фабрике Жиро («Красная Роза») и Гивартовского (Ливерс).

Снаряжательный завод Второва работал на оборону, рабочих на заводе было до 8.000 человек, из них немало окопавшейся мелкой буржуазии. В Уваровском парке число рабочих превышало 2.000 человек, значительная часть из них была связана с деревней. Настроение рабочих этих двух крупнейших предприятий в районе после Февральской революции было эсеровское; меньшевики пользовались меньшим влиянием; и совсем незначительно было влияние большевиков.

Первым большевиком, с которым мы были связаны на заводе Второва сейчас же после Февральской революции, был тов. Тараканчиков; через него распространялась литература и получалась информация; в апреле он был послан райкомом на постоянную работу в районный совет. Большим влиянием на заводе Второва, а также в Уваровском парке пользовались меньшевики—адвокат Плесков и

рабочий с этого же завода Николаев (он же председатель райсовета) и особенно эсер Майстрах, которого в пылу энтузиазма уваровцы однажды отвезли домой с митинга в особом вагоне.

На эти два предприятия нами было обращено особое внимание. Приходилось вести упорную борьбу за влияние. Мы не пропускали ни одного общего собрания. Не редки были на заводе Второва «большие дни», когда в переполненной столовой происходили жаркие схватки с меньшевиками и эсерами. Это было время, когда политические партии выступали перед массой с изложением своих программ. В Хамовниках, этом интеллигентском районе по преимуществу, нам приходилось выступать не только против «социалистов» Майстраха, Плескова, Генкина, Минора, Дорфа, но и против видных кадетских лидеров. Не менее опасны были и меньшевики-об'единенцы, среди коих были значительные силы, как, например, присяжный поверенный Яхонтов (впоследствии большевик).

Особый интерес и на заводе Второва, и в Уваровском парке был проявлен к вопросу о земле и решению этого вопроса различными партиями. По этому жгучему вопросу мы довольно скоро справились с эсерами, меньшевики же в аграрном вопросе проявляли такую путаницу, что их никто не слушал.

Наше влияние в районе росло вместе с ростом влияния партии большевиков во всей стране. В марте в области агитации по вопросу об отношении к Временному правительству мы придерживались точки зрения большинства МК: поддержка Временного правительства «постольку-поскольку». 11 марта на собрании активных работников Московской организации принята была уже более левая резолюция. Временное правительство было признано контр-революционным, но все же «вынужденным итти вслед за завоеваниями революции». От этой формулировки мы отказались лишь после апрельских тезисов Ленина, или, точнее, после статьи «Первый этап русской революции» («Правда», 21 и 22 марта).

Первое большое собрание на заводе Второва состоялось 5 марта. Нам удалось провести свою резолюцию, и хотя она была довольно-таки половинчата и невыдержана, мы все же считали принятие и такой резолюции некоторой победой, так как защищать ее приходилось против «беспартийной», по сути дела кадетской резолюции Комитета общественных организаций.

В средине апреля, после известной ноты Милюкова о доведении войны до решительной победы, мы уже со всей определенностью говорили об отказе контр-революционному правительству в доверии и необходимости перехода власти к советам.

С 5 по 12 марта почти на всех предприятиях в районе происходили большие митинги. Инициатива организации митингов исходила от Комитета общественных организаций Хамовнического района, находившегося в то время в руках кадетов, меньшевиков и эсеров. По вопросу о выступлениях на митингах и собраниях между этими партиями было заключено соглашение о том, что члены комитета «не должны выступать под партийным флагом. Чисто партийная терминология должна отсутствовать, и ввиду неподготовленности масс должен быть поставлен минимум революционных требований». Наше положение было не из легких. Кадеты, меньшевики и эсеры выступали от Комитета общественных организаций, распинались за беспартийность, призывали к «единению» и старались изобразить нас «губителями революции».

Мы старались провести свои резолюции лишь па главнейших предприятиях. На фабрике Гивартовского состоялось два митинга, присутствовало свыше 1.000 человек. Была принята резолюция МК, но с поправками, предложенными меньшевиками, о том, что Временное правительство является выразителем «общенародных интересов»; такая же «поправка» была принята и на митинге на Высших женских курсах, где присутствовало до 500 человек. 8 марта состоялся большой митинг в товарной конторе Брянского вокзала; присутствовало свыше 700 человек рабочих и служащих, принята была наша резолюция. 7 марта состоялось общее собрание рабочих Трехгорного пивоваренного завода; присутствовало до 800 человек. Принята платформа МК. 12 марта в районе был устроен ряд митингов, посвященных борьбе за Учредительное собрание и демократическую республику. Во дворе Высших женских курсов присутствовало до 1.000 человек. в Смоленском народном доме—600, в аудитории ВЖК—600, в Земледельческом училище—700. Мы выступали на всех митингах; наибольший успех имели на ВЖК. Общие собрания и митинги в Уваровском парке большею частью происходили в мастерских и во дворе, в последнее время—в театре.

Эсеровские настроения в парке были особеннно устойчивы. Демагогические, хлесткие фразы о земле и воле эсера Майстраха встречались весьма сочувственно. Влияние эсеровского завкома было весьма прочно. Наши товарищи—Телешов, Дрожжин, Князева, Савин, Тимерман, Лебедев—только что начинали борьбу и против завкома и против большинства собрания. Каждое наше выступление, каждая схватка с эсерами и меньшевиками давали нам все новых и новых сторонников, особеннно во второй половине апреля, когда настроение стало уже определенно складываться в нашу пользу. Борьба принимала столь острые формы, что нередко собрание не открывалось только потому,

что не явились еще меньшевики и эсеры. К первому мая мы имели уже в парке довольно значительную группу большевиков, а в июле вагоновожатый Уваровского парка тов. Лебедев был нами делегирован на VI с'езд партии.

Летом 1917 г. собрания и митинги в Уваровском парке стали почти беспрерывными. Вечером во дворе парка всегда можно было услышать оратора и вокруг него—то огромная масса рабочих, то незначительные группы, в зависимости от имени оратора и трактуемой темы. На фабрике Гивартовского с первых дней Февральской революции создалось определенно меньшевистское настроение. Большим влиянием пользовался рабочий меньшевик Косов, председатель завкома, неплохой оратор, хорошо знающий местные дела. Слушали его всегда охотно как своего, а не чужого, со стороны.

На борьбу с меньшевистским засильем у Гивартовского пришлось потратить очень много сил. В конце марта на фабрике образовалась небольшая группа большевиков во главе с Журавлевым (погиб на фронте), Каюковой и Климовой. На фабрике Губнера было небольшое число рабочих: фабрика не работала. Настроение было аполитичное, миротворческое. Рабочие требовали беспартийных выступлений, и нам приходилось первое время выступать, не афишируя принадлежности к партии; резолюции же по докладам тем не менее весьма часто принимались большевистские. Первым членом партии на этом заводе был тов. Резчиков, бессменно работавший в райкоме до октября и затем, далее, в райсовете.

На фабрике Жиро («Красная Роза») настроение было явно враждебное: партийная работа была очень затруднена.

В Земпалатке (около 500 человек) первое время прочно держалось эсеровское настроение. Влиянием пользовался рабочий этой же фабрики, левый эсер Сазонов (впоследствии член РКП).

Наши агитаторские и пропагандистские силы для обслуживания Хамовников и Дорогомилова были незначительны: Иванов, Ангарский, Ставрович, Савельев, (Шелехес), Соврасов, Пагасьянц, Попова, Фаслер, Розанова; группа рабочих агитаторов (Дрожжин, Телешов, Савин, Касперович, Резчиков и др.) пришла к нам на подмогу в апреле.

В то время как мы были поглощены работой по обслуживанию многочисленных митингов, меньшевики устроили в студенческой столовой, т.-е. почти-что в нашем главном штабе, доклад меньшевика Н. Маслова на тему: «Что такое большевики и меньшевики». На собрании присутствовало до 300 человек, но в голосовании участвовали только социал-демократы. Была принята резолюция о поддержке меньшевиков и их газеты «Вперед». Мы, конечно, в долгу не остались и устроили на Высших женских курсах доклад

на эту же тему. Сдержанное отношение к меньшевикам было, таким образом, ликвидировано.

Районный комитет партии вполне оформился во второй половине марта. 18-го состоялось первое собрание райкома, 24-го—второе, расширенное. На собраниях присутствовало более 30 представителей от заводских комитетов и воинских частей. Из докладов с мест выяснилось, что кадеты пытаются вести агитацию и выступать на ряде предприятий, хотя выступления их и кончаются неудачей, что на всех предприятиях вводится явочным порядком 8-часовой рабочий день, и что администрация относится к этому весьма неприязненно. Был заслушан доклад о работе МК и приняты резолюции Бюро ЦК РСДРП о Временном правительстве и о войне и мире. Этими резолюциями как бы ликвидировался период шатаний в Московской организации по этим двум основным вопросам. На том же собрании райкома решено было организовать организационно-техническую и пропагандистскую комиссии. Ко всем более или менее значительным предприятиям в районе были прикреплены товарищи из райкома для постоянной работы. Решено было устроить ряд лекций и докладов для фабрично-заводских и ротных комитетов, а также для пропагандистских кружков.

Затем товарищ из районного совета в отчете о своей работе указал, что районный совет ведет слишком будничную, узкую работу, занимается крохоборством—хлебные карточки, продовольствие и пр., и тем самым отгораживает себя от политической жизни, там нет борцов, нет той революционности, которая наблюдается в Центральном совете, с которым районных совет плохо связан. «Наш совет,—говорил токладчик,—является средостением между Центральным СРД и заводскими комитетами». Доклад вызвал оживленные прения. Кое-кто из товарищей пытались отмахнуться от работы в меньшевистском совете. Было решено усилить наше представительство в районном совете и повести работу по переизбранию депутатов на местах. Кроме тов. Тараканчикова, в начале апреля в совет направлен был для руководящей работы тов. Совразов.

Хамовнический совет (организован 7 марта), так же как и Московский Совет, находился в то время в руках меньшевиков. Председателем совета был меньшевик, рабочий с завода Второва Николаев, его заместителем—меньшевик, присяжный поверенный Плесков, и секретарем тоже меньшевик-об'единенец, студент Вартанов. Эти трое опытных старых меньшевиков долгое время держали в своих руках совет, рабски проводя в нем политику соглашения с буржуазией, политику безусловной поддержки «всенародного» Временного правительства. Мелкое крохоборство в постоянной будничной работе и рабское копирование меньшевистских

резолюций в «большие» политические дни,—такова работа районного совета до образования в нем нашего большинства.

28 апреля после известной ноты Милюкова, Хамовнический совет по докладу Гальперина высказывается за коалиционное правительство. 5 мая совет принимает участие в напутственном молебне на Хамовническом плацу по поводу отправки на фронт нескольких маршевых рот 194 полка. 2 июня обсуждался вопрос об участии в Стокгольмской конференции. Вопрос вызвал горячие прения. Небольшая группа большевиков высказалась о недопустимости и нецелесообразности участия социал-демократии в конференции рядом с оборонцами и героями II Интернационала, но меньшевики, эсеры и об'единенцы стояли за безусловное участие. Совет большинством 37 голосов против 4 при 2 воздержавшихся высказался за участие в Стокгольмской конференции.

В июльские дни районный совет принимал все меры к недопущению демонстрации, точно так же как во время Демократического совещания—против забастовки.

Не лучше обстояло дело и в Дорогомиловском совете, который находился в руках правых эсеров, что вполне соответствовало настроению населения района, главную массу которого составляли ремесленники, извозчики и городская беднота. Председателем был избран эсер Смирнов, секретарем—с.-д. Полядбордес, членами исполкома—эсеры Филиппов и Никольский; сочувствующие большевикам, беспартийные рабочие Федосов и несколько других товарищей—были отстранены эсерами от активного участия в делах совета. Не лишним будет отметить, что эсер Смирнов и к.-д. Шаховская вели в Дорогомилове организационную работу еще от Комитета общественных организаций. Политическая физиономия совета достаточно характеризуется следующими выступлениями.

14 апреля обсуждается вопрос об отношении к займу свободы. Огромным большинством принимается резолюция: «Пока и поскольку Временное правительство выполняет принятые на себя обязательства... мы, рабочие, должны оказывать ему всякую поддержку. Принимая также во внимание, что Временное правительство отказалось от всяких захватных целей в продолжающейся войне, СРД считает необходимым для укрепления революции и защиты народной свободы от внешней опасности оказывать самую деятельную поддержку займу свободы».

18 мая и Дорогомиловский совет, вместе с представителями заводских комитетов, высказывается за необходимость сплотиться вокруг советов, для того чтобы обеспечить помощь Временному правительству и коалиционному министерству.

7 июля совет провожает и напутствует ударный батальон юнкеров Алексеевского военного училища. Представитель

совета произносит следующую речь: «Дорогие товарищи, Дорогомиловский районный совет РД приветствует вас, серых героев, храбро несущих на защиту революции самое драгоценное в мире—свою жизнь. Помните, товарищи: мы, рабочие, с вами, напряжем все силы, чтобы фронт выдержал натиск венценосного деспота».

С Дорогомиловским районом мы были связаны слабо. У нас нехватало сил на его обслуживание; к тому же рабочих в районе было немного, да и те были распылены по мелким предприятиям. Нас всего более интересовали мастерские Московско-Киево-Воронежской дороги, с ними мы связались еще в середине марта через тов. Панова, от которого мы тогда же получили 10 винтовок, которые и хранились до октября в студенческой столовой. Только летом мы смогли направить в Дорогомиловский район на постоянную работу тт. Фаслер и Голенко. С этого времени мы начинаем устраивать доклады и лекции в Народном доме (Смидович, Ангарский, Обух и др.), организуются об'единенные партийные ячейки мелких предприятий, усиливается и расширяется ячейка на Брянском вокзале. Мы выступаем на целом ряде митингов в Товарной конторе на Брянском вокзале. Эсеры бросают на Брянский вокзал значительные силы. На одном многолюдном митинге вместе с эсером Майстрахом выступал переодетый в крестьянский костюм известный эсеровский краснобай и демагог, имевший шумный успех у аудитории. От нас выступали Ангарский и В. Смирнов. Хотя с трудом, но некоторого перелома настроения мы все же добились. Демагогия эсеровских краснобаев разбилась о прямую и резкую постановку нами вопроса о земле.

К концу марта районный комитет уже вполне оформился. Было положено начало разделению труда. Образовалась группа пропагандистов. Был проведен ряд докладов инструктивного характера по вопросам партийной программы и тактики. В состав райкома во второй половине марта входили следующие товарищи [1]): Ангарский (организатор района), Зинин («Каучук»), Иванов В. (секретарь райкома), Касперович («Каучук»), Климова (фабрика Гивартовского), Красовский (завод Второва), Князева (Уваровский парк), Лайва («Каучук»), Меднис, Гарнелис («Каучук»), Резчиков (Гюбнер), Розанова, Ставрович. Позднее райком был пополнен следующими товарищами: Дрожжин, Вятич, Коризна («Каучук»), Лебедев (Уваровский парк), Лихачев (Уваровский парк), Саруль, Миткевич, Попова, Савин (Уваровский парк), Тараканчиков, Соврасов, Юревич Эд.

На районном собрании 31 марта присутствовало уже около 150 членов партии.

---

[1]) Список не претендует на абсолютную точность.

На первомайской демонстрации мы выступили отдельно. Рабочие-большевики шли не со своими предприятиями, а с Хамовническим комитетом партии во главе. В демонстрации участвовало не менее 300 человек. Такое отдельное выступление большевистской организации вызвало немало нападок и злословия со стороны меньшевиков и особенно об'единенцев. Нас обвиняли в дезорганизации единого рабочего движения, в желании перенести разногласия в неподготовленную рабочую массу, в стремлении расколоть «единый фронт» революции и т. д., и т. п.

Нам пришлось выступить перед своей аудиторией с подробным раз'яснением, почему мы должны отделять себя от всех соглашательских партий II Интернационала. Простое сопоставление наших революционных лозунгов с лозунгами совета и меньшевистской партии лучше всего говорило о невозможности каких бы то ни было совместных выступлений. На наших плакатах значилось: «Долой войну», «Вся власть советам», «Да здравствует диктатура пролетариг и крестьянства». На советских плакатах—общие места о значении 1 мая, о поддержке коалиционного правительства и т. д.

1 мая, вечером, на Хамовническом плацу был организован совместно с военной организацией большой митинг солдат 193 и 194 полков. Присутствовало всего до 800 человек. Выступали с большим успехом как солдаты из военной организации, так и наши товарищи. Принята была резолюция о прекращении грабительской войны, против займа свободы, против членов Совета солдатских депутатов, голосовавших за заем.

Со второй половины мая на главнейших предприятиях района и на Брянском вокзале были устроены доклады по основным вопросам, обсуждавшимся на Всероссийской апрельской конференции (отношение к войне и Временному правительству, аграрный вопрос, II Интернационал). Доклад на районном собрании тов. Ангорского об итогах Всероссийской конференции и прения по докладу заняли два дня (25 и 26 мая). На этом же собрании обсуждались еще следующие вопросы: 1) доклад товарища из областного бюро, 2) перевыборы райкома, 3) выборы в МК, 4) выборы на общегородскую конференцию, 5) выборы в думу.

В конце мая помещение студенческой столовой после длительных переговоров с правлением и несмотря на противодействие меньшевиков было передано в полное распоряжение райкома. 28 мая в бывшей студенческой столовой был торжественно открыт партийный клуб. Были произнесены речи о задачах клубной работы. В июне состоялось два заседания райкома, из них одно вместе с активными работниками района, и одно общерайонное собрание. В июне, если судить по членским взносам, насчитывалось около

350 членов партии. Примерно в середине мая перешел от нас на партийную работу в Басманный райком тов. Иванов, В. И., немало сделавший для укрепления Хамовнической организации. Вместо тов. Иванова секретарем райкома была избрана тов. А. А. Ставрович, остававшаяся на этом посту до весны 1918 г.

6 июля Московский Совет опубликовал распоряжение о воспрещении уличных демонстраций в Москве. Московский Комитет партии большевиков решил поддержать питерских солдат и рабочих вооруженной, но мирной демонстрацией. Настроение было напряженное. Были получены известия из Петрограда о репрессиях и арестах. На демонстрацию из Хамовников вышла лишь небольшая группа партийцев, человек 40, которая под свист и улюлюканье озверевшей буржуазии и угрозы милиции дошла до Московского Совета, соединившись с демонстрантами из других районов, пришедшими тоже в весьма незначительном числе. Незначительная по числу участников группа демонстрантов из Хамовников об'ясняется тем, что МК очень поздно, чуть ли не перед окончанием работ на заводах, известил райком о решении организовать демонстрацию.

Многие ответственные работники райкома находились в отпуску, и вся тяжесть организации выступления свалилась на плечи секретаря тов. Ставрович и тов. Вягича. На некоторых фабриках пришлось встретиться с резкими выступлениями меньшевиков (например, у Гивартовского). В конечном счете на демонстрацию вышли лишь активные работники райкома и представители ячеек главнейших предприятий.

9 июля на Хамовническом плацу состоялся большой митинг. Выступали представители всех партий до кадетов включительно. Немало было выпадов против «восстания» большевиков в Петрограде. Однако, наибольшим успехом пользовались выступавшие большевики и об'единенцы. Расправа «социалистического» правительства с питерскими рабочими имела своим последствием еще большее полевение масс. Это полевение чувствуется не только на митингах и собраниях,—оно проникает в заводские комитеты, профсоюзы, захватывает солдатские организации в казармах, в особенности после репрессий Керенского на фронте и в петроградском гарнизоне.

19 июля состоялось в Лепешкинском общежитии (Смоленский бульвар) собрание делегатов фабрично-заводских комитетов. На собрании присутствовало около 80 делегатов. По основному докладу о роли и значении заводских комитетов вынесено пожелание о том, чтобы завкомы стояли настраже интересов рабочих и теснее связались с профсоюзами и советами. Завкомы должны участвовать в приеме и

увольнении рабочих и служащих и следить за охраной труда. Принято было также постановление об охране заводов рабочими и о необходимости вооружения их за счет предпринимателей. Дебатировался вопрос об экономической разрухе и о роли завкомов в борьбе с нею. Собрание высказалось за необходимость фактического контроля над производством. Все основные резолюции конференции были проработаны на собрании большевистской фракции, созванной ввиду предстоящей общегородской конференции завкомов, на которой, как известно, мы имели большинство. Следует припомнить, что как раз в это время, после июльских событий, лозунг «Вся власть советам» сильно побледнел. Московская Областная партконференция в принятой резолюции рекомендовала отстаивать все массовые организации рабочего класса: советы, фабзавкомы, и т. д., добиваясь превращения их при наличии под'ема в революционные центры. Происходивший в конце июля партийный с'езд вместо лозунга «Вся власть советам» выдвинул лозунг борьбы против диктатуры контр-революционной буржуазии.

Мы в районе старались больше говорить о необходимости свержения контр-революционного правительства, чем развивать и уточнять вопрос о переходе власти к советам. Лишь после корниловщины, поскольку меньшевистские столичные советы, утратив доверие широких рабочих масс, вынуждены были обратиться к большевикам за помощью, лозунг «Вся власть советам» снова приобрел прежнюю силу.

Массы на деле поняли, что советы не только могут, но и должны быть органами пролетарской власти.

Влияние партии в районной думе обнаружилось сейчас же после июльских дней. В спевшемся хоре кадетов и правых эсеров заметно начинают звучать большевистские голоса. В начале июля в Хамовническую районную думу входили: Антошкин, Касперович, Ставрович, Липецкий, Резчиков. Председателем управы оставался еще тов. З. П. Соловьев. Однако, 12 июля, как только большинство думы высказалось за необходимость принять участие в пропаганде и поддержке займа свободы, тов. Соловьев сложил свои полномочия, подав заявление с осуждением тактики большинства думы.

Между тем на общем фоне меньшевистско-эсеровской реакции происходило все большее и большее революционизирование масс. Московская организация партии большевиков вообще и Хамовнический райком в частности едва поспевают за ходом событий.

5 августа состоялось общее районное собрание членов партии. Присутствовало около 200 человек. Заслушаны были следующие доклады:

1) Отчет тов. Ангарского о партийном с'езде.

2) Доклад о конференции фабрично-заводских комитетов.

3) О выборах в Учредительное собрание.

6 августа состоялось собрание агитаторской группы райкома, посвященное вопросу о Демократическом совещании. 9-го на заседании райкома были распределены агитаторы для выступлений на предприятиях. Постановлено начать энергичную кампанию за проведение 12 августа однодневной политической забастовки протеста. Между тем Хамовнический совет принимал все меры к тому, чтобы не допустить политической забастовки. 11 августа под председательством меньшевика Плескова состоялось собрание пленума совета. Основным вопросом был вопрос о настроении масс в связи с Московским демократическим совещанием. Из докладов с мест выяснилось, что на заводе «Каучук» (тов. Соловьев) наблюдается отрицательное отношение к совету и что на заводе третий день идет экономическая забастовка; в Земпалатке (тов. Наумов)—постановлено 12 августа об'явить забастовку; на заводе «Противогазы» выражено доверие совету; в типографии Мамонтова (тов. Буксин)—отрицательное отношение к Московскому совещанию; на заводе Второва принята резолюция интернационалистов: заявить на совещании протест и удалиться; в Экономическом обществе офицеров постановлено об'явить забастовку. От других предприятий информация не была представлена.

В результате страстных прений (от большевиков выступали тт. Афонин, Коризна, Буксин, Уткин) была принята резолюция меньшевиков, предложенная Николаевым, о недопустимости забастовки и демонстраций. Однако, победа меньшевиков была весьма не блестяща: резолюция принята большинством 36 голосов против 30. Однодневная забастовка в Хамовниках прошла дружно на всех более или менее значительных предприятиях.

Помню многолюдное собрание рабочих завода Второва в саду при клубе у Калужской заставы. Помню образную речь тов. Ахапкиной (тогда еще беспартийной) к женщинам о женской тяжкой доле, о необходимости поддержать большевиков. Официальным докладчиком от совета выступал какой-то кадетообразный студент-меньшевик с конспектом в руках и с тезисами о «реконструкции власти» (это на рабочем-то собрании!). Говорил он гладко, округляя фразы, и сказанное аккуратно отмечал в конспекте. После него от об'единенцев-интернационалистов выступала тов. Ломтатидзе. Как и полагается об'единенцам, она начала с критики меньшевистской «реконструкции», а закончила приглашением принять участие в совещании для упрочения единого фронта демократии.

Надо заметить, что несколько дней назад меньшевикам-интернационалистам удалось на заводе в наше отсутствие провести резолюцию об участии в Московском совещании.

Я защищал точку зрения партии большевиков на совещание, как на окончательное сплочение контр-революционных сил и начало решительной борьбы с революционной демократией, и призывал к политической забастовке-протесту.

Предложенные меньшевиками и Ломтатидзе резолюции собрали два—три голоса; за нашу весьма краткую резолюцию поднялся лес рук.

— У вас, повидимому, все было подготовлено заранее,— обиженно заявила тов. Ломтатидзе. Она в то время еще не понимала, что не мы, а сама жизнь и ход событий неуклонно приближали пролетарскую революцию, мы же лишь раз'ясняли массам сущность событий и неизбежность перехода власти к советам.

Мятеж Корнилова и участие в этом мятеже Савинкова и Керенского вконец дискредитировали партию эсеров. Слухи о возможности выступления Корнилова против Керенского циркулировали в Москве среди узкого круга партийных работников. Говорили, что тов. Хинчук имел даже поручение от Керенского заручиться поддержкой большевиков против выступления Корнилова в Москве.

В сентябре районный комитет, как и вся Московская организация, развивал огромную работу по охвату широких рабочих масс. Шла лихорадочная подготовка к перевыборам районных дум. Эти перевыборы должны были явиться, и они действительно явились, показателем доверия масс к нашей партии. Интересно сопоставить число лиц, вступивших в партию по месяцам. В марте вступило 113 членов, апреле—122, мае—68, июне—57, июле—39 (после июля наблюдалось резкое сокращение притока в партию во всей Московской организации), августе—66, сентябре—186 (после корниловщины). Всего к январю 1918 г. в районе было около 900 членов партии. Таким образом, сентябрь дает резкое увеличение членов партии. Поворот в настроении масс в сентябре обнаружился почти во всех районах. Из 17 районных дум в 11 мы имели большинство. Хамовническая районная дума шла одной из первых. Из 47 вновь избранных в гласные кадеты получили 12 голосов, народные социалисты—1, эсеры—4, меньшевики—2, большевики—26 и с.-д.-интернационалисты—1.

Председателем думы был избран тов. Ангарский, председателем управы Соловьев, членами управы: тт. Саврасов, Лебедев и Богомолов.

В заседаниях думы нам пришлось иметь против себя блок всех фракций от кадетов до меньшевиков и эсеров включительно. Лидерами кадетов в думе были Д. Шаховской, Балицкий, от меньшевиков неизменно выступали Генкин и Николаев. Имея дело со столь искушенными парламентариями, нам тоже пришлось вести дело по всем правилам

парламентаризма. Лидером фракции райком выдвинул тов. Савельева, который в соответствующие моменты, когда надо было умерить пыл буржуазных болтунов, выступал с соответствующими предложениями большевистской фракции.

Мы имели большинство даже при блоке всех фракций, и потому кадетам и «социалистам» всех мастей ничего не оставалось делать, как выступать с торжественными декларациями о снятии с себя ответственности за работу большевистской думы. Так выступала эта думская «оппозиция» не только до октября, но и после восстания и победы. Еще в январе Д. Шаховской и Балицкий обвиняли нас в «насилии, братоубийственной розни» и других прегрешениях. Это были их последние выступления; вскоре и центральная, и районная думы были ликвидированы.

Одновременно с перевыборами в думу, райком повел широкую кампанию за перевыборы депутатов в районный совет. В течение сентября и начале октября почти все меньшевики и эсеры на предприятиях были переизбраны, и мы имели уже наше большинство в пленуме районного совета; беспартийные шли за нами. В начале октября мы переизбрали исполком, а затем и председателя совета. Вместо меньшевика Николаева, председателем был избран Н. И. Лихачев, рабочий Уваровского парка, его товарищем, вместо адвоката Плескова,—тов. Саврасов; секретарем временно был оставлен меньшевик Вартанов.

В октябре райком развил исключительно напряженную работу. Заседания райкома чередовались с докладами, митингами, заседаниями думы и совета. Энергичную деятельность развивает Союз рабочей молодежи. Открывается партийная школа. Всего в ноябре было два собрания райкома, одно собрание активных работников, очередное собрание думы, собрание пленума совета и заседание исполкома, два заседания думской фракции, три собрания Союза рабочей молодежи, два доклада (Ангарского и Смидовича) в Дорогомиловском Народном доме, большой митинг в Уваровском парке, устроенный кружком агитации и пропаганды, такой же митинг в Земпалатке.

Получив подавляющее большинство при перевыборах в совет и в районную думу, располагая сочувствием огромных масс рабочих на предприятиях,—мы в районе неизбежно, в самом процессе повседневной работы, столкнулись с вопросом: что же дальше? Лозунг «Вся власть советам» стал общепризнанным лозунгом широких рабочих и солдатских масс. Надо было ставить практически вопрос о взятии власти, иначе агитация за необходимость перехода власти к советам» могла выродиться в беспредметную агитацию.

В это примерно время Московский Комитет получил непосредственно от Ленина письмо, в котором Владимир Ильич

настаивал на том, чтобы большевики брали власть немедленно. «Медлить,—писал Владимир Ильич,—преступление. Ждать с'езда советов—ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции. Если нельзя взять власть без восстания, надо итти на восстание тотчас.

Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский Совет сразу, тотчас взял власть и об'явил себя (вместе с Питерским Советом) правительством. В Москве победа обеспечена и воевать некому. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать и нет спасения, оно сдается... Ибо Московский Совет, взяв власть, банки, фабрики, «Русское Слово», получает гигантскую базу и силу... и т. д. Необязательно «начать» с Питера. Если Москва «начнет» бескровно, ее поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска идут на Питер».

Это письмо Владимира Ильича горячо обсуждалось на собрании активных работников Московской организации. Собрание высказалось за необходимость начать такую тактику борьбы, которая в процессе все большего и большего нарастания столкновений и конфликтов на почве борьбы рабочих с локаутом капиталистов вплотную привела бы нас к восстанию, втянув в водоворот событий широкие рабочие массы. Предложение организовать вооруженную демонстрацию было отвергнуто и принята так называемая «декретная кампания», которая по сути дела сводилась к захвату власти советами. На об'единенном заседании Исполнительного комитета советов резолюция, предложенная фракцией большевиков, собрала только 33 голоса против 66 меньшевиков, эсеров и части беспартийных. На пленуме 19 октября эта резолюция получила 331 против 207.

Меньшевики после голосования заявили, что мы идем к захвату власти и «изолируем пролетариат». Поэтому «во имя спасения» революции и рабочего дела они «будут добиваться немедленно перевыборов всех членов советов».

Так фактически мы вступили в период восстания. 23 октября у себя в районе мы приступили к осуществлению целого ряда революционных мер в области столкновений рабочих с фабричной администрацией, отменили квартирную плату с рабочих, ввели через фабзавкомы фактический контроль над производством и повели агитацию за неизбежность и необходимость восстания.

Располагая большинством в думе и в районном совете, мы фактически об'единили работу этих двух органов власти, подчинив хозяйственную деятельность думы совету, который с этого момента фактически становится уже органом пролетарской диктатуры, проводя и в области продовольствия,

и в квартирном вопросе классовую линию. Райком не испытывал в этом отношении никаких колебаний.

На заседании Московского Комитета 25 октября была выбрана боевая пятерка на весь период вооруженной борьбы и намечен состав военно-революционного комитета.

Пленум Московского Совета 25 октября санкционировал восстание. Мы не произносили речей в этом историческом заседании Совета. Настроение районов и солдат нам было хорошо известно. Мы знали, что они нас поддержат. Спорить при таких условиях с меньшевиками и эсерами об оценке момента мы считали пустой и ненужной потерей времени.

26 октября в районе, в студенческой столовой, было назначение экстренное собрание райкома с активными работниками и представителями фабрик и заводов.

Уже в полночь, прибыв с пленума Совета, я сделал подробный доклад о принятых решениях и о необходимости немедленно предпринять практические шаги к восстанию. Настроение у всех было приподнятое. Чувствовалось, что наступил решающий момент. Представители с мест подтвердили готовность масс к восстанию. Лишь несколько сдержанно характеризовал настроение 193 полка тов. Пандитный. Кое-кто из товарищей высказал сомнения в целесообразности избранного момента для восстания, но в конечном счете все голосовали за немедленное восстание.

27 октября утром в нашем совете на Царицынской улице все еще было по-старому, и шла обычная будничная работа. Меньшевистские девицы попрежнему занимали две наиболее удобные комнаты для продажи своей партийной литературы и ведения своих организационных дел, в другой комнате сидели эсеры, в третьей, размером поменьше,—об'единенцы. Все эти представители партий сидели в своих комнатах на законном основании,—как представители партий в совете. Однако, это было так несуразно и нелепо, что пришлось сейчас же попросить впавших в благородное негодование девиц очистить помещение для красногвардейцев.

26 октября вечером был избран ревком: Соврасов, Савельев (А. Шелехес), Ангарский, Лихачев (Уваровский парк), от Дорогомиловского подрайона—Блис, затем меньшевик Николаев и одна представительница об'единенцев.

Первые дни, как и всюду в районах, чувствовалось выжидательное настроение, некоторая нерешительность, неясность общего плана боевых действий. Но этого плана Московский военно-революционный комитет не мог еще дать районам; положение его было весьма трудное. Меньшевики критиковали, пугали, увещевали, вели переговоры (они входили в ревком) с Комитетом общественной безопасности. Представители Викжеля (Всероссийский исполком комитета железнодорожников) топтались в хвосте меньшевиков и еще

больше увеличивали неразбериху и мешали ВРК взять твердую линию. Рабочие в районах требовали оружия, но его не было. Начавшееся-было вооружение рабочих в Кремлевском арсенале было прекращено приказом полковника Рябцева, и юнкера постепенно окружали Кремль. Военно-революционный комитет выжидал, вел переговоры и только 28 октября об'явил всеобщую забастовку, после первого ультиматума Рябцева (в ночь на 28 октября). Только с об'явлением забастовки фактически в районе начались боевые действия.

С вооружением дело в Хамовниках стояло так же плохо, как и в большинстве районов. Об'явив 25 октября восстание, мы продолжали еще хлопотать о вооружении рабочих, доказывая командующему войсками полковнику Рябцеву и Ровному, что мы вооружаемся для охраны революционного порядка. И первое время мы имели некоторую надежду достать оружия, кое-что даже успели получить, но вскоре Кремль был окружен юнкерами, и отобранное нами оружие не удалось увезти.

25 октября в Хамовниках мы располагаем лишь дюжиной старых винтовок. Собственно говоря, вооружаться мы начали путем разоружения офицеров. Война не была об'явлена, но военные действия начались. Наши патрули и солдаты то и дело приводили к нам в ревком офицеров, как проживающих в Москве, так и прибывших с фронта. Мы разоружали их и частью задерживали, частью отпускали.

Патрули арестовывали и вели в совет всех военных, не пренебрегая военными врачами и отставными генералами. Большинство задержанных мы отправляли под арест в казармы 193 полка. Великодушия у нас в то время было еще немало. Мы позволяли себе иногда роскошь отпускать офицеров на честное слово, если они доказывали, что в Москве находятся временно, проездом, и обещали не бороться против нас. Этим нашим великодушием не были заражены наши патрули и в особенности солдаты 193 полка. Были случаи расстрела арестованных по пути в казармы.

28 октября в помещении Московского Совета войск еще было очень мало. Мне было поручено ВРК вывести из Хамовнических казарм несколько рот для защиты Совета. В казармы 193 полка явился я около 12 часов ночи, со мной был тов. Шелехес, член полкового комитета. Я пред'явил приказ и об'яснил, в каком положении находится Совет и почему требуется немедленная поддержка. Началось долгое и нудное обсуждение вопроса. Полковой комитет плохо информирован о положении дел в центре и о соотношении борющихся сил. Приказ ревкома был признан недостаточным, и от меня потребовали приказа Совета солдатских депутатов, президиум которого был в подавляющем большинстве меньшевистски-эсеровский. Дело явно срывалось. Однако, после

долгих пререканий все же решили выступить. Дали знать по ротам. Делалось все вяло, неуверенно, нерешительно. Сонные одевались солдаты, группами шли во двор. Моросил пронизывающий осенний дождь. Было холодно и темно. Медленно строились ряды, спорили, ругались, несколько раз меняли решение и, наконец, заявили: «Ночью не пойдем».

В ночной темноте я разглядел тов. Ярославского, пользовавшегося значительным влиянием в 193 полку. Он молча наблюдал, чем все это кончится. Выступать перед массой с агитационными речами мы не сочли удобным и решили дождаться утра. Признаюсь, я не особенно верил в выступление. Однако, около 10 часов утра три роты действительно выступили. Я провел их по набережной Москва-реки до Пресни, откуда они направились в Совет. Эти три роты принимали участие в боях у Никитских ворот и оставались в Совете все время до победы восстания и заключения мира.

Весь райком в целом в Октябрьские дни принял непосредственное участие в восстании: одни с оружием в руках сражались с юнкерами, другие вели работу по продовольствию и оказанию медицинской помощи раненым. Из ближайших работников райкома составлен был рабочий аппарат райкома. Каждый внес свою долю участия в восстание, исхода которого мы в то время еще не предвидели.

И в подготовке к Октябрю, и в Октябрьской борьбе, и в период организации власти после восстания члены райкома и активные работники Хамовнической организации неизменно оставались на своих постах.

★

И. Батышев

ПРЕСНЯ В ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА

Статья согласована с активными участниками Октябрьской революции тов. Калачевым и Петронас.

25 октября в районе Пресни образовался районный военно-революционный комитет из пяти лиц: Слесарева, Шеногина [1]), Жарова, И., Зубкова и П. Беленького (позднее ревком подвергся персональному изменению). Ревком поместился в Б. Предтеченском пер., доме № 4 (ныне переулок Большевиков). Борьба в районе еще не началась, оружия не было. Среди рабочих и остального населения настроение было выжидательное; только передовой слой рабочих начал группироваться вокруг военно-революционного комитета. В первый же день был организован отряд из рабочих во главе с тов. Шеногиным и послан в центр с ломами и лопатами для рытья окопов и постройки барикад [2]).

В ночь с 25 на 26 октября 1917 г. районный комитет РСДРП(б) оставляет свое помещение по Предтеченскому пер., принимает меры к сохранению секретных дел и архива и переходит за Пресненскую заставу в помещение фабрично-заводского комитета завода Тильманс, а потом на фабрику Трехгорной м-ры, бывшей Прохорова.

Идет сбор живых сил рабочей Пресни, и в помещении фабрично-заводского комитета шумной толпой собираются пролетарии, готовые в бой за рабочее дело, за идеалы партии и Октября.

Фронтовики несут оружие. Происходит его сортировка и вооружение рабочих. Намечаются группы и отдельные вожаки с тем, чтобы через несколько часов стать боевыми отрядами.

От первых, пока еще случайных стычек есть уже первые жертвы.

---

[1]) По справке, данной тов. Калачевым, тов. Шеногин не входил в пятерку, входил тов. Калачев.

[2]) М. Рыкунов, В. Горшков, Шеногин, Н. Меркулов Н. Яковлев.—Сборник воспоминаний „Октябрь на Пресне“.

26 октября оформляется штаб повстанческих сил Пресни, не прекращающий своей работы до последних стычек на территории района и закрепления победы московских рабочих.

Белые группируются для удара в двух направлениях: 1) На Брянский вокзал и 2) через Кудринскую площадь по Б. Грузинской на Александровский вокзал. Правым своим флангом они поддерживают группу, действующую в направлении Триумфальной площади на Московский Совет, от Никитских ворот и с Б. Садовой ул.

Для основных операций белые выбирают Кудринскую площадь и стягивают к ней свои резервы и имеют сильный заслон против фабрик и заводов рабочей Пресни. Резервами их были: Александровское военное училище, Смоленская школа прапорщиков, ударники и белогвардейцы-учащиеся, последние по преимуществу на правом фланге.

В боевую задачу рабочей Пресни входило: 1) необходимость поддерживать защиту Московского Центрального Совета, 2) не допускать белых на Брянскую и Александровскую железные дороги, лишая их тем самым пополнений ударниками и ударницами, с'езжавшимися в Москву на помощь силам полков Рябцева, 3) не дать белым изолировать рабочий резерв Пресни от артиллерии (Ходынка) и центра артиллерийского снабжения, что грозило бы гибелью живым силам района.

Штаб Красной гвардии Пресненского района выработал следующий план военных действий:

1) Захватить Кудринскую площадь до Скарятинского пер. включительно и настойчиво продвигаться к Никитским воротам с заслоном против Арбатской площади.

2) Выбить белых с Сенной площади, направив удар с Тишинских и Трындинского переулков и Владимиро-Долгоруковской улицы, распространиться по Кудринско-Садовой до Триумфальной площади на соединение со своими частями из центра.

3) Ночным набегом захватить Горбатый мост, действуя с Пресни по Конюшковской ул. и от фабрики Прохорова по берегу Москва-реки. Растянувшись со стороны Кудринской площади до Смоленской площади, изолировать Смоленскую школу прапорщиков и одновременно перебросить через Москва-реку группу красногвардейцев для прикрытия Брянского вокзала и совместного наступления. На следующую ночь со Смоленской площади и Брянского вокзала— на Смоленскую школу.

4) Назначить три мелких отряда (по 12—15 чел.) для уничтожения оставшихся в нашем расположении в засаде белогвардейцев, чтобы последние не помешали основным операциям с тыла.

Такой план требовал сил и соответствующего вооружения. Последнее на Пресне составляло: десятка полтора берданок, полсотни револьверов и десяток винтовок [1]).

Положение центра в ночь на 28-е было очень тревожное. Нужна была артиллерия, но она находилась на окраинах и бездействовала. В Пресненский район были посланы кандидат военно-революционного комитета тов. Рыкунов, и член Московского исполкома, тов. Меркулов, которые около 11 час. дня 28-го пришли в районный военно-революционный комитет; здесь они встретили несколько человек из рабочих и работниц и тов. Лихачева. Тт. Рыкунов и Меркулов еще по выходе из здания Московского Совета задались целью привести в центр артиллерию с Ходынки. Об'явив об этом тов. Лихачеву, они немедленно сели в имевшийся у последнего автомобиль и вместе с ним и артиллеристом тов. Рудниченко отправились в Хамовнический совет, а оттуда в казармы. Солдаты встретили их очень приветливо и, узнав, что необходимо немедленно послать на Ходынку отряд для прикрытия артиллерии, очень сочувственно отнеслись к этому предприятию и в течение не более часа создали отряд численностью около 300 вооруженных солдат. Этот отряд под руководством тов. Меркулова отправился на Ходынку, причем по пути, на Девичьем Поле, был обстрелян юнкерами, но благополучно добрался до места назначения. Тт. Лихачев и Рудниченко отправились прямым путем на Ходынку, чтобы подготовить артиллерию для отправки нескольких орудий в помощь центру, а тов. Рыкунов отправился в Московский Совет предупредить о приходе артиллерии.

Настроение солдат как пехоты, так и артиллерии внушало полную уверенность в осуществление этого плана. И действительно, едва тов. Рыкунов успел добраться до центра, первые орудия прибыли к Московскому Совету [2]).

Подведем краткий итог тому, что в это время происходило в Николаевских, ныне Октябрьских, казармах, т.-е. в 1 запасной артиллерийской бригаде.

1 запасная артиллерийская бригада, приняв постановление о переходе власти в руки советов, выдвинула революционный комитет в составе тт. Осипова, Исаева, Гливинского и др. Под руководством этого революционного комитета бригада готовилась к бою. Из предосторожности по ночам вокруг бригады выставлялись конные раз'езды и пешие засады. В ночь на 28 октября, часов около четырех, неожиданно во дворе бригады затрещали ружейные залпы, перешедшие в беглый огонь. Из всех казарм и бараков,

---

[1]) Златоверов.—Сборник воспоминаний „Молодая Пресня в Октябре".
[2]) М. Рыкунов, В. Горшков, Шеногин, Н. Меркулов, Н. Яковлев.—Сборник воспоминаний „Октябрь на Пресне".

одеваясь на ходу, с оружием в руках, во двор 2 дивизиона выскакивали артиллеристы. Часть из них бросилась к орудиям, часть на конюшни. Тут же среди двора было несколько групп каким-то образом попавших в бригаду пехотинцев. Во дворе 1 дивизиона фонари оказались потушенными. Туда же направились дулами два орудия, устанавливаемые какой-то артиллерийской командой. Собравшаяся группа в 40—50 человек решила узнать,, что там делается. Вслед за ними двинулось еще несколько таких же команд. Без выстрела, никого не встретив на своем пути,—пишет тов. Бирюк [1],—подошли мы к орудиям 3 батареи. Осматривая их, мы издали услышали в расположении орудийного парка 1 батареи лязг железа. Но кто и что там делал, за густой темнотой ночи понять нельзя было. Быстро осмотрев орудия 3 и 2 батарей, оказавшиеся в полной исправности,. мы направились в парк 1 батареи.

Подойдя к орудиям, мы сразу же заметили на некоторых из них отсутствие замков, на других порчу и полную непригодность для стрельбы. К этому времени другой командой был закончен осмотр конюшен, при чем были обнаружены: на одной—убитый дежурный по конюшне, на другой—тяжело раненый дневальный, который вскоре скончался. Вернувшись во двор 2 дивизиона, я зашел в помещение революционного комитета, битком набитое вооруженными людьми. С большим трудом удалось установить приблизительную картину происшедшего [2]).

Разоружив без выстрела конную разведку, юнкера и казаки неожиданно, со стороны Хорошевского шоссе, появились во дворе 2 дивизиона. Закрыв выход из революционного комитета и тем самым парализовав его деятельность, они начали хозяйничать во дворе, но в это время были замечены ближайшей засадой, открывшей по ним огонь, и, отстреливаясь, быстро отступили через двор 1 дивизиона. Говорили, что в налете на бригаду принимали участие и часть офицеров и команды вольноопределяющихся 1 артиллерийской запасной бригады, что вполне вероятно. Потери бригады в эту ночь выразились в двух убитых и нескольких легко раненых. Возбуждение было громадное. Все горели желанием броситься в город и смести с лица земли всю контр-революционную нечисть. Пехота, о которой упоминалось выше, была приведена прапорщиком Горанским и поступила в распоряжение революционного комитета.

К утру территория бригады была окружена наспех созданными укреплениями. Пять взводов орудий, имея прикрытие, приняли на себя защиту подступов к бригаде. Два орудия

---

1) Сборник воспоминаний „Октябрь на Пресне".
2) Там же.

с их прислугой служили непосредственной защитой революционного комитета. Укрепившись сама, бригада часов с 12 дня начала выбрасывать в город батареи и взводы. Первой выступила 5 батарея. Растянувшись по Петроградскому шоссе, имея по бокам две редкие цепи прикрытия, батарея осторожно продвигалась по городу. Миновали Александровский, ныне Балтийско-Белорусский, вокзал, Садовую. Вдруг против редакции «Русское Слово», по батарее из переулка, выходящего на Тверскую улицу, со стороны Никитской раздался ружейный залп. На батарее произошло замешательство. Оказалось, что из переулка неожиданно появившимся эскадроном кавалерии был открыт по батарее огонь. Обстреляв батарею, отвечавшую тоже стрельбой из ружей, кавалерия быстро скрылась. Вытянувшись на Страстную площадь, где оказались части 193 пехотного запасного полка, батарея, установив орудия и отослав лошадей в прикрытие, открыла огонь по засевшим в доме бывшего градоначальства юнкерам. Загремели первые орудийные выстрелы по Москве. Бригада вступила в бой с юнкерско-белогвардейской Москвой. Вслед за 5 батареей для защиты Центрального революционного комитета и города была брошена под командой тов. Давыдовского 6 батарея. За ней отдельными взводами было выброшено до двадцати легких орудий. В разных частях города в течение почти семи суток гремело до тридцати легких орудий 1 запасной артиллерийской бригады. В течение семи дней и ночей грохот этих орудий, начавшийся на окраинах и железным кольцом охвативший белогвардейцев, то усиливаясь, то ослабевая, приближался к центру. Никитские ворота, «Метрополь», кремлевские стены и почти все улицы Москвы носили следы разрывов снарядов 1 запасной артиллерийской бригады. (В настоящий момент эти следы разрушения найти нельзя [1]), разрушенные здания капитально отремонтированы; что же касается здания, разрушенного 5 батареей у Никитских ворот, то оно во время бомбардировки все сгорело, и от него остались только одни каменные стены. Теперь на этом месте поставлен памятник проф. Тимирязеву и сделан сквер.—*И. Б.*).

Несколько зданий совершенно разрушено ее огнем. Не довольствуясь своими легкими орудиями, часть артиллеристов бригады разыскала и пустила в дело несколько французских дальнобойных орудий Так отвечали трудящиеся артиллеристы за все угнетения эксплоататорам, и если в 1905 г. наши предшественники—старое поколение артил-

---

[1]) На углу Тверского бульвара и Страстной площади, с правой стороны памятника Пушкину до настоящего времени сохранился трамвайный металлический столб, пробитый насквозь снарядом красной артиллерии в Октябрьские дни 1917 г. *И. Б.*

лeристов 1 гренадерской артиллерийской бригады—из этих самых Николаевских (ныне Октябрьских) казарм запятнало себя позором расстрела рабочих на барикадах Пресни, то в Октябре 1917 г. новое поколение артиллеристов смыло это пятно позора [1]).

Однако, вернемся к событиям, развернувшимся на Пресне. Появление артиллерии на улицах Москвы, присоединившейся к советам, сыграло огромную роль как в настроении центра, так и в районах. В день ее появления положение в районе начало быстро меняться. Выжидательное состояние, в котором находились рабочие, прошло, и они, группируясь около фабричного комитета Прохоровской фабрики, пытались вооружиться и образовать отряды. С другой стороны, интеллигенция и буржуазная часть населения района связались с юнкерами и студентами; в районе стали раздаваться выстрелы, а затем, время от времени, открывалась стрельба по Кудринской площади со стороны Смоленского рынка. Военно-революционный комитет, чувствуя свою слабость в районе, переменил свое местонахождение, удалившись сперва в Тестовский поселок, на завод Тильманс, а затем на Прохоровку. Вечером, 28-го же, тов. Меркулов вернулся с Ходынки в Прохоровский комитет и принял участие в организации отрядов, а тов. Рыкунов, придя из центра на старую квартиру военно-революционного комитета и найдя в ней несколько работниц, послал за членами военно-революционного комитета. Первым пришел тов. Слесарев, с которым тов. Рыкунов отправился в Хамовнические казармы за солдатами. Однако, солдат получить не удалось, ввиду чрезвычайно тревожного положения Хамовнического района, и тов. Рыкунов около двух часов ночи с несколькими пресненскими рабочими, тоже пришедшими за солдатами, вернулся в Прохоровский комитет, помещавшийся близ Пресненской заставы. Здесь уже кипела работа по вооружению рабочих, выставлены караулы и довольно сильная охрана, словом, окончательно укрепились [1])

Утром 29 октября в Прохоровском комитете тов. Рыкунов, пользуясь правом представителя Московского военно-революционного комитета, составил в районе новый военно-революционный комитет, в который вошли: Рыкунов, Александров (Лейтман), Зубков, А. Дугачев и Беленький. Ввиду того, что до этого момента часть оружия попала к наиболее несознательным рабочим, военно-революционный комитет издал приказ о возвращении оружия, составив отряды из наиболее революционно-настроенных рабочих, начал вооружать их и разоружать районную милицию. Днем из центра было

---

[1]) Бирюк.—Сборник воспоминаний „Октябрь на Пресне".

[2]) Сборник воспоминаний „Октябрь на Пресне".

привезено еще оружие, которым тотчас же вооружились отряды рабочих.

В этот день военно-революционный комитет организовал и вооружил до 600 самых передовых рабочих, при помощи которых обезоружил милицию и захватил на Воскресенском шоссе отряд казаков. В этот день тов. Горенковым с 12 вооруженными рабочими был взят 1 милицейский комиссариат; там разоружили около 60 человек милиции. Тов. Зубков и унтер-офицер из отряда двинцев с небольшим отрядом работниц проделал то же со 2 комиссариатом. К вечеру весь Пресненский район был в руках военно-революционного комитета; образовался штаб из тт. Шеногина, Златоверова (вольноопределяющийся, коммунист, Рудниченко (артиллерист) и Меркулова. Тов Александров был назначен вместо Слесарева районным комиссаром [1]).

Члены военно-революционного комитета направились по фабрикам и заводам—приток сил растет, группы рабочих вооружаются за счет противника. Учитывая необходимость широкой связи и руководства большим числом отдельных вооруженных отрядов, следовало перенести свой штаб в центр боевых действий. Штаб с группой красногвардейцев перебрался на Кудринскую улицу и, захватив пожарную часть (двор и здание комиссариата милиции), расположился здесь рядом с Вдовьим Домом.

Одновременно с короткими ударами со стороны Тишинских и Трындинского переулков была захвачена Сенная площадь и поведено наступление в центр резервов противника, на Кудринскую площадь. Последняя в жестоком ночном бою, дошедшем до рукопашной схватки, была взята, а переброшенной за Москва-реку группой был захвачен Дорогомиловский мост [2]).

Установилась прочная связь с центром и соседними районами, и таким образом ночью 29-го организационная работа была закончена, и началась работа по подготовке к военным операциям. В ночь на 30-е производились разведки отрядами из коммунистической молодежи, которыми руководили тогда М. Дугачев, Попов, Быстров, Штерн, и особенно среди них отличался мальчик Борис Нилов.

К этому времени с Ходынки прибыли три орудия, из которых два были поставлены у Зоологического сада и одно—на Нижней Пресне, близ 1 комиссариата.

В тот же день был обследован весь район, колокольни, подозрительные дома, было перехвачено 34 воза консервов. направляемых в район Арбата для штаба белогвардейцев,

---

1) Сборник воспоминаний „Октябрь на Пресне". М. Рыкунов, В. Горшков, Шеногин, Н. Яковлев.

2) Златоверов.—Сборник воспоминаний „Молодая Пресня в Октябре",

и была установлена связь с тяжелой артиллерией, стоявшей около деревни Шелепиха, которую снабдили продовольствием, отказавшись, однако, от предложенной дивизионной помощи.

С поддержкой артиллерии и двух пулеметов Красная гвардия Пресненского района занимает Садово-Кудринскую улицу до Триумфальной площади, совершенно очистив от белых район—Кудринская, Сенная, Триумфальная площади,—и направляет разведку по Малой Никитской, Гранатному переулку, Спиридоновской улице, М. Бронной и Козихинскому пер., дав ей задание очистить по пути следования дорогу от белых и, сосредоточившись в концах этих улиц и переулков, повести наступление на Никитские ворота, пользуясь поддержкой артиллерии, действовавшей со Страстной площади вдоль Тверского бульвара [1]).

В ночь юнкера повели наступление со стороны Тверской и Никитских улиц, и была пущена в ход артиллерия.

Перестрелка шла до утра и утром прекратилась часа на три, после чего снова возобновилась с большей силой. Около 12 часов дня белогвардейцы довольно успешно начали двигаться с Никитской и Поварской, и в то же время открылась усиленная стрельба из пулеметов со стороны Смоленского рынка. С наступлением белогвардейцев ожили верхние этажи и чердаки домов Никитской, Поварской, Садовой и Новинского бульвара, с которых стали то и дело раздаваться выстрелы в наши передовые отряды, расположенные по Кудринской площади. Необходимо было установить артиллерийский наблюдательный пункт. Единственно удобным для этого местом была колокольня церкви, расположенная против нашего штаба. Двое вооруженных товарищей отправились к священнику этой церкви взять у него ключи. Попа нашли, но он, заявляя о своей нейтральности и взывая к нашей совести, ключей не давал, говоря, что не допустит, чтобы из храма сделали орудие бойни. Все доводы товарищей не привели ни к чему. Пришлось поневоле принять более решительные меры: священник был арестован и доставлен в штаб. Здесь ему вновь было предложено выдать ключи, с предупреждением, что в противном случае он будет арестован, двери церкви выломаны, а колокольня использована соответствующим образом. Только после этого священник выдал ключи. Тотчас же на колокольне был установлен пулемет и наблюдательный пункт, давший возможность корректировать стрельбу артиллерии [2]. Для отражения наступающего неприятеля одно из орудий передвинули на Куд-

---

1) Златоверов.—„Молодая Пресня в Октябре“.
2) Калачев.—Сборник воспоминаний „Октябрь на Пресне“.

ринскую площадь и открыли артиллерийский огонь по Никитской улице.

Была произведена попытка взять Смоленскую площадь, дважды она была отбита за один день; в этом районе у белых сосредоточились большие силы с броневыми автомобилями.

Трещат пулеметы. Мерно отбивают свое трехдюймовки. Шаловливо, весело свистят одиночные ружейные и револьверные выстрелы. Жутко, но весело. Идем на «позиции» на Новинский бульвар, а оттуда напирают юнкера Александровской школы под прикрытием броневика. Вдруг Лапидус начал плясать, скакать на одной ноге, то нагибается, то вновь встает. В чем дело? По лицу не видно, чтоб ранен был. Нет, это пуля рикошетом ударилась в подметку и немного обожгла пятку. «Ловко. Уже окрестился»,—слышатся возгласы и смех.

Горячее здесь было дело, есть убитые и много раненых, но наступление отбито. Дрались, как львы, несмотря на неопытность в этом деле [1]).

На Поварской улице белогвардейцы втащили пулемет на колокольню церкви Бориса и Глеба и оттуда открыли стрельбу по нашим отрядам. Бой завязался, оперативный штаб района усилил Кудринскую площадь новыми отрядами и распорядился открыть огонь из второго орудия от Зоологического сада по направлению Поварской. Наступление белых было остановлено, и после трех часов пополудни стрельба с их стороны ослабела.

Тогда штаб решил повести наступление сразу по Никитской и Поварской. Были выделены два отряда, человек по 30 каждый, которые стали продвигаться по улицам, беря дом за домом и квартал за кварталом, осматривая чердаки домов.

Никитский отряд под начальством Кибарта добрался уже до церкви Вознесенья, когда со стороны Смоленского рынка началась усиленная пулеметная стрельба, и появился на Кудринской площади бронированный автомобиль противника. Наши кудринские отряды отступили с площади на Кудринскую улицу, оставив орудие, которое в момент появления автомобиля дало еще выстрел и разорвалось. Площадь оказалась таким образом в руках неприятеля, а отряды на Поварской и Никитской—отрезанными от своей базы. Однако, автомобиль продержался на площади всего несколько минут и повернул опять к Смоленскому рынку, обстреливаемый снова наступающими с Кудринской улицы отрядами [2]).

Борьба принимала затяжной характер и не давала никаких положительных результатов. Укрепившись в особня-

---

[1]) М. Дугачев.—Сборник воспоминаний „Молодая Пресня в Октябре".

[2]) М. Рыкунов, В. Горшков, Шеногин, Н. Меркулов, Н. Яковлев.—Сборник воспоминаний „Октябрь на Пресне".

как по Б. Никитской и Поварской улицам, не принимая открытого боя, юнкера держались крепко.

Если и случалось выбивать их оттуда, то только на время, удержать же эти улицы за собой не удавалось, так как наш фронт был сильно растянут. Такая борьба продолжалась около двух дней, в течение которых мы потеряли много товарищей убитыми и ранеными. Между тем, юнкера основательно укрепили за собой Поварскую и Б. Никитскую улицы, заняв их вплоть до Кудринской площади, и уже пытались продвинуться дальше, чтобы занять и ее. Пришлось построить барикады, перегородив Б. Никитскую, Поварскую и Б. Конюшковскую, где со стороны Горбатого моста нас все время обстреливали [1]).

После неудавшейся попытки взять Смоленскую площадь пришлось ограничиться захватом следующей линии: Дорогомиловский мост, по набережной Москва-реки—Проточный. Перегонный переулки, Горбатый мост, Девятинский переулок, Новинский бульвар, церковь, выходящую на Трубниковский переулок, Скарятинский переулок—и прикрывать набегами по переулкам между Б. Никитской и Поварской наш левый фланг от удара со стороны Молчановки. По этой оборонительной линии возводились барикады и рылись окопы.

В таком состоянии Пресненский район застало перемирие, об'явленное из центра.

Подбираем по дворам и чердакам раненых и убитых рабочих и юнкеров, которых размещаем в ближайшие больницы и госпитали.

Усталость и голод—ни фунта хлеба в распоряжении военно-революционного комитета—начинают давать себя чувствовать. Много голосов, недовольных перемирием. Женщины-работницы несут санитарную службу и, становясь в ряды бойцов, бодрят своих мужей, братьев, сыновей. Дети рабочих приносят из дому у кого что есть,—кто корку хлеба, кто кусок сахара, кто кипяток,—и все несут на позиции.

В штабе—напряженная работа: сортировка патронов и обучение рабочих действовать гранатами. Захвачен случайный транспорт баранок, поступило крупное количество картошки, появились масло, хлеб и мед; организуется продснабжение красных отрядов. Всеми дружно чувствуется, что это еще не конец, еще бои впереди... Меньшевистская сволочь вертится среди рабочих, пытаясь разлагать и гасить их настроение, но, видно, терпит неудачу и клянчит у военно-революционного комитета себе револьверы, для «самозащиты»... На предложение стать в наши ряды с оружием

---

[1]) Калачев.—Сборник воспоминаний „Октябрь на Пресне".

в руках подло улыбаются и повторяют предательское постановление ЦК: «ни за рабочих, ни против рабочих»,—понимай—за белогвардейцев.

Военно-революционный комитет допрашивает белых пленных. Здесь и старый кадровый офицер с трясущимися руками молит о пощаде, защищаясь своей политической неграмотностью,—«не туда обратил оружие», «не успел разобраться». «На гаупгвахту»,—отвечает военно-революционный комитет. Здесь и юнкер, и студент, и брюхатый спекулянт подличают, скуля о своем неведении.

Юнкер шел бороться потому, что «принуждали товарищи по школе», студент «шел проведать своих родителей», или был «у товарища на пирушке», а в кармане бомба; пузатый шепчет: «господи, помилуй!»—и не знает, как попал «в эту кашу», а в носках план расположения красногвардейских застав, пулеметов, артиллерии и санитарных пунктов. А вот белая сестра, провозившая патроны в санитарных автомобилях для сынков белой кости.

Разоружается и обыскивается эта шваль, выгоняется во внефронтовое расположение, в свой тыл, наиболее заядлых—на гаупгвахту.

Красные сестры и братья вносят в штаб нескольких юных рабочих на носилках—переломаны руки и ноги, разбиты черепа... Это—группа юных красных разведчиков, выброшенных белыми с 3 этажа на мостовую из военного госпиталя, на Никитской. Медик-студент,—белогвардеец, которого заставили работать по уходу за ранеными в полевом госпитале при штабе,—виновато жмется в угол перевязочной. Приходит сообщение из Московского военно-революционного комитета: «Переговоры идут, оставайтесь на местах, не стрелять, не предпринимать дальнейших военных операций, ждать результатов переговоров».

Однако, на другой день, не получив известий об окончании перемирия от Московского военно-революционного комитета, пришлось убедиться в окончании такового переходом белых в наступление по всему фронту. Белые открыли военные действия с целью сорвать перемирие, так как, успев оправиться от первых ударов и перегруппировавшись, были уверены, что разобьют красных. В ожесточенных боях растерявшийся в первые моменты сражения противник с превышающими силами, снабженый массой пулеметов, двумя броневиками и с свежим подкреплением по всему фронту сбил Пресненский район. В свою очередь, белых начали теснить развертывающиеся силы центра и Замоскворецкого района. Чем больше теснили белых, тем энергичней они искали выхода через Пресню к Александровской и Брянской жел. дор. По Брянской жел. дор. продолжали подходить ударники, которых успешно разоружали.

В этом наступлении белых Красная Пресня понесла большие потери от пулеметного огня и в результате суточного боя вынуждена была сдать противнику Горбатый мост, Кудринскую площадь, Б. Конюшковский переулок и Конюшковскую ул.

Направление белых в этом участке определялось по Н.-Прудовой на Пресню.

На левом фланге нас выбили с Садово-Кудринской и Владимиро-Долгоруковской улиц и Сенной площади. Белогвардейцы начинают распространяться с Владимиро-Долгоруковской улицы по Кабанихинскому пер., имея целью соединиться со своими частями и захватить военно-революционный комитет со штабом, находящимся в его распоряжении. Другая группа противника в это же время распространяется от Сенной площади по Б. Грузинской улице, Тишинскому и Курбатовскому переулкам, имея целью выход на район фабрик и заводов и далее в район Ваганьковского кладбища с Окружной железной дорогой для перехвата магистралей Брянской и Александровской железных дорог. Положение становится критическим, близится развязка. В руках красногвардейцев остались: Вдовий Дом с углом Кудринской площади и улицы, где они крепко засели, короткая Кудринская улица, пожарный двор и здание милицейского комиссариата, где помещались военно-революционный комитет и штаб с полевым госпиталем, Зоологический сад и Б. Пресня—улица с выходом в рабочий район.

Все это было под сильным ружейным и пулеметным огнем противника.

К часу ночи бой затих. Трехминутное совещание военно-революционного комитета: оставаться на месте, а утром с рассветом, перейти в наступление. Вся ночь на 1 ноября посвящена усилению связи, перегруппировке сил, красногвардейским отрядом и подтягиванию боевого снабжения.

Утром 1 ноября первым наступает Тильмановский завод и к 11 часам восстанавливает старое положение, захватывая Кудринскую и Сенную площади. Заводы «Свет», «Лампа», «Прохоровка» действуют на первом фланге. С берега Москва-реки из двух орудий красногвардейцы выбивают Смоленскую школу прапорщиков, которая, отходя, укрепляется в районе Смоленской площади [1]). Дано распоряжение построить барикады на Кудринской площади со стороны Новинского бульвара, и началась подготовка к наступлению на Никитские ворота. Тут же было получено предписание из центра занять местность до Никитских ворот и соединиться с отрядами Московского Совета. С 12 часов началось наступление, в действие было пущено до 200 человек, причем два орудия

---

[1]) Златоверов.—„Молодая Пресня в Октябре“.

работали в продолжение 2—3 часов. Пулеметы, обстреляв чердаки домов, направили свою стрельбу на район Никитских ворот и по направлению церкви Бориса и Глеба [1]).

Однако, необходимо знать, что же делалось на другом конце Никитской улицы, в районе Газетного переулка. Газетный переулок заняли красногвардейцы военно-артиллерийского и других заводов, которые, организовав в доме № 7 опорный пункт, вели наступление на Никитскую улицу. Лихой атакой отряд выбил юнкеров из дома № 1, угол Газетного переулка и Никитской улицы; наступление отряд вел параллельно с отрядом солдат 56 полка, занявшего Брюсовский переулок и укрепившегося в здании женской гимназии. Красногвардейцы забрали в доме № 1 по Газетному переулку у бросившегося бежать в панике противника 36 винтовок, 24 револьвера и 18 штук ручных гранат. Этот маленький трофей так воодушевил борцов, что они с яростью отбивали атаки противника и с незначительными потерями выбили его из укрепленных пунктов и занимаемых им домов по Никитской улице, №№ 9, 11, 13. Атака была проведена так удачно, что обезумевший противник, несмотря на свое прекрасное вооружение, вынужден был отступить к Никитским воротам, оставив в этих трех домах 192 винтовки, 3 пулемета, 86 пулеметных лент, 11.000 патронов, 4 непочатых ящика ручных гранат, некоторое количество разрывных пуль, 38 человек пленных и продовольствия—3 непочатых хлебов и 2 ящика консервов [2]).

«На Малой Бронной и у Никитских ворот был жаркий бой с обеих сторон. Были минуты, когда невозможно было понять, в каком доме наши и где белые. Но мы, как пролетарии, работали не только санитарками,—пишет работница А. И. Цецум,—мы ползли под перекрестным огнем, разнося патроны: товарищи сами не могли достать. В подвале одного загоревшегося дома были еще наши товарищи и порядочное число винтовок. Тогда мы стали выносить здоровых под видом раненых, клали на носилки винтовки и накрывали шинелью, как будто человека. Таким образом даже пулемет вынесли. Потом белые заметили, что мы делаем, и начали в нас стрелять. Одну ранили, но мы свое делали. Товарищи были спасены, а белым пришлось отступить» [3]). «Вскоре завязывается бой на Никитской улице и по Новинскому бульвару,—пишет другая работница А. Литвейко [4]),—отчетливо

---

[1]) М. Рыкунов, В. Горшков, Шеногин, Н. Меркулов, Н. Яковлев.— „Октябрь на Пресне".

[2]) И. Батышев.—Сборник воспоминаний „Октябрьские дни в Москве и районах".

[3]) Сборник воспоминаний „Октябрь на Пресне".—Цецум А. И.

[4]) Сборник воспоминаний „Молодая Пресня в Октябре".

помнится только начало боя, а дальше все перемешалось в сплошной клубок выстрелов, криков, стонов раненых и крови. Санитарный отряд, состоявший почти исключительно из молодых работниц, из сил выбивался, стараясь подбирать раненых; санитарки часто тут же, в разгаре боя, перевязывали легкие раны, а тяжело раненых тащили в ближайший госпиталь, где дежурили свои же работницы, не доверяя добросовестности кадровых сестер».

Бой по Никитской улице продолжался до 4 часов; весь этот район был охвачен ружейной и пулеметной стрельбой, которая захватила местность от Арбата до Тверской улицы. Отряды дошли до церкви Вознесения, выдвинулись за нее и вступили в непосредственный бой с белогвардейцами у Никитских ворот, но ввиду того, что отряды Московского Совета не могли подойти с другой стороны Никитских ворот, отрядам пришлось отступить к Кудринской площади. Это был один из наиболее крупных боев, в которых участвовали пресненцы. Во время боя было расстреляно до 50 ящиков патронов и потеряно до 18 человек, из которых 7 человек убитыми; в числе их был анархист тов. Петров-Никитин, один из наиболее храбрых товарищей, командовавший отрядом [1]).

Группа бойцов с завода Тильманса, нажимая на отходящего с Кудринской площади противника, с беззаветной храбростью наступает по Поварской. Разведкой, в которой принимали участие и подростки, удалось открыть штаб белогвардейцев, помещавшийся в церкви по Поварской улице. По этой церкви, загрохотала артиллерия. Метким огнем был снесен купол церкви, и среди белогвардейцев началась паника. Совместно с частями, наступающими вдоль Тверского бульвара, бойцы рабочей Пресни по М. Бронной, Спиридоновке и М. Никитской выбивают, наконец, противника и от Никитских ворот. Горячее здесь было дело. Крепко держались белые за Никитские ворота, за этот плацдарм защиты их белой твердыни—Александровского военного училища.

В то же время развивается наступление на Смоленскую площадь; в самый разгар боя лопнуло орудие, прикрывавшее это наступление с Кудринской площади; огонь противника усиливается и берет перевес; белогвардейцы лавиной обрушиваются вдоль Новинского бульвара к Кудринской площади и с ними две бронемашины.

У ворот на Кудринскую, по обе стороны дома «Страхового о-ва Россия»,—барикады; с левой стороны на барикадах юнкера, и их броневик прорывается на площадь...

---

[1]) М. Рыкунов, В. Горшков, Шеногин, Н. Меркулов, П. Яковлев.—Сборник воспоминаний „Октябрь на Пресне“.

Не растерялась рабочая Пресня. С Б. Никитской на руках возвращается одно орудие; красногвардейцы из двора Вдовьего Дома бросаются врукопашную...

Десяток гранат заставляют броневик отступить; короткая рукопашная схватка, и юнкера бегут к Смоленской площади. Шрапнелью, пулеметом и градом ружейных выстрелов провожают рабочие юнкеров с Кудринки. С Поварской по Трубниковскому переулку, через Дурновский и М. Толстовский переулки, Красная гвардия перехватывает отступающих белых на Прогонном и Проточном переулках, сбивает их заставы, а с Дорогомиловского моста и Смоленского переулка берет атакой Смоленскую школу прапорщиков [1]).

Дело стало принимать положительный для нас оборот: с помощью артиллерии удалось очистить Поварскую и Б. Никитскую улицы, вплоть до Арбата и Никитских ворот и соединить фронт с дружинами Городского района [2]).

У Никитских ворот группа красногвардейцев, во главе с тов. Шеногиным, строила барикады на обломках большого дома, разрушенного снарядами; ребятишки улицы усердно помогали им, таская разные вещи и весело смеясь на залпы юнкеров.

Вспоминаются бледные, усталые от бессонных ночей, лица, но нет в них ни страха, ни сомнения; каждый чувствует, что настал час борьбы, еще только одно усилие, еще только несколько жертв,—и победа будет за нами [3]).

Смоленская площадь—в руках Красной гвардии; с подоспевшими отрядами Дорогомиловского района развернуто наступление по Арбату на Александровское военное училище.

Наконец, нами было получено распоряжение о прекращении боевых действий и известие о нашей победе. Мы отнеслись к этому недоверчиво,—не верилось в такое счастье. Только спустя некоторое время, когда к нам в штаб группами стали приводить сдавшихся юнкеров, победа стала для нас очевидна. Радость охватила всех и затмила все тяжелое, тревожное, что было в эти дни. Необходимо отметить отношение красногвардейцев к пленным: оно, несмотря на озлобление, жившее в нас против них, было крайне выдержанным; расправы, насилия, оскорбления совершенно не имели места,—немедленно по разоружении и допроса пленных отпускали на свободу [4]).

★

---

1) Златоверов.—„Молодая Пресня в Октябре“.
2) Калачев.—Сборник воспоминаний „Октябрь на Пресне“.
3) А. Литвейко.—„Молодая Пресня в Октябре“.
4) Калачев.—Сборник воспоминаний „Октябрь на Пресне“.

Розенштейн

БЛАГУШЕ-ЛЕФОРТОВСКИЙ РАЙСОВЕТ

(Воспоминания об организации и работе Благуше-Лефортовского райсовета г. Москвы за период от Февральской до Октябрьской революции 1917 года [1]).

В первые же дни после свержения царизма в районе стал организовываться совет. Территория, охваченная этим районным советом, равнялась территории четырех бывших полицейских участков—Черкизовского, 1-го, 2-го и 3-го Лефортовского. Население района было преимущественно рабочее; в районе находилось очень много фабрик и заводов; некоторые из них были довольно крупные—по 1.000 и 2.000 рабочих, а как раз рядом с советом на стройке «Проводника» было занято до 7.000 строительных рабочих. Впоследствии, когда совет уже сорганизовался, в него входили представители от 55.000 фабрично-заводских рабочих.

Инициатива организации районного совета возникла в первые же дни после свержения царизма и принадлежала группе большевиков—партийных работников, работавших нелегально до революции в этом районе; они создали для этого инициативную группу для организации совета (2 марта [2]). Ближайшие два дня прошли в лихорадочной работе по привлечению делегатов от фабрик и заводов, с каковой целью были использованы все имеющиеся связи с фабриками и заво-

---

[1]) Мне уже приходилось делиться своими воспоминаниями о Благуше-Лефортовском районе за период керенщины (Сборник „От Февраля к Октябрю“, изд. „Новая Москва“ 1923 г., стр. 138—173, статья того же названия; „Октябрьское восстание в Москве“, ГИЗ. 1922 г., стр. 101—116, статья „Октябрьские дни в Б агуше-Лефортовском районе“).

Я хочу закончить воспоминания об этом периоде воспоминаниями о работе и организации районного совета. Я буду не столько черпать воспоминания из своей памяти, сколько опираться на имеющийся у меня документальный материал. К сожалению, этот материал не даст возможности—вследствие своей недостаточности — систематически и шаг за шагом описать деятельность райсовета, и мне придется дать освещение отдельных эпизодов и периодов его жизни, которые, надеюсь, все же дадут некоторую, хотя бы и неполную, картину работы райсовета, как одного из важнейших центров организации рабочих масс в тот период.

[2]) Стиль старый, как и везде дальше.

дами как через партийных товарищей, так и с беспартийными рабочими. Навстречу этому шли сами рабочие фабрик и заводов, которые в эти боевые дни стихийно тянулись к об'единению, выбирая своих делегатов для связи с другими рабочими организациями. Центральным пунктом, который об'единял в районе всех этих делегатов и вообще рабочие массы, являлся Введенский народный дом, расположенный в центре района и захваченный в первые же дни рабочими массами для проведения в нем митингов и собраний.

Теперь перейдем к первому периоду существования районного совета. Его первое собрание состоялось уже 4 марта. На этом собрании, созванном вышеупомянутой инициативной группой, присутствовало 40—50 человек приблизительно от 20 предприятий и некоторых учреждений [1]). Был заслушан доклад одного из товарищей, бывшего в Московском Совете на собрании его 3 марта. Было доложено, что на этом собрании обсуждался вопрос о возобновлении работ на фабриках и заводах и решено не возобновлять пока работы, не исключая и предприятий, работавших на оборону; затем там было вынесено решение о необходимости изменить положение солдат, уравняв их со всеми гражданами, и ввести выборность начальников, которым бы доверяли солдаты; по вопросу об организации районных советов решено было разделить Москву на 8 районов и избрать делегатов от всех фабрик и заводов и рабочих организаций; по отношению к комитету общественных организаций, возникшему в Москве, Московским Советом было постановлено установить тщательный контроль за его деятельностью; наконец, отношение к Временному правительству выразилось в требовании созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, и послана об этом телеграмма на имя Временного правительства. Таким образом, первые решения Московского Совета затронули самые животрепещущие вопросы для рабочих: о забастовке, об уравнении в правах солдат, о Временном правительстве и т. п. По докладу в райсовете возникли оживленные прения, вместе с тем было указано на необходимость привлечь в районный совет представителей от всех фабрик и заводов, а также и от воинских частей, организуя правильные выборы вместо происходивших в первые дни бессистемных выборов, часто даже не от общих собраний, а от спешно организующихся в то время

---

1) Присутствовали представители от завода „Шестерня-Цитроэн", противогазового завода Всероссийского Земского Союза, пуговичной фабрики Гавричевъ, Преображенского о-ва потребителей, механического завода Нефедова, мастерских Сокольнического парка, фабрики обуви Левитина, фабрики Золотарева, газового завода, Суворовской мануфактуры, акционерного о-ва Зеллер, механического завода Сакса, фабрики Швабе, фабрики Сысоева и др.

фабрично-заводских комитетов и даже от групп отдельных активных товарищей. Норма представительства была принята следующая: каждая фабрика и завод на сто человек посылает одного делегата; предприятия, где работает меньше ста, но более сорока, посылают одного делегата; более же мелкие об'единяются для выбора делегата совместно.

Затем был выбран временный исполнительный комитет райсовета в составе 17 человек:

1. Волынкин (большевик—Преображенское о-во потребителей).

2. Пантелеев (эсер—Николо-Покровское о-во потребителей).

3. Селиванов (большевик—фабрика Гавричева).

4. Кобозев (большевик—Преображенское о-во потребителей).

5. Петров (большевик—завод «Шестерня-Цитроэн»).

6. Гусев.

7. Андреев (большевик—фабрика Левитина).

8. Рощин (беспартийный—Николо-Покровское о-во потребителей).

9. Рожков.

10. Цветиков (большевик—Земгор, противогазовый завод).

11. Балакирев (большевик—завод Пелка, б. рабочий ф-ки Ронталлер).

12. Шевелев.

13. Розенштейн (большевик-партработник).

14. Михайлов.

15. Макерова (Николо-Покровское о-во потребителей).

16. Яшин (большевик—фабрика Ронталлер).

17. Соловьев (большевик—фабрика Клячко-Геллер).

Обращает на себя внимание большое количество в числе этих 17 человек работников из потребительской кооперации и пуговичных фабрик. Это об'ясняется тем, что в потребительской кооперации часто находили себе место политически неблагонадежные, а относительно пуговичных фабрик—тем, что фабрика Ронталлер (пуговичная) являлась одной из наиболее революционных в районе и распространяла свое влияние по профессиональной линии и на другие пуговичные фабрики.

Хотя при выборах еще не имелась в виду принадлежность к партии, но большинство избранных (в отношении которых партийность мне известна) оказалось принадлежащим к большевикам. Из них многие—активные партработники. Это произошло потому, что сама инициатива организации райсоветов принадлежала как раз группе большевиков. Второе собрание райсовета, которое происходило на следующий день—5 марта, было занято приблизительно теми же вопросами, что и накануне. Для характеристики этого со-

брания приведу несколько дословных выдержек из сохранившегося у меня протокола. Вот они:

«Первым заслушивается доклад депутата СРД относительно забастовки. Политическую забастовку решено прекратить, становясь с утра 6 марта на работу; но в то же время Совет рабочих депутатов предупреждает, что при первом требовании с его стороны рабочие сейчас же должны бросить работу; вопрос об экономической забастовке откладывается на будущее, так как новое правительство дает обещание экономические требования рабочих провести в законодательном порядке... После обсуждения доклада предлагалось вынести определенную резолюцию по поводу прекращения забастовки, но большинством голосов решено резолюции не выносить, так как решение центрального органа не может быть не исполнено более мелким органом, входящим в его состав».

«Возникают прения по поводу организации солдат, выясняющие положение солдат в связи с последними приказами (возможно, речь идет об известном приказе № 1 и о возникших прениях между солдатами и офицерами), в результате прений принимается предложение пригласить делегатов от воинских частей, которые стоят в Лефортовском районе».

«В связи с сообщением о предполагающейся манифестации, в день праздника революции решено всему Лефортовскому району собраться к Введенскому народному дому и от него итти всем вместе на Красную площадь».

Мы больше не будем приводить фактов о работе районного совета за первый период существования, каковой мы считаем до 21 апреля, когда был переизбран исполнительный комитет райсовета, и большинство в нем получили эсеры и меньшевики. До сего времени в районном совете, как и в исполнительном комитете, как это было уже указано раньше, преобладали большевики и беспартийные рабочие, находящиеся под влиянием большевиков. Это был период организации рабочих масс на фабриках и на заводах путем выборов фабрично-заводских комитетов, связывания рабочих масс вместе через делегатов районного и Московского советов, которые также выбирались на фабриках и заводах. Эти депутаты служили, с одной стороны, информаторами рабочих масс о всех текущих политических событиях, о чем они сами, в свою очередь, информировались на заседаниях Московского и районного советов, передавали постановления высших советских органов, как например, вопрос о прекращении забастовки, об'единяли массы в политических выступлениях, например—упомянутая выше демонстрация.

Что касается роли Совета и его депутатов в оформлении политических взглядов рабочих масс в это время, то эта роль его еще не выявилась, по крайней мере не выявилась

в такой степени, как в последующий период. Напомним, что и для широких кругов нашей партии наиболее четко и ясно отношение к происходящим событиям выяснилось после приезда тов. Ленина и его «тезисов», что уже было в начале апреля. К этому времени уже начали обостряться разногласия между большевиками, с одной стороны, и между социал-соглашателями разных оттенков, с другой стороны. К этому же времени началась и травля против Ленина и вообще против большевизма. Поэтому та дата, 21 апреля, которую мы взяли как дату перехода большинства в районном совете от большевиков к меньшевикам и эсерам, и по существу является некоторым переломным моментом в политической жизни страны, когда началась активная борьба между различными партиями за влияние на рабочие и крестьянские массы.

Теперь изложим более подробно события 21 апреля. Райсовет, как мы указывали выше, охватил территорию четырех комиссариатов. Непосредственно к этой территории, на самой окраине города, примыкал рабочий район, так называемая Благуша, в котором по случайным причинам возник отдельный районный совет. Во главе этого районного совета стояла небольшая группа, именовавшая себя анархистами, вожаком которых был Егоров-Орлегинов, который вскоре перешел к меньшевикам, а также значительная группа эсеров.

Интересно познакомиться с уставом Благушинского районного совета этого времени, который у меня сохранился: Благушинский районный совет рабочих и солдатских депутатов, как формулировали его организаторы, имел довольно туманную цель—«организация труда во всех видах его проявления: заводские комитеты, профессиональные союзы, больничные кассы и т. п.»; «для достижения означенной цели совет устраивает собрания, лекции, входит в отношения и соглашения с общественными и правительственными организациями и частными лицами, нанимает помещения, приобретает и владеет движимым и недвижимым имуществом, заключает договоры и вступает в обязательства». Наконец, самым интересным является следующий пункт: «Так как совет является наиболее полной организацией рабочих, и так как только в единении рабочие могут почерпнуть свои силы, все выступления рабочих как экономические, так и политические, производятся только по решению совета. По той же причине и все другие организации, соприкасающиеся с рабочими, как политические, так и экономические, не должны, дабы не разбивать рабочие силы, организовывать рабочих помимо совета».

Несмотря на сумбурность этой программы, она представляла собой целое политическое кредо, которое позволяло им попытаться на основе выдвинутых положений вести

рабочих по пути соглашательства, стремясь изолировать их от влияния будто бы политических партий, а на самом деле одной политической партии—большевиков.

Существование отдельного Благушинского района не могло долго продолжаться, так как по территории он был чрезвычайно мал, и имелось постановление Московского Совета об образовании всего восьми районных советов. Переговоры о слиянии обоих райсоветов начались еще с половины марта, однако, слияние затянулось до второй половины апреля. При этом лидеры Благушинского райсовета всячески уклонялись от того, чтобы слияние было произведено организованным способом, и чтобы соответственно территории и количеству рабочих были распределены места в районном исполнительном комитете. Они при этом ссылались на обычаи, у них сложившиеся: у себя они все вопросы решали по-семейному, единогласно, без голосования. Нам это казалось отрыжкой анархизма, к которому примыкали многие из благушинских работников. На самом деле дело было гораздо хитрее, и в день об'единенного собрания обоих советов для выбора общего исполнительного комитета, которое происходило в Введенском народном доме, благушинцы привели с собой депутатов в количестве, превышающем депутатов нашего района, несмотря на то, что фабрик и заводов у нас было в 3—4 раза больше, чем на Благуше.

При выборах благушинцы держались очень организованно и проваливали всех наших кандидатов, кроме 3—4 человек наиболее активных работников нашего района, относительно проведения которых, видимо, у них было решение—провести их в исполком из тактических соображений.

В результате состав нового исполкома, по имеющимся у меня сведениям, получился такой:

1. Егоров-Орлетинов (сначала анархист, некоторое—очень короткое—время беспартийный, затем меньшевик—Благуша).
2. Аванесов (большевик—Лефортово).
3. Селиванов (большевик—Лефортово).
4. Бакланов (эсер или анархист—Благуша).
5. Мацкелло (эсер или анархист—Благуша).
6. Степанов (меньшевик—Благуша).
7. Дементьев (эсер—Благуша).
8. Винокуров (эсер—Благуша).
9. Рябикин.
10. Филипчук (эсер—Благуша).
11. Сечев (эсер—Благуша).
12. Орлов (меньшевик—кажется, Лефортово).
13. Розенштейн (большевик—Лефортово).
14. Пантелеев (эсер—Лефортово).
15. Борисов (беспартийный—Благуша).

16. Лассман (большевик—Благуша).
17. Ларионов (эсер или анархист—Благуша).
18. Суров.
19. Власов.
20. Сошников.

Этот список ясно показывает, как меньшевики и эсеры с Благуши вытеснили большевиков Лефортовского района, которых в новом составе осталось только 4 человека, в то время, как в первом составе их было большинство.

С этого времени начинается горячая борьба между большевиками с одной стороны, и меньшевиками и эсерами с другой стороны, не только за влияние на рабочие массы в районе, но и за большинство в районном совете и его исполкоме, как организующем центре рабочих масс района. Интересно отметить, что эта борьба началась с самого же первого дня слияния обоих районных советов. На этом же собрании районного совета, где был выбран исполком, обсуждался также вопрос о ноте министра иностранных дел Милюкова, подтверждавший верность Временного правительства союзным договорам. Я думаю, будет небезынтересным привести доклад и прения по этому вопросу дословно по сохранившимся у меня материалам.

Доклад Егорова-Орлетинова.

«Как вам известно, Временное правительство в своей декларации от 27 марта отказалось от всех аннексий и контрибуций. Но на-днях министр иностранных дел послал вторую ноту союзным правительствам, и вот из-за этого в Петрограде произошла целая буря. Петроградский СР и СД нашел в этой ноте посягательства на права народа. И сегодня в Москве начали звонить по заводам с призывом к выступлению (читает телефонограмму из Петрограда).

В исполнительном комитете СРД обсуждался вопрос, как отнестись к этим выступлениям. Постановлено такие необ'единенные выступления осудить и не допускать. А знамена черные с надписями «Смерть тиранам» и т. п. предлагать свертывать и увещевать демонстрантов.

Прения.

Розенштейн: Характеризует Временное правительство и его деятельность, отношение его к 8-часовому рабочему дню, Учредительному собранию, к войне, братанию на фронте, демократизации дум и т. п. Выносит порицание партиям, голосовавшим за заем. Предложение:—сегодня всю ночь здесь

будет дежурство, будут ждать известий из Петрограда. Прошу всех делегатов звонить с самого утра и справляться о происшедшем. В случае получения известия, что там идет борьба, не ждать особых постановлений, а забастовать и выступить.

Орлов: Я думал, что здесь будут развивать то, что доложил Егоров. Но здесь мы слышим оценку Временного правительства, призыв к выступлению, к контр-решению исполнительного комитета Московского совета рабочих депутатов.

Егоров-Орлетинов: Мы должны решению совета рабочих депутатов подчиниться, потому что там представители рабочих, которых мы должны уважать, как самих себя. В единении только сила, а в партийной работе как раз и нет единения. Нам говорят, что немцы хотят с нами брататься и выходят к нам из своих окопов. Мы знаем, чем они нам ответили на Стоходе—двенадцатью волнами удушливого газа.

Бакланов: Мы должны быть внепартийными, а так как совет рабочих депутатов непартийный, мы должны ему подчиняться.

Алексейцев: Потому Временное правительство не хочет собрать Учредительное собрание в Петрограде, что там рабочие лучше организованы и будут на него сильно нажимать, а войну потому ему нужно доводить до победного конца, чтобы от нас никого не осталось. Оно до сих пор не разрешило аграрный вопрос.

Селиванов: Получив сообщение из Петрограда, нам необходимо выступить. Предлагаю вынести резолюцию».

Пропустим далее выступления нескольких ораторов с той и с другой стороны и приведем еще выступление известной меньшевички в районе—Доманевской, являвшейся представительницей в совете от меньшевиков:

«Мы все уже хорошо знаем, что такое Временное правительство. Мы должны говорить поближе к делу. Должны давить на Временное правительство, а не разбиваться. Нас здесь призывают к дезорганизации, и мы можем быть сметены силами контр-революции. Мы должны выяснить линию свою и поддерживать СРД. Мы должны себя спросить, найдутся ли такие, которые сменят правительство, потому что я знаю, что крестьянство не будет подчиняться СР и СД».

В результате обсуждения были предложены три резолюции: первая—большевиков, призывавшая рабочий класс к решительной борьбе против Временного правительства, в частности против навязывания продолжения войны рабочему классу и крестьянству, стремящемуся ее окончить,—получила 71 голос и две однородные резолюции меньшевиков и эсеров, собравшие по 106—107 голосов, составленные в соглашательских тонах и возлагающие все свои надежды на давление Петроградского и Московского советов РД (боль-

шинство в которых принадлежало тогда соглашателям) на Временное правительство.

Теперь мы переходим ко второму периоду существования районного совета, и снова мы заканчиваем этот период перевыборами исполнительного комитета райсовета (28/VIII), когда, наконец, нашей партии, при поддержке беспартийных депутатов, удалось вытеснить меньшевиков и эсеров из исполкома, за который они цеплялись изо всех сил, хотя уже давно потеряли большинство в районном совете, а также и вообще влияние на рабочие и солдатские массы. Можно отметить, что, кроме этого формального признака (перевыборы), этот второй период характеризуется наибольшим натиском буржуазии и социал-соглашательских партий на большевиков, и лишь к концу его, после корниловского восстания, смелая и решительная тактика нашей партии завоевывает полное признание и поддержку широких масс рабочих, солдат и крестьян, и у Временного правительства не находится сил, чтобы задушить и загнать в подполье нашу партию.

Итак, после перевыборов исполкома 21 апреля началась в течение всего периода оживленная борьба между большевиками и соглашателями. Отметим интересный эпизод этой борьбы, который разыгрался в связи с занятием большевиками Преображенского народного дома. Районный комитет нашей партии до сих пор находился в Введенском народном доме. Но как только хозяевами положения в райсовете, а следовательно в Введенском народном доме, стали меньшевики и эсеры, они начали нас теснить, и вот наш комитет, по соглашению с некоторыми районными отделениями профсоюзов (металлисты, текстильщики и др.) занял Преображенский народный дом, на что исполнительный комитет совета сначала пошел, так как о необходимости реквизировать помещение было сделано индивидуальное заявление одного из рабочих, тов. Соловьева, которому исполком 24 апреля и поручил произвести приемку народного дома. Когда же там устроились большевики вместе с профсоюзами, это вызвало протест меньшевистско-эсеровского исполкома, который на собрании 29 апреля вынес следующую резолюцию:

«В виду поступившего заявления, что в Преображенском нардоме открылся клуб фракции большевиков, и в виду протеста, поступившего со стороны других партий, принять меры к тому, чтобы превратить этот клуб в беспартийный рабочий и предоставить помещение его для всех социалистических партий».

Однако, это постановление запоздало, и Преображенский народный дом остался за нами и упомянутыми профессиональными организациями.

Второй нажим на нашу партию, который пытался сделать исполнительный комитет меньшевиков и эсеров, также относится к началу мая, когда одним из членов исполнительного комитета, эсером Ларионовым, было сделано на исполкоме сообщение о том, что происходившая в Введенском народном доме лекция по аграрному вопросу эсера Буткевича сорвана группой большевиков. По этому поводу исполнительный комитет вынес постановление—довести об этом до сведения большевистского комитета с указанием на недопустимость такого рода действий. На самом деле дело происходило вовсе не так. Основной мыслью доклада эсера Буткевича было то, что землю крестьяне получат только тогда, когда решит Учредительное собрание, а пока надо уважать законность и право (конечно, помещиков). По докладу выступали ораторы-большевики, и, когда выяснилось, что настроение по этому вопросу в пользу большевиков, а не эсеров, они пытались уклониться от принятия резолюции на том основании, что это лекция, а не митинг, и резолюции выносить не полагается. Однако, собрание не согласилось с этим, избрало другого председателя и вынесло резолюцию, в которой отчетливо указывалось, что деревенская беднота должна сорганизоваться и взять в свои руки немедленно все помещичьи, кабинетские и удельные земли без всякой оплаты.

Вот что происходило на самом деле, и что в глазах меньшевиков и эсеров расценивалось, как буйство большевиков.

Мы сейчас не будем останавливаться (а коснемся этого впоследствии) на той чисто деловой, практической работе (продовольственная, культурно-просветительная и т. п.), которую проделал районный совет за весь период керенщины. Эта работа в данный период не являлась доминирующей и наиболее важной в работе райсовета и, как мы покажем дальше, была почти бесплодна, поскольку советы не имели никакой власти. Наоборот, вопросы политической жизни и главным образом борьба между большевиками, с одной стороны, и всеми другими партиями, с другой стороны, за влияние и руководство над рабочими и солдатскими массами являлись наиболее важными факторами того времени, и поэтому мы в дальнейшем будем прослеживать работу райсовета преимущественно в этом разрезе.

Отметим обсуждение на пленуме исполнительного комитета 8 мая вопроса об участии в районных думах. Докладчик, который был как раз наш партийный товарищ Волынкин, указывал, что рабочим необходимо принять участие в деятельности участковых дум, во-первых, потому, что центр хочет взять в свои руки вопросы продовольствия, контролировать которые безусловно лучше в низовых органах, как участковые думы, и, во-вторых, потому, что остро стоит вопрос о милиции, относительно которой Временное прави-

тельство настаивает на переходе в ведение министерства внутренних дел, вместо нахождения при городских думах. Казалось бы, что по этому поводу не должно было быть особых разногласий; однако, меньшевики и большевики предложили свои отдельные резолюции. Одна резолюция была предложена меньшевиками и гласила следующее:

«Собрание фабрично-заводских комитетов Благуше-Лефортовского района вынесло следующую резолюцию:

Признавая необходимость для рабочего класса районных дум, предложить представителям в комитете общественных организаций и в совете представителям районных дум настойчиво потребовать утверждения в срочном порядке временного положения и утверждения сметы для этих дум. Кандидаты в гласные городской думы должны быть намечены и утверждены собранием районных фабрично-заводских комитетов».

Предложение, внесенное большевиками, гласило следующее:

«1. Участковые думы сорганизовались и должны в интересах демократии остаться и вести свою работу.

2. Участковым думам должны быть даны необходимые средства.

3. Участковый гражданский комиссар и комиссар милиции избираются участковыми думами.

4. Заведывание общегородскими делами, впредь до созыва думы по новому закону, должно быть передано районному совету участковых дум.

5. В виду действий назначенного Временным правительством комиссара города Москвы Кишкина, тормозящих работу участковых дум, собрание выражает ему недоверие.

6. Избрание комиссара города Москвы и начальника милиции следует поручить районному совету участковых дум.

7. Утверждение участковых дум должно производиться межрайонным советом участковых дум.

8. Перевыборы в участковые думы на основе четырехчленной формулы должны быть произведены одновременно с избранием в городскую думу».

Были приняты обе резолюции, кроме пункта 4 из второй революции,, и в пункт 6 была внесена характерная поправка Егорова, что выборы комиссара и начальника милиции производятся не межрайонным комитетом участковых дум, а комитетом общественных организаций.

Конечно, большевики не могли примириться с тем, что меньшевики и эсеры 21 апреля вытеснили их из исполкома; чересчур была ясна и самая неправильность тех приемов, посредством которых они победили, и то, что большинство беспартийных по целому ряду наиважнейших политических вопросов принимало предложения именно нашей партии,

а не меньшевиков и эсеров. Мы учитывали также поддержку и сочувствие, которое мы встречали на всех фабриках и заводах и в воинских частях, а также на рабочих и солдатских митингах и собраниях, где всегда верх одерживали наши ораторы и наши предложения, и, наконец, целый ряд перевыборов, особенно участившихся к концу описываемого периода, когда стали выбирать вместо меньшевиков и эсеров членов нашей партии. Необходимо указать, что первое же собрание исполнительного комитета, выбрав председателем Егорова-Орлетинова, пришедшего от анархистов через беспартийность к меньшевизму, пыталось смазать положение, выбрав товарищем председателя тов. Аванесова— большевика, который, однако, от этого избрания отказался. В связи с этим группой депутатов было подано заявление, подписанное 35 представителями фабрик и заводов. которое гласило следующее:

«В совет рабочих депутатов Благуше-Лефортовского района.

Заявление

Выборы в настоящий исполнительный комитет происходили тогда, когда не были еще установлены одинаковые правила для выборов в СРД в соединившихся Лефортовском и Благушинском районах. Следствием этого получилось то, что товарищи из Благушинского совета рабочих депутатов оказались в большинстве на собрании, которое избирало исполнительный комитет. В исполнительный комитет были избраны на три четверти товарищи, работавшие в Благушинском СРД. Мы полагаем, что это случилось потому, что товарищи-благушинцы, не будучи ознакомлены с товарищами-лефортовцами (выборы происходили на втором совместном заседании), голосовали лишь за кандидатов, им лично известных. Поэтому в исполнительный комитет не были избраны многие товарищи, работавшие в исполнительном комитете Лефортовского района с первых дней революции. Тов. Аванесов, один из деятельных работников исполнительного комитета Лефортовского района, не согласился принять по вышеизложенным соображениям избрание в исполнительный комитет Благ.-Лефорт. района.

Поэтому для пользы дела мы предлагаем совету рабочих депутатов Благуше-Лефортовского района переизбрать исполнительный комитет, и таковое переизбрание назначить на следующее собрание совета РД».

Следуют подписи членов СРД Благуше-Лефортовского района.

Это предложение, сделанное в такой умеренной и тактичной форме, удалось провести только лишь после настой-

чивого давления на меньшевиков и эсеров, и в конце мая (29 числа) перевыборы эти состоялись. Им предшествовала весьма оживленная дискуссия по поводу того, как выбирать. Большевики предлагали произвести пропорциональные выборы, меньшевики же и эсеры, явно для того, чтобы отклонить это предложение, предложили нам совершенно неприемлемое — составить общий список, причем, конечно, включить туда поровну и меньшевиков, и эсеров, и беспартийных, т.-е., другими словами, снова оставить большевиков в абсолютном меньшинстве. Представительница меньшевиков Доманевская выступила на совете и указала, «что необходимо стараться об'единить весь рабочий класс, чтобы они начали работу в духе интересов рабочей демократии. Когда мы предложили товарищам-большевикам составить об'единенный список, то они отказались, и поэтому мы вынуждены были об'единиться с эсерами и беспартийными для составления списка в противовес товарищам-большевикам». Так меньшевики лицемерно прикрывали свою борьбу против большевиков и нежелание пустить их в исполнительный комитет. В результате голосовались два списка, и наш список получил 124 голоса, а список блока меньшевиков и эсеров, в который они включили для приманки нескольких беспартийных, среди которых был и Егоров-Орлетинов, отошедший от анархистов и еще не примкнувший к меньшевикам, получил 150 голосов и занял все места в исполкоме, не допустив туда ни одного большевика. Пришлось снова вести длительную работу по фабрикам и заводам, переизбирая там депутатов, привлекая беспартийных депутатов на свою сторону, вплоть до конца августа, когда удалось свергнуть меньшевиков и эсеров.

Мы уже упоминали, что, несмотря на засилие меньшевиков и эсеров в исполкоме райсовета, по всем наиболее выдающимся политическим вопросам общие собрания районного совета, собиравшиеся в особо важных случаях в более расширенном составе, вместе с фабрично-заводскими комитетами, принимали наши предложения. Так, 12 апреля (еще до слияния с Благушинским райсоветом) было единогласно (против одного) принято наше предложение по вопросу о займе свободы следующего рода:

«Пока во главе России стоит Временное правительство—ставленник буржуазных классов,—которое до сих пор не слагает тягот налогового бремени с плеч беднейших классов населения на непомерно разбогатевшую во время войны буржуазию и по своим классовым интересам не сделает этого; пока Временное правительство не отказалось на деле от захватной политики, от жажды контрибуций, от тайных договоров, заключенных за спиною народа правительством свергнутого Николая,—до тех пор участие в займе является лишь

поддержкой воинственных планов нашей буржуазии и разбивает классовую солидарность международного пролетариата, поэтому собрание отказывается поддерживать заем свободы».

Затем мы приведем резолюцию райсовета, припятую 12 июня о финансово-экономическом положении страны, где уже указывается, что улучшение финансово-экономического положения возможно лишь при переходе власти к советам. Предлагалась и об'единенная меньшевистско-эсеровская резолюция; как видим, она полна благих пожеланий, но неисполнимых по той простой причине, что таковые меньшевики и эсеры поручают Временному правительству, ставленнику буржуазии. Стоит попутно отметить, что тогда меньшевики и эсеры признавали финансово-экономическую разруху явившейся результатом войны в достаточно грозном виде, а после Октября сваливали всю вину за разруху на большевиков. Резолюция большевиков была принята 60 голосами, а резолюция меньшевиков и эсеров получила только 41 голос.

Вот эти резолюции:

Резолюция большевиков (принятая):

«1. Полное расстройство всей хозяйственной жизни в России достигло такой степени, что катастрофа неслыханных размеров, останавливающая целый ряд важнейших производств, подрывающая сельское хозяйство, прерывающая железнодорожное сообщение, лишающая многомиллионное население городов подвоза хлеба,—такая катастрофа стала неминуемой. Мало того, разруха уже началась, охватила ряд отраслей хозяйственной жизни. Успешная борьба с разрухой возможна лишь при крайнем напряжении сил народа и принятии ряда немедленных революционных мер как на местах, так и в центре государственной власти.

2. Ни бюрократическим путем, т.-е. созданием правительства с преобладанием капиталистов и чиновников, ни при условии охраны прибылей капиталистов, ни при сохранении их всевластия в производстве, ни при господстве финансового капитала—спасения от катастрофы найти нельзя. Это с безусловной ясностью установил опыт целого ряда частичных проявлений кризиса в отдельных отраслях производства.

3. Спасение страны от катастрофы требует, чтобы рабочему и крестьянскому населению было внушено—не словами, а делами—самое полное и безусловное доверие к тому, что руководящие и полновластные учреждения как на местах, так и в центре государства не останавливаются перед переходом в руки народа большей части прибылей, дохода и имущества крупнейших банковых, финансовых, торговых и промышленных магнатов капиталистического хозяйства. Не проведя этой меры в жизнь на деле, нельзя ни требовать, ни ожидать проведения действительно революцион-

ных мер и напряжения революционной энергии рабочей и крестьянской массы населения. Путь спасения от катастрофы лежит только в установлении действительно рабочего контроля над производством и распределением продуктов. Для такого контроля необходимо: 1) чтобы во всех центральных учреждениях, ведающих этим делом, было обеспечено большинство за рабочими организациями (профсоюзами СРД, заводскими комитетами) не менее двух третей голосов, при обязательном привлечении к участию как неотошедших от дела предпринимателей, так и технически-научно образованного персонала; 2) чтобы фабричные и заводские комитеты, а равно профессиональные союзы получили право участвовать в контроле над каждым предприятием с открытием для них всех торговых и банковых книг и с обязательством сообщать им все данные. Рабочий контроль должен быть распространен также и на таких правах на все банковые и финансовые операции с выяснением всего финансового положения дела.

Рабочий контроль, уже признанный капиталистами в ряде случаев конфликтов, должен быть немедленно развит путем ряда тщательно обдуманных, но без всякой оттяжки осуществляемых мер, в полное регулирование производства и распределение продуктов рабочими.

4. В виду полного расстройства всей финансовой системы и всего денежного дела, в виду невозможности оздоровить его, пока длится война, в интересах наилучшего снабжения предметами первой необходимости как городского, так и сельского населения, необходима организация в широком областном, а затем и общегосударственном масштабе обмена сельскохозяйственных орудий, одежды, обуви и тому подобных продуктов на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. Широкое привлечение городских и сельских кооперативов к участию в этом деле совершенно необходимо.

5. Лишь одновременно с осуществлением указанных мер возможно и необходимо введение всеобщей трудовой повинности, которая одна только в состоянии обеспечить наибольшую экономию сил народного труда.

6. Одним из важнейших условий устранения экономической разрухи является скорейшее прекращение нынешней империалистической войны.

7. Планомерное и успешное проведение всех указанных мер возможно при переходе всей государственной власти в руки СРС и КД».

Резолюция меньшевиков и эсеров (отвергнутая):

«Общее собрание СРД Благуше-Лефортовского района, обсудив вопрос о финансово-экономическом положении России, признает, что переживаемая страной хозяйственная разруха является серьезной угрозой завоеваниям русской

революции, и потому в интересах ее упрочения и развития необходимо осуществить решительную реорганизацию всего народного хозяйства по единому плану. С этой целью считает необходимым:

1. Длительный и постоянный контроль над производством, осуществляемый государственной властью с участием представителей рабочего класса в лице СРД, профессиональных организаций и пр.

2. Передачу в руки государства общественно-необходимых предприятий в случае отказа предпринимателей от продолжения на них производства.

3. Национализацию государственно-необходимых и достаточно концентрированных отраслей производства, как-то: железные дороги, угольные копи и пр.

4. Уничтожение производства предметов роскоши и перевод занятых в этом производстве рабочих рук в другие общественно-необходимые отрасли производства.

5. Планомерную организацию распределения продуктов и установление неподвижных твердых цен на предметы массового потребления.

6. Установление минимума заработной платы.

Для получения необходимых финансовых средств, правительство должно решительно порвать со старой финансовой системой, основанной на непосильном обложении неимущих классов, и провести широкую налоговую реформу, вступив на путь налоговой беспощадности в отношении к имущим классам. В этих целях необходимо скорейшее осуществление следующих налоговых мероприятий: 1) Общий поимущественный налог. 2) Конфискация военной сверхприбыли, прироста богатств в результате падения рубля, а также нормировка прибыли известным минимумом. 3) Изменение ставок подоходного налога в смысле усиленного повышения, а равно и повышения свободного от обложения минимума дохода. 4) Расширение повышения наследственного налога вплоть до полной конфискации наследственного имущества в известных случаях. 5) Установление налога на незаслуженный прирост ценностей. 6) Налог на роскошь. 7) Конфискация монастырских капиталов и капиталов дома Романовых и передача их в руки государства. 8) В случае необходимости — принудительный заем.

Для проведения всех указанных мер необходима организация наших сил вокруг советов РС и КД для поддержки Временного правительства в осуществлении намеченной финансово-экономической программы, что только и в состоянии вывести Россию из критического положения, в которое привело страну старое правительство. Вместе с тем собрание полагает, что только скорейшее прекращение войны на основе мирной программы, которую провозгласил Петроград-

ский совет рабочих и солдатских депутатов, способно создать благоприятные условия для улучшения экономического положения страны, ибо затяжная война—главная причина нашей разрухи».

Июньское наступление, когда буржуазия, поддерживаемая социал-оборонцами, снова погнала в бой жаждущих конца войны солдат,—наступление, окончившееся для нас полным поражением, всколыхнуло рабочие и солдатские массы и снова приковало их внимание к вопросу войны и мира. Мнение района вылилось в решение, принятое районным советом вместе с фабрично-заводскими комитетами на собрании 26 июня. Принятию этой резолюции предшествовала яростная дискуссия с меньшевиками и эсерами, которые за свою резолюцию получили только 107 голосов, в то время как наша получила огромное большинство—233 голоса. Приводим эту резолюцию:

«Наступление, начатое 18 июня под знаменем свободы, на деле стремится выполнить задачи империалистов. Революция определенным образом поставлена на службу буржуазии—российской и союзных стран. Такой характер предпринятой военной операции наносит тяжелый удар по движению рабочих, поднявшихся во всех странах против войны и империализма. Поэтому собрание, пока союзные правительства еще не отказались от захватных стремлений, воздерживается от поддержки политики наступления, противопоставляя этому призывному кличу мировых хищников требование: а) передачи власти советам РК и СД и б) предложить от имени полновластного совета немедленно на справедливых началах построенный мир всем воюющим народам»

Затем приводим резолюции (пленум совета 17 июля) нашу и меньшевиков и эсеров по поводу петроградских событий. Вот наша резолюция, получившая 92 голоса:

«Принимая во внимание: 1) что выступление петроградских рабочих, солдат и матросов в дни 3—5 июля является стихийной, но верной и решительной попыткой разрушить заговор против революции, организуемой представителями крупной буржуазии, 2) что обстановка петроградских событий с несомненностью показывает, что частичные проявления движения были захвачены и выполнены черными противниками революции и злейшими врагами социалистического пролетариата, 3) что приемы, предпринятые правительством для подавления движения, и попытка об'явить врагом народного дела целые слои пролетариата и определенную политическую партию, знаменуют открытый переход власти на контр-революционный путь, 4) что разложение коалиционного министерства и неустойчивость общего положения центральных советов рабочих и солдатских депутатов несут величайшую опасность для страны,—общее собра-

ние совета рабочих депутатов Благуше - Лефортовского района полагает, что правильным и действительно революционным по содержанию выходом из современного положения является: 1) передача всей полноты власти в руки советов рабочих и солдатских депутатов для создания правительства, способного не только закрепить достигнутые завоевания, но поднять революцию и на высшую ступень, 2) решение новой революционной властью задач, которые ныне с невиданной остротой поставлены в порядок дня: а) раскрытие и подавление заговора против революции, б) проведение мер—против воли капитала—по организации промышленности, в) разрешение земельного вопроса вопреки сопротивлению помещиков, д) приступ к прекращению войны не на словах, а на деле против империалистов всех стран».

И на ряду с этой решительной и определенной резолюцией, требующей власти советам, решения земельного вопроса, прекращения войны и т. п. мы имеем трусливо-предательскую резолюцию меньшевиков и эсеров (получившую 50 голосов). Она гласит:

«1) Резкий перелом в настроениях широких масс вызванный авантюристской попыткой вооруженного выступления против Временного правительства, ставит перед страной действительную опасность контр-революции. С другой стороны, меры по ликвидации вооруженного выступления 3—5 июля создают почву для агитации контрреволюционеров, выступающих пока под флагом восстановления революционного порядка, но могущих положить дорогу военной диктатуре. 2) Ввиду этой грозной опасности необходимо, чтобы охрану революционных свобод и утверждение революционного порядка немедленно взяло в руки Временное правительство по соглашению с органами революционной демократии и политическими организациями пролетариата. Исключительные меры могут применяться лишь по отношению к отдельным лицам, обвиняемым в определенных выступлениях против революции, но не к целым партиям и политическим течениям, и должны быть обставлены достаточными судебными гарантиями. Только таким путем можно предупредить самосуды и погромы и пресечь в зародыше всякие контр-революционные попытки».

Эта резолюция меньшевиков-эсеров настолько ясна, что не нуждается в особых комментариях.

Для того, чтобы закончить характеристику этого периода, приведем еще резолюции, принятые на том же пленуме 17 июля в связи с кризисом Временного правительства вследствие выхода кадетов из министерства. Резолюция большевиков по этому вопросу гласила следующее:

«Совет рабочих депутатов Благуше-Лефортовского района, обсудив вопрос о кризисе власти, признает:

1. Выход из министерства кадетов знаменует собой откол от революции части либеральной буржуазии.

2. Временное правительство в настоящий момент должно быть составлено таким образом, чтобы было обеспечено самое решительное и безотлагательное проведение программы революционной демократии, принятой на с'езде советов, и—в первую очередь—финансово-экономических мероприятий, земельного и рабочего вопроса, организации производства, а также решительной борьбы за мир.

3. Если осуществление этой программы окажется возможным при помощи только тех сил, которые группируются вокруг советов, советы не должны останавливаться перед тем, чтобы взять власть в свои руки».

Данная резолюция может показаться не совсем отражающей точку зрения большевиков, так как в ней говорится о составлении Временного правительства, которое могло бы выполнить программу революционной демократии. Однако, очевидно, составители этой резолюции вполне понимали, что сконструировать такое Временное правительство не удастся, и тем самым намечается необходимость взятия власти в руки советов, каковой лозунг не выдвигался практически в данную минуту только вследствие неподготовленности рабочих и солдатских масс для этого.

Затем приводим резолюцию меньшевиков:

«Перед пролетариатом стоит задача упорной борьбы с контр-революцией; не только помещики и чиновники—приверженцы старого строя,—но и буржуазия, крупная и средняя, открыто выступают на борьбу с революционной демократией. Буржуазия не может примириться с программой, выдвинутой с'ездом советов. Решительная борьба за мир, полная политическая свобода, свобода самоопределения национальностей, планомерная организация промышленности и государственный контроль над ней, разрешение земельного и рабочего вопроса, беспощадное обложение капиталистов,—все эти меры встречают упорное сопротивление буржуазии и побуждают ее переходить в лагерь контр-революции.

Дезорганизованные выступления в Петрограде, являющиеся результатом недостаточной сплоченности сил революционной демократии, ускорили появление контр-революционных стремлений буржуазии. С другой стороны, неудачи на фронте, вызывающие панику среди широких слоев населения, создают достаточную основу для укрепления контр-революционных сил. Восстановление смертной казни, приказ об аресте отдельных деятелей без пред'явления им определенных обвинений, закрытие большевистских газет—результат давления усилившейся контр-революции. Но буржуазия идет дальше: она ведет поход против советов, стремясь уничтожить эти опорные пункты революции.

Пролетариат не может примириться с тем, чтобы были уничтожены плоды его титанической борьбы, чтобы была урезана та программа, выполнение которой только и может спасти страну от полного развала. Чтобы выполнить эту программу и спасти революцию, пролетариат знает только один путь—сплочение сил революционной демократии вокруг советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Решительно осуждая всякие частичные выступления, способные лишь расстроить революционные ряды, мы призываем всю революционную демократию к самой деятельной поддержке советов и выражаем свою готовность по первому их призыву выступить на защиту революции».

Несмотря на кажущуюся левизну этой резолюции, в ней вполне ясно видны социал-предательские уши меньшевиков и эсеров. Левизна же ее об'ясняется очень просто: кадеты вышли из министерства, предстоит реорганизация Временного правительства, надо кричать погромче и пореволюционнее, чтобы, с одной стороны, затуманить рабочий класс, а с другой стороны, этим повлиять на введение во Временное правительство парочки новых министров-социалистов, которые на другой же день после этого крика сговорятся с буржуазией на предмет совместного удушения развивающейся революции.

Обе эти резолюции получили приблизительно поровну голосов. Между тем, одна из основных задач, которую ставила себе наша парторганизация в районе,—овладеть районным советом—оставалась еще до сих пор невыполненной, несмотря на то, что к этому времени рабочие и солдатские массы явно шли за нашей партией. Мы снова начали настаивать на перевыборах районного исполнительного комитета, но меньшевики и эсеры, чувствовавшие, что они на этот раз будут выбиты из исполкома, всеми силами оттягивали перевыборы под предлогом, что летом рабочие раз'ехались, что происходят такие политические события, что не время заниматься перевыборами; однако, им не удалось отказаться от них, так как, располагая уже большинством в районном совете и сплоченной фракцией, а также сочувствием и поддержкой многих беспартийных депутатов, мы провели на одном из заседаний районного совета свое предложение о необходимости перевыборов исполнительного комитета, как несоответствующего тем политическим взглядам, которых держалось большинство депутатов райсовета. Эти перевыборы были произведены 28 августа, причем мы не отказались от своего прежнего предложения — принципа пропорционального представительства, и результаты выборов были таковы: из 253 голосов мы получили 160 голосов (63%), и из 20 членов исполкома провели своих 13 человек. С этого времени меньшевики и эсеры потеряли всякое влияние на работу районного совета, и с этого же времени начинается

третий период—период подготовки к непосредственной борьбе за власть советов.

Новый исполнительный комитет на своем первом же собрании 30 августа обсуждал вопрос о необходимости вооружения рабочего класса ввиду явно приближающегося момента решительной борьбы с буржуазией, и вынес следующее постановление:

«Исполнительный комитет Благуше-Лефортовского совета РД, указывая на необходимость снабжения района оружием, средствами передвижения и пр., выражает пожелание центру произвести точный немедленный учет оружия и его перераспределения под контролем совета и политических партий».

Однако, оружие крепко держалось в руках буржуазии и военного командования, вовсе не склонных вооружать рабочий класс, и Красная гвардия, возникшая в районе, до самых Октябрьских дней располагала всего 16 старыми винтовками, да и то оставшимися от Февральской революции. Красная гвардия в Москве возникла, как известно, под давлением рабочих масс и нашей партии после корниловских событий, но меньшевистско-эсеровский исполком Московского Совета всячески тормозил ее развитие. В нашем районе Красная гвардия, сорганизованная при исполкоме, насчитывала до 300 человек, обучались упомянутыми 16 винтовками и вела военно-техническое ознакомление с районом. Во главе ее стоял штаб, состоящий из членов совета, состоявших в рядах нашей партии; во главе его находился старый партийный работник тов. Васильев и несколько рабочих и солдат. Его работа, ведшаяся по необходимости полуконспиративно, весьма интриговала меньшевиков и эсеров, и члены исполкома, входящие в состав этих партий, особенно меньшевики, настойчиво требовали у нас допустить их к полному ознакомлению с нашей Красной гвардией, чего они, конечно, не добились.

Что касается практической работы районного совета, то, как мы уже отмечали выше, она невелика ни по своему об'ему, ни по своему значению. Почти с первого момента своего возникновения при районном совете были сорганизованы следующие комиссии: хозяйственная, финансовая, мандатная, ревизионная, культурно-просветительная, продовольственная, муниципальная и конфликтная.

Мы не будем останавливаться на первых четырех из них, как обслуживающих самый аппарат районного совета; остановимся вкратце лишь на остальных.

Культурно-просветительная комиссия вообще не развила сколько-нибудь значительной работы, так как условия того бурного периода жизни, конечно, совершенно не благоприятствовали развитию мирной культурно-просветительной работы.

Продовольственная комиссия также не развила большой работы, отчасти еще потому, что продовольственная работа

находилась в руках участковых, затем районных дум. Все-таки ей и исполнительному комитету приходилось обсуждать такие вопросы, как участие в выдаче дополнительных продовольственных карточек, участие в рабочих кооперативах и вообще о продовольственном положении. Так, можно отметить, что на собрании исполнительного комитета 24 апреля был заслушан доклад продовольственной комиссии, и было принято следующее предложение:

«Поручить комиссии войти в самые тесные сношения с существующими участковыми продовольственными комиссиями и центральной продовольственной комиссией, добиться права производить обыски и реквизиции, контролировать и следить за правильностью торговли предметами продовольствия, лавочниками и булочниками». Это предложение было внесено эсером Лапиным. Поводом для такой архи-левой резолюции послужил его доклад, из которого «выяснилось, что Москва в отношении продовольственных продуктов переживает катастрофический момент, и улучшения продовольственного вопроса ожидать ранее 5 мая или около этого нельзя». Однако, провести на практике эти решения соглашатели, конечно, были неспособны, и меньшевистско-эсеровский исполком весьма скоро успокоился относительно продовольственного положения, и в мае по докладу продовольственной комиссии в протоколе записано:

«Из докладов выяснилось, что с продовольствием дело начинает налаживаться, и есть надежда в самом недалеком будущем разрешить его благополучно». Затем указывается, что по докладу возникли прения, из которых «выяснилась необходимость входить в кооперативы и тем самым устранить продовольственную разруху». Таким образом, продовольственный вопрос не занял достаточного места в работах районного совета того времени.

Что касается муниципальной комиссии, то под ней имелась в виду комиссия, которая наблюдала за деятельностью районных (участковых) дум, а также принимала то или другое участие в организации выборов в участковые и районные думы. Так, мы имеем сведения, что 15 апреля эта комиссия созывала всех рабочих и представителей социалистических организаций, избранных в участковые думы, для обсуждения вопросов об их работе. Были и другие собрания и работы в муниципальной комиссии, но надо сказать, что, поскольку выборы в участковую, районную, а также городскую думу принимали характер политической борьбы между разными партиями, постольку главная часть этой работы проводилась через муниципальные комиссии при комитетах партии. Была попытка меньшевиков и эсеров провести вопрос о выступлении кандидатов в городскую думу не политическими партиями, а советами, имея в виду использовать

тогдашнее большинство в них для проведения своих кандидатов; но это, конечно, было отвергнуто.

Более серьезный характер могла бы иметь конфликтная комиссия, разбиравшая вопросы столкновений между рабочими и предпринимателями, каковыми вопросами не занимались районные и участковые думы, а профессиональные союзы, которые по крайней мере в первый период керенщины еще только организовывались. Однако, и здесь в конечном счете работа не давала ощутительных результатов по той причине, что эта конфликтная комиссия не имела никаких прав, и воздействие ее на предпринимателя в конце концов было чисто моральное, и последние имели возможность игнорировать ее решения, а некоторые наиболее зубастые и непримиримо настроенные отказывались даже признавать самую комиссию и являться по ее приглашению.

Не будем останавливаться еще на некоторых других работах, как например, в комиссии по проверке военнообязанных и др. Необходимо указать, что главнейшая практическая работа (продовольственная, просвещение и т. п.) происходила в районных (сначала участковых) думах, где в нашем районе почти с самого начала революции имели очень большое влияние члены нашей партии. В особенности большое влияние имели они в районных думах, которых в нашем районе было две: 8-я и 10-я. Выборы в эти думы состоялись в сентябре, и наша партия получила на выборах абсолютное большинство голосов (от 65 до 70% всех избирателей), а на Благуше, с ее рабочим населением, за наш список было подано около 77% всех голосов; в обеих думах были избраны чисто большевистские управы. Эти выборы, состав районного совета, настроение рабочих и солдатских масс, а также все политические события, происходившие в это время, ясно показывали, что дело близится к развязке—советы должны победить, или они будут раздавлены обнаглевшей наступающей буржуазией. Пленумы районных советов были заняты страстным обсуждением политических событий; массы через своих депутатов требовали от нашей партии, чтобы она повела их в бой; меньшевики в совете еще делали слабые попытки воспрепятствовать нашему влиянию на рабочих, эсеры же почти перестали посещать и выступать в совете: видимо, они уже поняли, что без вооруженной схватки не обойтись, и готовились к ней по ту сторону барикад.

Наконец наступили решающие Октябрьские дни. Исполком районного совета выбирает свой боевой орган—военно-революционный комитет района из наиболее активных и преданных товарищей района, в числе 5—7 человек; с утроенными силами организуется и развертывается Красная гвардия, организуется военный штаб района, связывается с воен-

ными частями, и начинается борьба, длившаяся более недели. Мы не будем подробно описывать этого периода, уже описанного нами в упомянутом выше сборнике «Октябрьское восстание».

После победы Военно-Революционный комитет передает завоеванную власть в районе совету с его исполнительным комитетом, которому теперь предстояла огромнейшая работа, но и огромнейшие возможности, ибо власть из рук буржуазии вырвана и перешла к советам.

Вот повестка и порядок дня первого после Октябрьской революции собрания районного исполнительного комитета, что может дать понятие о колоссальной работе, которую начали проделывать теперь советы:

1. Доклад Военно-Революционного комитета.
2. Оповещение для совета.
3. О Красной гвардии.
4. О работах по выборам в Учредительное собрание.
5. Культурно-просветительная работа.
6. Работа в комиссариатах.
7. Представительство от воинских частей в совете.
8. Районная дума.
9. Бюро труда.
10. Организация рабочего контроля.
11. О похоронах и др.

Такова история одного из районных советов города Москвы. Ее сущность—организация рабочих масс, сплочение их через своих выбранных депутатов в целях организованной борьбы против буржуазии, против грабительской войны, за мир, за фабрики и заводы, за землю—за власть советов. На пути этой борьбы стояли социал-предатели—меньшевики и эсеры, которые старались использовать все меры, чтобы удержать рабочий класс от решительного натиска на буржуазию.

Для этого были использованы и прежние заслуги перед революцией некоторых деятелей из этих партий, и запугивание рабочего класса контр-революцией, указывалось на неспособность рабочего класса взять в свои руки управление страной, на опасность разрыва с крестьянством и т. п.

Стряхнуть с себя тот обман, которым старались опутать его меньшевики и эсеры,—вот задача, которая возникла перед рабочим классом в этот период; когда она была разрешена, рабочий класс и солдаты, под руководством нашей партии легко достигли в Октябрьские дни победы над своим классовым врагом и приступили к организации первого в мире рабоче-крестьянского Советского государства.

★

Землячка

РОГОЖСКО-СИМОНОВСКИЙ РАЙОН

Как мы отвоевали Рогожско-Симоновский совет

(Воспоминания о первой фракции совета)

В начале июля 1917 г. я направилась в Рогожско-Симоновский район, где в то время было засилье меньшевиков и эсеров. Я получила мандат с правом решающего голоса от райкома РСДРП(б) в порядке обычного делегирования от партийной организации и явилась с ним в районный совет прямо на заседание. Со мною был тов. Сокольников, который должен был делать доклад, кажется—по вопросу о займе свободы, но ему пришлось уйти, ибо от нашего докладчика они отказались, и он предпочел не «воевать».

В то время Рогожский район только что отделился от Басманного. Меньшевики к этому придрались и категорически отказались дать мне даже совещательный голос. Идя в совет, я знала, что в совете имеется максимум 3 большевика из количества около 200 человек членов совета. Тогда я решила узнать, на что мы можем рассчитывать. В совете, не прося слова у председателя (да простится мне эта недисциплинированность), я произнесла трехминутную речь с призывом следовать за мною всем, кто разделяет программу и тактику РСДРП(б), и ушла из зала заседания. Вслед за мною вышло 26 человек. Это было в народном доме. Мы довольно долго топтались на улице, не зная, куда направиться для совещания, но кто-то надоумил направиться в школу на Пустой улице, дом 23, где позже у нас существовал райком. Здесь мы заложили начало первой фракции большевиков Рогожско-Симоновского района, выбрав на этом собрании временное бюро. Меньшевикам ничего другого не оставалось делать, как дать мне представительство в совете.

С этих пор начинается упорная, ожесточенная борьба. Каждое мое выступление сопровождалось шумом, криком, обструкцией. К таким «ласковым» выкрикам по моему адресу, как «немецкий шпион», «провокатор», мы привыкли, так что

даже не обращали на это внимания. С первого же заседания стали, кроме меня, выступать и другие товарищи (Пискарев, Радзивиллов и др.). Мы заранее готовили наших «ораторей,— лишают слова меня, выступает Пискарев, за ним еще кто-нибудь и т. д. Особенно запомнилось мне историческое заседание, на котором возбуждался вопрос о наступлении. Чувствовался уже перелом в настроении делегатов в нашу сторону, и, несмотря на то, что при страшном шуме и криках—«шпионы», «провокаторы» и пр.—меня лишали слова, в аудитории чувствовалось уже, что несмело, боясь своих лидеров, масса все же идет за нами. До этого незадолго было интересное собрание, показавшее массе безжизненность, неподвижность меньшевиков. Кто-то сообщил, что возбужденная толпа бросилась громить Таганскую тюрьму. Меньшевик Грановский—председательствующий—предлагает продолжать собрание. Обсуждали какой-то пустяк. Я предложила немедленно отправиться всем туда. Грановский предложил обсудить мое предложение, но всей массой депутаты бросились с своих мест и двинулись за мною. Настроение тогда было погромное. И, придя к тюрьме, мы поняли, что наше присутствие здесь было необходимо. В 10 минут мы рассеяли толпу в несколько тысяч человек. Хотели растерзать убийцу, какого-то попа. Была несомненная провокация для того, чтобы выпустить уголовных и начать погром большевиков и евреев.

Наши выступления в совете, чрезвычайно организованные, и большая работа по предприятиям дали нам возможность овладеть советом в очень короткое время, и последующие выборы нами уже были подготовлены. Список прошел целиком наш. За нами шла уже вся масса рабочих и солдат. Наши лозунги были выражением мыслей и чувств лучшей части пролетариата. Мы выражали целиком их волю. И мы не могли не победить. То был момент, предшествовавший Великой Октябрьской революции.

И. Батышев

ОКТЯБРЬ В СУЩЕВСКО-МАРЬИНСКОМ РАЙОНЕ

Утром 26 октября два десятка вооруженных красногвардейцев военно-артиллерийского завода были направлены в распоряжение Сущевско-Марьинского совета.

В течение всего дня в районе кипела организационная работа. Оживление небывалое, одна за другой появлялись организации от фабрик и заводов за получением информации о положении дел в Москве, Петрограде. Около двух часов дня стали собираться члены районного совета, фабзавкомов и представители других районных рабочих организаций на чрезвычайное расширенное заседание районного совета. Шум, говор во всех углах, всюду обсуждаются происходящие в Москве и Петрограде события. Информация из центра поставлена была слабо. Не знали, как будут реагировать на переворот фронт, провинция и т. д.

А что в Москве? Присоединится ли к рабочим гарнизон? А есть ли в распоряжении советов достаточное количество вооруженных рабочих? Что делают меньшевики и эсеры? Тысячи тревожных вопросов возникали у рабочих депутатов—кто даст на них ответы, кто в курсе всех событий?

Районный совет открыл свое чрезвычайное собрание.

Краткая информация о событиях. Передается директива Военно-Революционного комитета Московского Совета об организации рабочих масс, об их вооружении, о том, что районный совет должен избрать районный ревком, который должен взять власть в районе в свои руки и быть надежной опорой Московского ревкома. Слушаются доклады с мест. Один за другим делегаты фабрик и заводов передают волю и настроение своих рабочих и работниц. Массы охвачены энтузиазмом и передают через своих депутатов, что выступят по первому призыву ревкома за завоевание власти советами. В заключение на этом собрании избирается военно-революционный комитет. В него проходят представители самых крупных предприятий района: от военно-артиллерийского завода—тт. Прохоров и Аболь, от профсоюзов—тов. Щербаков-Сидоров. от обмундировочной фабрики—тов. Лисовский, от испол-

нительного комитета районного совета—тов. Ходырев, от МК РСДРП(б)—тов. Кольцов и от Бутырского районного комитета партии—тов. Людвинская. Таким образом была создана первая революционная власть в районе в лице только-что единогласно избранного военно-революционного комитета. Закрыв собрание, ревком не стал ожидать развития событий и плестись в хвосте, а в полном сознании всей важности порученной ему рабочей массой района задачи и ответственности, которую он взял на себя перед революцией, он вступил на путь ряда революционных мероприятий и начал развертывать свою работу. В работе ревкома приняли равное участие и члены исполнительного комитета районного совета, но организаторских сил все же было мало. Всюду нужны свои люди. Нужно было вести руководящую организационную работу в районе, обслужить своими товарищами хотя бы самые важные общественные учреждения района, т.-е., вернее, захватить и подчинить их всецело распоряжению ревкома.

В 5—6 часов этого же дня открылось первое заседание ревкома. Обсуждались самые спешные и важные вопросы. Наметили план и приблизительно распределили роли по выполнению его.

В первую очередь решено было подчинить 4 милицейских комиссариата и поставить там своих комиссаров. 1, 2 Сущевскими и Марьинскими комиссариатами постановление исполняется без всяких усилий со стороны товарищей, делегированных ревкомом. Милиционеры охотно отдали себя и свое оружие в распоряжение ревкома. Некоторое сопротивление оказали милиционеры 3 Сущевского комиссариата. Они, находясь под влиянием эсеров, не желали подчиниться распоряжениям ревкома. Долго митинговали, но в конце концов им заявили, что в данный критический момент для революции не может быть сохраняема нейтральность, и что кто не с рабочими, тот против них, тем более это относится к людям, имеющим оружие в руках.

Около 12 часов ночи, наконец, сошлись на предложении послать в центр выборных от милиционеров для информации об отношении к перевороту руководящих союзных органов милиционеров, причем было постановлено, что если правление союза милиционеров стоит за переворот, тогда и они подчинятся всем приказам районного ревкома.

На этом было покончено, и через час—полтора в этом комиссариате произошло то же, что и в первых трех. Итак, первые революционные шаги увенчались успехом.

Кончилось первое заседание ревкома. Районный совет представлял собой улей, в котором все жужжит, шумит и беспрерывно двигается: это рабочие и работницы, кончив дневную работу на фабриках и заводах, пришли в совет

для вступления в ряды Красной гвардии, за вооружением для своих предприятий, за получением информации о происходящих событиях и за директивами ревкома. То и дело приезжают товарищи из центра, из Московского ревкома, его штаба, и информируют о развертывании событий.

Оказывается, юнкера уже во всеоружии готовились дать отпор рабочей революции. Ими был окружен Кремль, в котором заперт революционно настроенный батальон 56 пехотного полка. Александровское военное училище представляло собой вооруженный лагерь. Всюду ходили юнкерские патрули. Анархисты тоже не дремали и, захватив редакцию «Московского листка», выпустили первый номер «Анархии», в котором призывали рабочие массы следовать их примеру, т.-е. не признавать ни хозяев, ни начальства, а действовать так, как кому вздумается [1]).

С вечера начали поступать из штаба Московского ревкома телефонограммы с просьбой прислать на охрану ревкома отряды Красной гвардии. Позже эти просьбы стали еще настойчивее, и предполагалось немедля прислать до 500 человек рабочих, хотя бы без вооружения, в надежде снабдить их оружием в центре.

Все здание районного совета дрожало от напора собравшихся. В трех маленьких комнатах (Селезневка, д. 44) происходило формирование десятков отрядов из рабочих и отправка их в распоряжение центра. В это время ревком решил перебраться в более просторное для себя и своего штаба здание, на первом своем заседании постановил занять под ревком здание электротеатра «Олимпия», которое занял отряд красногвардейцев. В занятом театре, по сведениям, полученным от его владельца, в этот вечер устраивался бал. На этом балу должен был играть оркестр юнкеров. Однако, можно предполагать, что юнкера, очевидно, хотели в этом театре устроить свой опорный пункт, имея вблизи с ним свой большой резерв из студентов Института инженеров путей сообщения [2]).

Не прошло и двух часов, как юнкера, узнав, что красногвардейцы заняли «Олимпию», приехали на грузовых автомобилях, обстреляли театр, выбили все стекла и скрылись. В этот вечер, узнав на заседании районных дум в Сухаревском народном доме о том, что через 15 минут начнутся на улицах первые стычки, я сообщил срочно по телефону в завком военно-артиллерийского завода секретарю тов. Доман и члену завкома, тов. Цыганову, прося их снять всех чле-

---

[1]) Нефедов.—Сборник воспоминаний „Октябрь на Пресне“.

[2]) Студентом этого института в 1921 г. сделано сообщение во время партпроверки в этом институте, что 26 октября 1917 г., утром, студенты, сагитированные профессорами института, направились в распоряжение белогвардейского штаба, в чем указанный студент и сам принимал участие.

нов партии и Красной гвардии с работы завода ночной смены и направить их в распоряжение Сущевско-Марьинского и Бутырского ревкомов. Прибыв на завод вместе с членами райдумы, тт. Щукиным, Сыс и другими, мы попали в момент, когда члены ячейки, насчитывавшей в своих рядах до 300 человек, строились во дворе завода в десятки и направлялись тов. Цыгановым в распоряжение Бутырского и Сущевско-Марьинского ревкомов.

Остановив заводские машины, я сделал распоряжение о даче звонка для окончания работы. Масса рабочих, еще ранее недоумевавшая по поводу ухода большевиков из завода, высыпала на двор и расположилась вокруг заводской трибуны. 2.000 глаз рабочих и работниц, бросивших ночную работу, пронизывают испытующими взорами; стараюсь быть хладнокровным, но чувствую, что нервная дрожь пробегает по всему телу, и руки дрожат от волнения.

Рабочие, затаив дыхание, замерли на месте. Мой голос прерывает эту зловещую тишину. Во время моей речи мы услышали начавшуюся в центре первую стрельбу.

Указывая рукой в сторону раздающихся выстрелов, я говорю: «Товарищи, вы слышите выстрелы начавшейся борьбы. Если вы не хотите попрежнему быть под ярмом капиталистов, то должны принять участие в этой борьбе. Перед нами стоит задача: победить или умереть на славном посту, на барикадах». Тысячи голосов кричат: «Мы идем все на барикады». Сердце сжималось от радости, смотря на этих серьезных, полных жизни и огня товарищей. Энтузиазм был настолько велик, что даже меньшевики, принявшие в этот вечер постановление держать нейтралитет, и часть правых эсеров, до этого враждебно настроенные, спешат записываться в десятки.

Столовая завода превратилась в бивуак. Мужчины строятся в десятки и под руководством десятского направляются в Бутырский и Сущевско-Марьинский ревкомы в театр «Олимпия».

Женщины строятся в отряды красных сестер, из них выделена группа в разведку. Часть женщин вошла в комиссию по добыче продовольствия, часть взяла на себя функции кормежки и изготовления пищи красногвардейцам.

Рабочие—все грязные, прямо от станка, голодные. Нужно было достать продукты, чтобы накормить их, да и запастись продуктами для другого дня.

Мы пошли в заводское общество потребителей, которое возглавлялось меньшевиками, и предложили им снабдить нас продуктами, обещая расплатиться с ними после. Забрав у них продовольствие, мы направили часть его в районный ревком.

При выступлении во всем Сущевско-Марьинском районе находилось около 5—7 старых берданок, и, кроме того, в ночь на 27-е Нефедовым и Якуненко было получено еще до 50 штук берданок от конвойной команды при Бутырской тюрьме.

Многие рабочие имели заранее сделанные на заводе кинжалы, а некоторые (таких были единицы) имели револьверы.

Положение с оружием было отчаянное. Отдельные заводы принимали все меры к получению оружия. Тов. Щукин, рабочий военно-артиллерийского завода, состоявший в это время членом исполкома Московского Совета, достал в Московском Совете разрешение на получение оружия из Московской конвойной команды, находившейся против завода и не соглашавшейся выдать нам оружие без такой бумажки. Пред'явив требование Московского Совета о выдаче нам оружия, мы получили от команды 17 штук новых берданок вместе с патронами.

Для 4.000 рабочих 17 винтовок были мизерным количеством, но мы ухватились за эти винтовки, как за якорь спасения. Из этого количества только одна винтовка была оставлена для охраны завода, а остальные были распределены по разным десяткам, причем каждому десятку давали 1—2 ружья, большинство же десятков было совсем без оружия. В первую же ночь боев рабочие артиллерийского завода, как указано выше, заняв театр «Олимпия», ждали дальнейших распоряжений. В здании всю ночь царил полный хаос. Члены ревкома отсутствовали, не успев переехать из старого помещения на Селезневке, д. 44. Каждый десяток и отдельные группы товарищей сами решали, кому и чем заняться, и сами, без всякого плана, направлялись отрядами, без оружия, туда, где, стреляли.

Тов. Аболь, член ревкома, был назначен комиссаром 2 Сущевского комиссариата милиции. 3 Сущевский стал возглавлять другой член ревкома, тов. Щербаков. Были приняты соответствующие меры к установлению в районах караулов, а также выделены патрули. Во всех подозрительных квартирах, в особенности у бывших офицеров, были произведены обыски и отобрано оружие; район необходимо было очистить во всех отношениях. В подозрительных учреждениях района были произведены также обыски.

Помогало то обстоятельство, что граждане района сами сообщали адреса живущих в районе офицеров, генералов и вообще контр-революционеров.

27 октября, в 7 часов утра, состоялись на всех заводах района общие собрания рабочих, после чего рабочие прекратили работу.

Часть рабочих осталась для охраны завода, являясь в то же время резервом пополнения, а другая направилась в распоряжение военно-революционного комитета.

Рабочие беспрерывными партиями приходили в «Олимпию» для получения того или иного распоряжения ревкома. Большая часть из них—в надежде стать под ружье на революционном посту, другие—за информацией и засвидетельствовать своим приходом солидарность с политикой советов.

В «Олимпии» на лестнице, в фойэ и в зрительном зале было столько народу, что трудно было пробраться за занавес, на сцену, где помещался ревком.

После 10 часов утра в «Олимпию» пришли члены ревкома: тт. Людвинская, Щербаков, Прохоров, Лисовский, а остальных членов не было. Тов. Кольцов, представитель МК, еще накануне заявивший себя больным, ушел часов в 12 ночи и больше в районе не являлся; тов. Аболь, как указывалось выше, сидел во 2 Сущевском комиссариате комиссаром. Тов. Ходырев, будучи контуженным, также не пришел. Собравшиеся члены ревкома и члены исполкома решили устроить расширенное совместное заседание, на котором постановили доизбрать ревком. 27 октября дополнительно избрали в ревком: Кузнецова с завода Ильина, Якуненко с завода Густав Лист, Ермолаева и тов. Нефедова от фабрики Богорова и патронного завода [1]).

Только с этого момента бессистемная лихорадочная работа в «Олимпии» начинает входить в организационное русло, получив твердое руководство.

На меня и тов. Щербакова, члена ревкома, была возложена обязанность наладить дело с доставкой продовольствия. Нами был привлечен к работе тов. Васильев (рабочий военно-артиллерийского завода).

Устроили совещание с председателем Сущевско-Марьинской управы тов. Комаринцем и членом управы, заведующим продовольственным отделом, тов. Успенским, которые и взяли на себя попечение по доставке продовольствия. Эта работа была ими выполнена весьма успешно.

Большое подспорье в смысле снабжения продовольствием оказывало нам заводское общество потребителей «Пролетарий» при военно-артиллерийском заводе.

Обновленный ревком, не теряя ни минуты, приступил к работе. Прежде всего нужно было ориентироваться, что происходит в центре. Оживленная перестрелка указывала, что буржуазия при поддержке эсеров и меньшевиков, опираясь на штыки юнкеров и офицерства, без боя не уступит.

Сущевско-Марьинский район занимал пространство от Самотечной площади до Тверской улицы по Садовому кольцу. За кольцом весь район находился в наших руках. Нужно было оградить весь район от неожиданных налетов, для

---

[1]) Нефедов.—Сборник воспоминаний „Октябрь на Пресне.

чего по всем улицам по направлению к центру были направлены отряды рабочих; часть из них патрулировала внутри района, а также в Марьиной роще, где был сильно развит бандитизм. Ревком выпустил бюллетень с призывом населения к выдержке и спокойствию и осветил состояние происходящих битв. Здание Института путей сообщения было вблизи дома, в котором помещался ревком, и можно было предполагать, что со стороны Института возможны попытки нападения на ревком. После произведенного в Институте обыска, причем оружия не было обнаружено, установили за зданием наблюдение [1]). 30 октября здание было занято Красной гвардией по нижеследующему приказу ревкома:

«Тов. Сорокину:

Военно-революционный комитет предписывает вам немедленно занять помещение Инженерного училища по Бахметьевской улице для размещения в нем раненых.

Комиссар Военно-Революционного Комитета А. Кузнецов.

Секретарь Факторович».

Наученные горьким опытом после неожиданного посещения юнкеров, наши штабные работники, несмотря на ночь, разыскали мешки, насыпали их землей и забаррикадировали главные входы в «Олимпию». Всюду выставили караулы как у здания при входах, так и в ближайшем районе. На фабриках и заводах также кипела работа по приведению в боевой вид рабочей массы, вооружались всем, что удавалось захватить за это время, создали боевые руководящие тройки, в задачи которых входило поддержание связи с районным ревкомом, организация отрядов, поддерживание революционного порядка в своих предприятиях и прочее.

Милицию с постов сняли и заменили патрулями ревкома. На утреннем заседании ревкома кто-то из приехавших товарищей из центра передал, что силы Московского ревкома на исходе, что Комитет общественной безопасности и белогвардейский штаб потребовали сдачи ревкома, разоружения рабочих и всякие другие требования, которые обычно предъявляются победителями [2]).

Постепенно район стал получать оружие из разных мест. Большие партии оружия привозили в запакованных ящиках, прямо с вокзалов, и вооруженные рабочие направлялись к центру, выбивая по пути белогвардейцев из занятых

[1]) По словам тов. Нефедова, в Институте, очевидно, при вторичном обыске было обнаружено оружие, ручной пулемет и много кадетской литературы.
[2]) Нефедов.—Сборник воспоминаний „Октябрь на Пресне“.

ими мест. Эта работа велась более успешно ночью, так как белогвардейцам, засевшим на чердаках домов и в квартирах, не видно было, как красногвардейцы ведут наступление.

Днем же отрядам приходилось продвигаться по одиночке, прячась в воротах, за деревьями и столбами.

Группами появляться было невозможно. Был случай, когда мы с отрядом красногвардейцев днем проходили по Самотечной площади, и на нас со всех сторон, с крыш домов, чердаков и прилегающих переулков, посыпался град пуль, и отряду пришлось рассыпаться по одиночке.

На третий день уличной борьбы белогвардейский штаб уже готовился праздновать победу и расправиться надлежащим образом с побежденными. Несмотря на это, директивы центра сводились к тому, чтобы, не теряя ни минуты, организовывать силы.

У нас патроны были на исходе. В это время член ревкома, тов. Прохоров, отправился за вооружением в Симоновскую слободу, в артиллерийские склады. Документы тов. Прохорова представляли собой какой-то клочок бумажки с неразборчивой подписью и без печати; кроме того, он попал на склад очень неудачно, так как только-что перед ним получили по подложным документам винтовки юнкера, поэтому Прохоров оружия не получил и был красногвардейцами задержан до выяснения правильности его документов. Ревком снарядил вторую экспедицию с работницей Сыс на грузовике в Симоновские пороховые погреба за патронами. Вместо Симоновских погребов экспедиция попала в лапы юнкеров, те их отвезли в Александровское училище, отобрали у них документы, деньги и револьверы, там их и продержали в течение всей борьбы. Они были освобождены только после победы над юнкерами.

Весь этот день прошел в организации отрядов на смену стоявшим в центре с начала боев, в доставке им горячей пищи и пр. Часов в 9 вечера приехал в район один из членов Московского ревкома (тов. Усиевич) и сделал на заседании районного ревкома доклад о подписанном перемирии между белогвардейским штабом и Московским ревкомом, сроком на 24 часа. Цель этого перемирия была та, чтобы найти удовлетворяющий обе стороны способ прекращения кровопролития и заключения мира. Естественно, что ревком не мог обойти молчанием создавшееся положение. В результате горячих прений произошел инцидент с анархистами. Анархисты, как и всегда, занимали самую крайнюю (до абсурда) позицию и, конечно, эту линию вели и в ревкоме.

Состав ревкома был самый разношерстный: членами РСДРП(б) были тт. Людвинская, Якуненко, Щербаков-Сидоров и Прохоров, левый эсер Кузнецов, член РСДРП (об'-

единенцев-интернационалистов) Нефедов (последний голосовал по всем вопросам с большевиками), анархисты—Ермолаев и Факторович, последний секретарь ревкома. Хотя абсолютное большинство в ревкоме и было за большевиками, но на этом заседании кого-то не было из них, а потому долго не могли притти к согласованному решению. Инцидент произошел по вопросу о подчинении Московскому ревкому и о соблюдении подписанного перемирия.

Анархисты заявили, что они не желают подчиняться решению центра и принять перемирие, и поэтому они, имея наш штаб в своих руках, не отдадут нашим отрядам, стоявшим на некоторых позициях и в центре, приказ о прекращении боевых действий. Дело дошло до того, что Кузнецов (он был председателем) категорически потребовал подчиниться постановлению ревкома и выполнить его приказ, но Ермолаев, ухватившись за браунинг, не мог никак успокоиться и продолжал кричать, что они не подчинятся, и кончено.

В конце концов страсти улеглись, начали более спокойно обсуждать создавшееся положение и пришли к определенному решению. Решение это заключалось в том, что мы подчиняемся постановлению Московского ревкома, но считаем, что мир может быть подписан только при условии передачи власти советам, вооружения рабочих и т. д. Мы считали, что положение создалось такое, что рабочий класс должен выйти из этой борьбы полным победителем, в противном случае буржуазия на трупах рабочих может восстановить свое господство [1]).

С вечера перестрелка затихла, но не надолго,—юнкера, успев перегруппировать свои силы и не дождавшись конца перемирия, перешли по всему фронту в наступление.

Двинские солдаты, приехавшие в Москву и находившиеся в нашем районе, дрались, как львы; часть их проникла в район телефонной станции и приняла участие в захвате последней. Другие отряды в районе Бронной и Никитских ворот вместе с пресненскими красногвардейцами при наступлении стали штурмом брать отдельные дома, улицы и прилегающие к ним переулки. Пресненцы, сбитые после перемирия, по всему фронту, прислали в Сущевско-Марьинский ревком двух красногвардейцев, прося срочно выслать им подкрепление. Почти все находящиеся в резерве при ревкоме красногвардейцы срочно были погружены на два грузовика и брошены на помощь пресненцам, здесь же в срочном порядке был сорганизован из работниц отряд красных сестер и на третьем грузовике был направлен к месту боя подбирать убитых и оказывать помощь раненым. В этом районе борьба

[1]) Нефедов.—Сборник воспоминаний „Октябрь на Пресне“.

была особенно тяжела, наступающие отряды встречались градом пуль из окон, чердаков и с крыш; местами происходили штыковые атаки, переходящие в рукопашные схватки. Рабочие и солдаты так увлеклись борьбой, что многие сражались без отдыха, без смены и без сна по 3—5 суток и, приходя в штаб, от усталости немедленно засыпали чуть не на круглые сутки.

Во время самого разгара боев наш район и Московский ревком посетили приехавший из Петрограда за информацией тов. Жигарев Гавриил и из Нижнего Новгорода—тов. Королев с подкреплением из отрядов из нижегородских рабочих и солдат. Несмотря на прибывающие подкрепления, сил все же нехватало, и ревком вынужден был обращаться беспрерывно то в один, то в другой завод за подкреплениями. Одно из таких обращений привожу с сохранением орфографии:

«Москва, Ноября 2-го дня 1917 г.

Военно-Революционный Комитет извещает и категорически требует революционный комитет Двинской обмундир. мастерской немедленно прислать сколько могите сил в район немедленно.

Комиссар военно-революционного комитета

тов. ком. Ермолаев.

За секретаря Лисовский.

П. С. Силы необходимы не позже, как к 5 часам утра количеством желательно не менее, как 100 человек.

Ермолаев».

Ревком получил следующий ответ:

«Постараемся послать к 6 часам 80 чалавек.

Я. Кинц».

Тверская от Триумфальных ворот и до самого центра, находившаяся в руках красногвардейцев, беспрерывно почти обстреливалась с обеих сторон из прилегающих к ней переулков. Трудно было уловить, откуда идет стрельба, и по обнаруженному месту шла ответная стрельба. Несмотря на пушку, обстреливающую со Страстной площади Никитские ворота, обстрел площади продолжался, и всякий, кто перебегал площадь по направлению к Московскому Совету, подвергался обстрелу. Все отряды перемешались, некоторые перемешались с пресненцами и бутырцами, ведя наступление под оружейным и пулеметным огнем по направлению к Никитским воротам; некоторые пробрались к Мясницкой улице и перемешались с отрядами Городского и других

районов, стараясь суживать кольцо белогвардейцев. Каждый отряд в большей своей части действовал и порой вел наступление по своему усмотрению без всякой системы и в большинстве под руководством десятского. Чем больше развертывалась борьба, тем больше прибывало солдат и рабочих.

Помню, на пятый день борьбы зашел я в военно-артиллерийский завод, где находилось до 500 человек рабочих, правых эсеров, державших до пятого дня нейтралитет. За ними нам нужно было приглядывать, так как они имели в то время значительное ядро,—меньшевики насчитывали в своей заводской организации до 70 человек и эсеры— 35 человек.

После моей речи, где я осветил всю тяжесть происходящих боев и указал, что победа будет только тогда на нашей стороне, когда все рабочие, которые еще колеблются и не решаются нам помогать, придут к нам пополнять наши ряды и заменят и временно дадут передохнуть измученным бессонными ночами и беспрерывными боями товарищам, эсер Горбенко, освобожденный рабочими во время Февральской революции из Бутырской тюрьмы, куда он был посажен царским правительством на 11 лет, не выдержал. Решительно взошел он на трибуну и, к нашему удивлению, призвал не только рабочих, но и своих соратников по партии встать под ружье и направиться совместно с нами против юнкеров. Голос его звучал убедительно; многие после его речи просили ружья и шли в ревком. Меньшевики, хотя и приняли постановление держать нейтралитет, фактически тоже стали помогать нам,—некоторые, находясь на заводе, помогали его охранять, другие взяли винтовки и сражались во многих отрядах.

Октябрьская революция откололa эсеров и меньшевиков, после же Октября они перешли в нашу организацию; часть же, более непримиримая, осталась на своей прежней линии, в числе последних снова оказался и тов. Горбенко, продолжая с пеной у рта агитировать за Учредительное собрание.

8 дней шла борьба; наши силы с каждым днем росли, на помощь начали прибывать отряды из других городов. Оружие тоже прибывало, каждый мог уже иметь винтовку. Вечером получили сообщение, что по Виндавской жел. дор., находящейся в тылу нашего района, откуда-то идет эшелон будто бы на поддержку юнкерам. Ревком принял меры к надлежащей встрече. Послали разведку на вокзал, на товарную станцию, установили связь и наблюдение за движением по дороге. На следующий день выяснилось, что это пришел эшелон 55 пехотного полка из села Павловского на поддержку частям Московского ревкома. Вместо драки с казаками в здании театра началось братание с представителями этого полка и ликование по случаю пришедшей поддержки.

Эшелон не задерживался в районе и двинулся в полном вооружении с проводниками-красногвардейцами в Москов-

ский ревком. Таким образом, рабочий класс в процессе ожесточенной борьбы организовывал свои силы; их с каждым днем прибывало все больше и больше. Борьба продолжалась. Перевес заметно был на стороне красных, а не белых. Военно-революционный комитет выпустил обращение ко всем товарищам возможно тщательней относиться к удостоверениям, пред'являемым разными лицами, так как было установлено, что документы районных военно-революционных комитетов—Сущевско-Марьинского, Городского и Центрального—подделываются разными темными лицами с целью шпионажа и грабежа.

После обнаружения поддельных документов стало очевидным, насколько необходимо было наладить в ревкоме дело мандатной комиссии, которая до этого времени не функционировала, и 1 ноября ревкомом было поручено тов. Пашуканис, мне и еще одному (не помню фамилии) товарищу организовать мандатную комиссию. Мы выработали следующий порядок выдачи мандатов:

1) Все мандаты и удостоверения выдаются лишь исключительно по делам военно-революционного комитета, за подписью комиссара или его товарища и секретаря, с приложением советской печати.

2) Все делегированные лица, по исполнении своих обязанностей, докладывают пославшему их лицу и возвращают мандаты в мандатную комиссию.

3) Все старые мандаты, выданные революционным комитетом до сего 1 ноября, вновь возобновляются в мандатной комиссии.

В Сущевско-Марьинском районе непосредственно крупных боев не происходило, были лишь небольшие стычки с отдельными группами разведывательных белогвардейских отрядов, пытавшихся проникнуть в глубь района. Главная роль, сыгранная районом в Октябрьские дни, заключалась в том, чтобы не только удержать в своих руках большую территорию от Мещанских улиц и до Тверской улицы по Садовому кольцу, но, главным образом, все усилия были направлены к тому, чтобы выбить врага из занимаемой им позиции и беспрерывно пополнять красногвардейцами Центральный военно-революционный комитет, а также поддерживать связь и взаимно информировать близлежащие районы.

В итоге 8-дневной борьбы, завершившейся победой рабочих и солдат, в районе оказалось 29 убитых товарищей и несколько десятков раненых, но надо считать, что район в борьбе потерял больше товарищей, так как борьба главным образом велась на территории Городского района, и раненые и убитые направлялись в больницы, находившиеся на территории Городского и других районов.

*

* *

ЦЕНА 1 р. 90 коп.

Р

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
Торговый Сектор Издательства
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
Москва, Центр, Кузнецкий Мост, д. 7.
Ленинград, Проспект 25 Октября, 68.
ПОЧТОВЫЙ ОТДЕЛ ИЗДАТЕЛЬСТВА
(Москва — Центр, Моховая, улица, 24, 3-й книжный магазин
Издательства „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“)

